

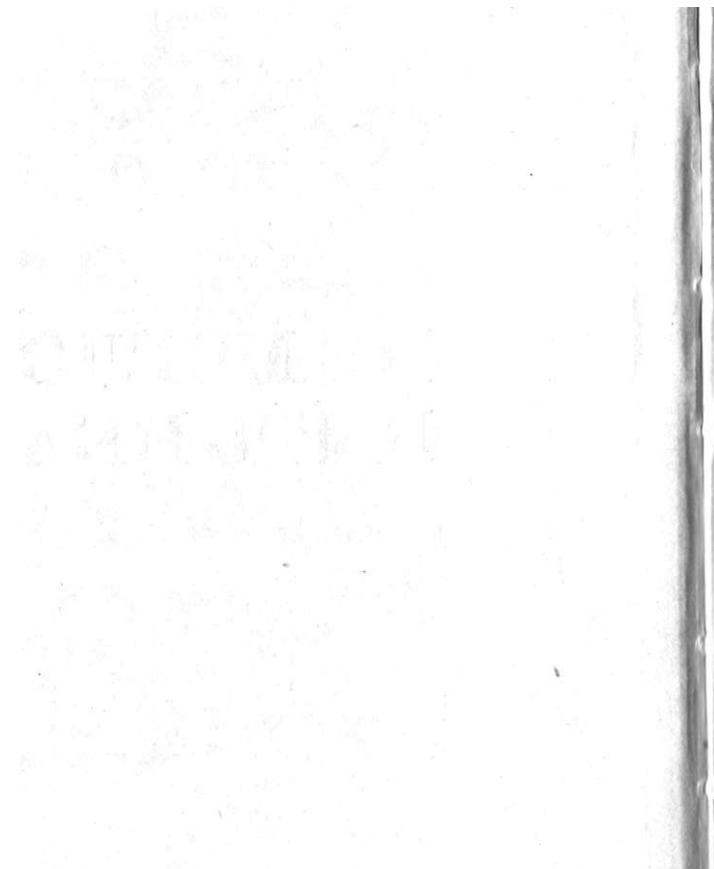
и/фсмос

П. Р. ПОПОВИЧ
В, С. ЛЕСНИКОВ

НЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

КОСМИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1080

ВМЕСТО ПРОЛОГА

БАЙКОНУР — КОСМОС. ГОД 1962-Й.

В августе на Байконуре стоит жара: плюс сорок в тени. Даже ночью температура понижается всего на несколько градусов. И хотя непосредственная подготовка к очередному старту проводилась в утренние часы, все «прелести» изнуряющей парилки пришлось испытать и космонавту, одному из авторов этой книги.

Казалось, что тут такого — пройти несколько метров до автобуса?.. Потом еще несколько минут прокатиться в нем до стартовой позиции, где наступят наконец торжественные мгновения традиционного прощания... Однако и за эти считанные минуты ощущаешь уже, как шея и лицо становятся влажными, как жар близкой полупустыни входит, буквально впитывается телом.

А вокруг человека в скафандре с единственным доступом горячего южного воздуха через открытое забрало шлема люди и легоиных рубашках с отложными воротниками. И никто как будто не замечает столь разительного контраста в экипировке. Все улыбаются, и космонавт отвечает улыбкой. Счастливой улыбкой, радостной. Счастье, радость, благодарность людям, нашей замечательной стране — вот что можно было прочесть в улыбке космонавта в тот памятный день, вот что довелось испытать одному из авторов этой книги в предстартовые минуты в августе 1962 года. К Андрияну Николаеву, уже сутки находящемуся на орбите, отправился еще один космонавт, спутник по полету.

етта.П' " - 0 4 ' - »» - " » • згооомо

Так начался первый в мире групповой полет космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4».

В те дни газеты писали:

«Целями выведения на близкие орбиты двух космических кораблей является получение опытных данных о возможности установления непосредственной связи между двумя кораблями, координированные действия летчиков-космонавтов, проверка влияния одинаковых условий космического полета на человеческий организм».

Предельно короткое сообщение, и, может быть, поэтому программа кажется совсем маленькой и не очень сложной, если, конечно, судить по нынешним меркам...

Попробуем, однако, перечислить некоторые результаты этих полетов, а для этого снова обратимся к прессе тех дней.

«В соответствии с программой полета космонавты освобождались от подвесной системы и проводили сеансы изучения влияния невесомости на координацию движений и работоспособность в космическом пространстве».

Андрян Николаев так описывает этот эксперимент: «Очень интересно, когда не привязан к креслу. В свободном парении человек просто висит в пространстве, не касаясь ни стен, ни пола. Если сделаешь «закрутку», то начинаешь вращаться вокруг своей оси как юла. Когда надо передвигаться, то оттолкнешься чуть-чуть пальцами и поплывешь тихонько, плавно-плавно. Движения рук и ног сохраняют координацию. Я в отвязанном положении, в пространстве кабины вел связь, принимал пищу».

И конечно же, он делает главный вывод: «В невесомости можно жить и работать. Вполне!»

Простой вывод, понятный сейчас каждому, был тогда далеко не очевиден: многие медики сомневались в возможности активных действий человека на орбите. Считали, что после суток пребывания в невесомости в организме человека произойдет резкая перестройка сердечно-сосудистой системы, которая не позволит ему плодотворно трудиться. По мнению некоторых западных ученых, космонавтами могли быть только лица, у которых оперативным путем будет разрушен вестибулярный аппарат. Отрицательные явления в ощущениях Германа Титова к исходу его суточного полета, казалось бы, доказывали начало такой перестройки.

Первые групповые полеты советских космонавтов показали несостоятельность этих пессимистических предположений. Оказалось, что жить и работать в космосе можно!

«Космонавты в процессе полета поддерживают между собой устойчивую радиосвязь и обмениваются технической информацией».

Даже сообщение одного из авторов этой книги о том, что в его пищевом рационе есть натуральный продукт — вобла, было

одновременно одним из контрольных сигналов, по которому проводилась оценка качества впервые в мире установленной между двумя космическими кораблями связи.

«В течение дня неоднократно проводились телевизионные передачи с борта космических кораблей. Миллионы телезрителей Советского Союза и Европы видели на экранах своих телевизоров спокойные, улыбающиеся лица космонавтов. Товарищ Попович во время сеанса на 23-м витке приветствовал телезрителей и наглядно демонстрировал невесомость предметов, давая им «плавать» перед объективом телекамеры».

Юрия Гагарина и Германа Титова миллионы людей слышали, Андрияна Николаева и одного из авторов этой книги могли наблюдать в их космическом жилище. В августе 1962 года родилось советское космическое телевидение. Поток информации с орбиты словно приближал космос...

Вот еще строки из сообщений:

«Во время полета космонавтов осуществлялась передача на приемные телеметрические станции и регистрация физиологических показателей:

- Электрокардиограммы (биотоки сердца).
- Пневмограммы (дыхательные движения грудной клетки).
- Электроокулограммы (биотоки мышц глаза, характеризующие их движение).
- Электроэнцефалограммы (биотоки головного мозга).
- Кожно-гальванической реакции (изменения сопротивления кожи)».

Казалось бы, не так много, но эти важнейшие для человеческого организма объективные показатели подтверждали: работать можно, летать дольше тоже в принципе можно.

Были в программе этих полетов и некоторые научные эксперименты, хотя и весьма несложные. Так, например, изучалось поведение мух в невесомости, изучение жидкости в колбе в спокойном состоянии и при взбалтывании.

По заданию медиков один из авторов этой книги должен был из двух перекрытых трубочек переселить мух в одну общую и наблюдать за их поведением. Смешно было глядеть, как эти бойкие ин Земле цокотухи стали здесь заметно медлительнее, будто только что проснулись от зимней спячки. Так невесомость на них действовала. Но потом они приспособились, стали передвигаться жиисо, даже пытались летать в пробирке. Это был один из первых биологических экспериментов на орбите.

Манерное, у каждого, кто познакомился с этим кратким перечнем результатов полета, невольно возникал да и сейчас возникает вопрос: «Мало это или много?»

Вероятно, мало, если вспомнить, что за трое суток полета уда-

БАЙКОНУР — ОРЕНБУРГ.
ГОД 1957-Й.

лось даже позаниматься английским языком и физикой. Но нельзя забывать, что в то время ученые еще не знали точно, что можно планировать для работы в космосе, а что нельзя. Занятия английским языком и физикой были сами по себе экспериментом по изучению возможностей человека на орбите. Да, пока лишь возможностей и пока в небольших, ограниченных пределах...

Но это было одновременно и очень много. Ответы на поставленные вопросы были получены. Задуманное удалось осуществить.

Четверо суток находился в космосе Андриян Николаев. Трое суток провел на орбите один из авторов этой книги. И одним из первых, кого они благодарили за удачно завершившийся полет, был Юрий Гагарин. Он давал советы. Он разъяснял особенности полета. Он был на связи в течение всего группового полета...

В групповом полете было легче: ведь там, в космосе, уже побывал Юрий Гагарин. Он проложил дорогу в космос, когда никто не мог знать до конца, что ожидает человека в космическом полете. Гагарину предстояло первым узнать это.

Мнение отряда космонавтов, членов Государственной комиссии и Сергея Павловича Королева было единым — доверить первый полет Юрию Алексеевичу Гагарину. Как же это было?

4 октября 1957 года в Советском Союзе запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Из сообщения ТАСС

В ту холодную ночь на стартовой площадке в байконурской степи дарило необычайное волнение. Все с нетерпением ждали докладов с измерительных пунктов. И вот наконец волнующее сообщение — спутник **вышел на орбиту**. Земля приняла исторические сигналы: «Бип-бип-бип». Пустынное поле наполнилось восторженными возгласами: «Ура!.. Вышли, мы первыми вышли в космос!..» Люди обнимались, отбросив обычную сдержанность, хлопали друг друга по плечу. Быстро, **незаметно** все оказались в районе командного пункта, и **Сергей** Павлович Королев, успокаивающе подняв руку, начал свою короткую, но очень даже необыкновенную **речь**:

— Дорогие товарищи! Сегодня свершилось то, о **чем** мечтали лучшие умы человечества. Пророческие **слова** Константина Эдуардовича Циолковского о том, что человечество не останется навеки на Земле, начинают сбываться. Сегодня на околоземную орбиту выведен первый в мире искусственный спутник. С выводом его начался штурм космоса. И первой страной, проложившей дорогу в космическое пространство, явилась наша страна — Страна Советов!

Разрешите мне поздравить всех вас с этой исторической датой, особо поблагодарить всех специалистов, **техников**, инженеров, конструкторов, принимавших участие и подготовке ракеты-носителя и спутника, за их **титанический** труд. Еще раз **большое** вам русское спасибо.

Дружное «ура!» было ответом.

Юрий Алексеевич Гагарин в это время только **еще** завершал свое летное образование в Оренбургском училище.

Митинг в небольшой ленинской комнате училища возник стихийно. Не было председателя, президиума, отсутствовал регламент. Все было просто. Вернувшись с полетов и услышав по радио сообщение о запуске первого в мире искусственного спутника Земли, никто так и не ушел из ленинской комнаты. Завязалась дискуссия. Спорили до хрипоты, отстаивая свою точку зрения — как дальше пойдет освоение космоса. Но вот наиболее ярые противники в споре, исчерпав свои аргументы, замолчали. Понемногу стали расходиться. Вскоре в ленинской комнате остались только несколько закадычных друзей, которым не терпелось поделиться своими сокровенными мыслями. Они не смогли сделать этого раньше, да и теперь, оставшись одни, не сразу решились. Уж очень впечатляющим был этот день.

Среди оставшихся выделялся светловолосый крепкий парень — Юрий Гагарин. Он молча смотрел на своих друзей, с которыми провел два года в стенах ставшего родным Оренбургского училища летчиков. Рядом Юра Дергунов, Валентин Злобин, Коля Репин.

— Что, друзья, замолчали, — первым заговорил с друзьями Гагарин, — здорово, правда? Первый спутник и наш, советский!

— Ты на вес-то посмотри, — откликнулся Дергунов, — целых 83 килограмма. Это первый-то. Что будет через несколько лет?

— Через несколько лет, думаю, много сделать еще не успеем. Первый самолет изобрели полвека назад, но авиация и сейчас не завершила своего развития. А ракеты и спутники посложнее будут, — возразил Злобин.

— Но ведь век-то не тот, Валя? Ты посмотри, какие темпы!

Дергунов схватил лежавший под рукой лист бумаги и начал что-то быстро рисовать. Друзья встали вокруг, с интересом рассматривая рисунок, который под размашистыми движениями Юрия превращался в фантастический космический корабль.

— Вот, ребята, кто-то на таком и полетит, — сказал Дергунов.

— Фантазия это, — небрежно бросил Репин, — смотрите сюда. Корабль будет таким.

Он стал быстро чертить свой вариант космического корабля, комментируя свои наброски.

— Твой корабль, Юра, страдает тем, что он уже вы-

думан фантастами и пока неосуществим из-за незнания ими некоторых теоретических положений. А мы будем говорить о реальном состоянии вещей. Надо, милый Юра, читать научную или научно-популярную литературу по данному вопросу. Кстати, кто из вас читал книгу Васильева «Путешествие в космос»? Отличная книга.

Репин закончил набросок, отодвинул на расстояние вытянутой руки, стал рассматривать. Затем задумчиво произнес:

— И все-таки это тоже пока фантастика... Во всяком случае, ребята, для нашего поколения.

— Ну уж нет. Это ты брось, — снова ринулся в бой Дергунов.

Юрий Гагарин не вмешивался в спор. Он внимательно смотрел на них и пытался понять, кто из них прав. Он чувствовал, что в чем-то его друзья не правы, что-то они говорят не то, но объяснить это что-то не мог даже себе, Юрий молча отошел к другому столу и не заметил, как стал набрасывать свои варианты космических кораблей, которые, однако, походили на самолеты. Один, другой, третий. Какой лучше? Он не знал. Ему нравилось все, лишь бы хоть в каком-нибудь из них можно было бы слетать самому. Юрий вздрогнул от внезапно пришедшей мысли. Вот в чем не правы друзья! Они говорят о космических кораблях как о далеком будущем. Ни один из них даже не задумается о том, что сможет слетать в космос сам.

— Ведь это и в наш век может случиться, — обратился он вдруг к друзьям. — И вполне возможно, что **нашему** поколению летчиков повезет.

Загнул и не разогнуть. Вслепую летать нельзя, — махнул рукой Репин. Он задумался и потом как-то нерешительно произнес: — А вообще-то, братцы, я тоже не прочь слетать. Только вряд ли это удастся.

Ребята, — громко закричал Дергунов, — идея. **ДмплТс напишем** письмо в «Правду». Должны же мы ник го **ныралить** свое отношение к такому со- бытию!

Юрий подошел к Дергунову.

Это ты правильно сказал... Только знаешь... Давайте прежде поговорим с другими ребятами и уж завтра отправим письмо, может быть, от всей нашей эскадрильи.

— Согласен. А как другие?

В раскрытую дверь донесся голос дневального:

— Эскадрилья, строиться на вечернюю поверку!

Все направились к выходу, но Гагарин остановил друзей:

— Стойте! Вопрос письму решили. Но есть еще проблема. Что можем сделать мы лично? Давайте подумаем и завтра обсудим. Идет?

Юрий протянул руку, и сразу же еще три ладони решительно легли в его ладонь, как бы скрепляя дружеский союз людей, мечтающих о космосе.

Назавтра предстояло увольнение. Он снова увидит Валу, свою невесту. После встречи прошла всего неделя, а у него накопилось много новостей, которые надо обсудить с ней.

Курсанты-выпускники, собиравшиеся в увольнение, построились быстро. Старшина эскадрильи, осмотрев их, вручил каждому увольнительную, предупредив, чтобы не задерживались. Юрий Гагарин с удовольствием ответил: «До 24 часов!» Аккуратно спрятал увольнительную в карман и направился к центральным воротам училища. Он спешил.

Вдруг Юрий замедлил шаг и остановился. Прямо перед ним была галерея портретов выпускников, прославивших Страну Советов. Их более ста тридцати: Чкалов, Громов, Грицевец... Взгляд Юрия остановился на лице Григория Бахчиванджи. Он первым взлетел на реактивном самолете. С тех пор прошло 15 лет, и вот вчера земной шар облетел первый спутник. Скоро кто-то первым взлетит и на ракете. Разве для этого нужно ждать снова 15 лет? Не может быть. Должно быть быстрее. Иначе. Иначе ему, Юрию, не успеть. Он вдруг физически ощутил, как быстро летит время. Совсем недавно он был мальчишкой, который даже не мечтал о небе. Мечтой было получить профессию, помочь родителям.

Юрий стоял у портрета Бахчиванджи и пытался вспомнить, что он знал об этом человеке. Почему именно ему поручили первый полет на реактивном самолете? Думал ли он о том, что его самолет может взорваться, что он может погибнуть?.. Погибнуть... Но ведь это тоже не исключено...

— Юра! — услышал он вдруг и увидел Дергунова, который нетерпеливо показывал на часы.

— Извини, замечтался.

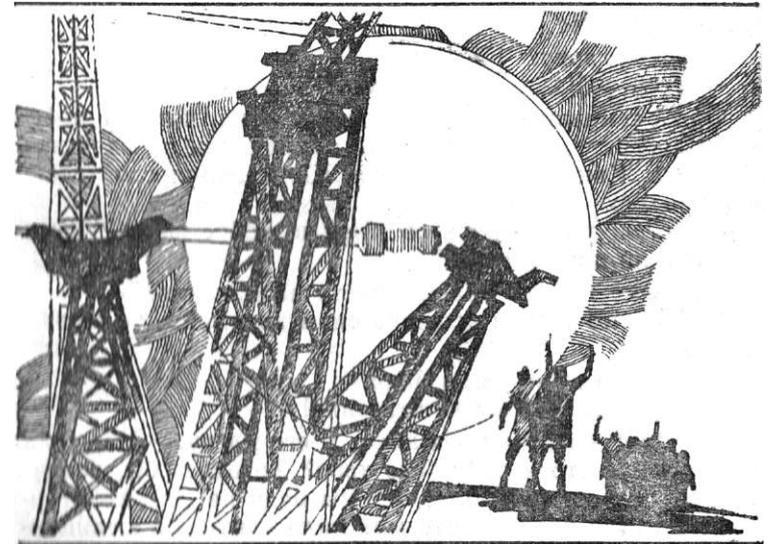
— Пойдем. Сейчас должна машина в город пойти. Подбросят. Я договорился.

— Вот спасибо! — обрадовался Гагарин.

— Как-никак выпускники. Через месяц лейтенанты. Асы!

...Юрий взял Валу под руку, и они медленно пошли к реке. Неожиданно вспомнили свою первую встречу...

...Это было прошедшей зимой. В училище часто тог-

дн иронидились вечера. На один из них пришла и Валя. и* получилось, что ее никто не пригласил танш'пип. п она стояла, прижавшись к стене, стараясь Пии. несметной. Ее большие карие глаза с интересом • ml1|нмц| иокруг, выражая и радость, и грусть, и <мутгиис¹.

ЮрнП иже не тшщспял, Он долго наблюдал веселый круговорот, который напомнил ему вечера в его родном Техникуме, Только здесь все казалось более праздничным, било больше веселья. Юрий медленно обвел взглядом зал. Его взгляд остановился на стоявшей у стены девушке. Невысокого роста, в голубом пла-

ть, так напоминаям его родное небо, она смотрела вокруг чистыми и ясными глазами. Вместе с тем Юрий почувствовал и ее неуверенность, и неловкость в незнакомой обстановке. В следующем танце Юрий подошел к ней и пригласил. Она удивленно посмотрела на него, потом улыбнулась легкой застенчивой улыбкой и доверчиво положила руку на плечо. Юрий тоже улыбнулся и, не сделав ни одного па танца, сказал:

— Меня зовут Юрий.

— А я Валя, — услышал он в ответ.

Больше они уже не расставались.

Вспомнив этот вечер, Юрий засмеялся и произвольно произнес:

— Меня зовут Юрий.

— А я — Валя. — Таков был ее ответ.

Они засмеялись и, взявшись за руки, быстро побежали к берегу реки, у которой находилась их заветная скамейка. Как только они сели, Юрий задал свой главный вопрос:

— Валя, ты поедешь со мной в любое место? Куда бы меня ни послали? Да?

— Разве ты уже знаешь место назначения?

— Нет, но если я успешно сдам экзамены, то можно выбрать.

— Ты что-то задумал, Юра?

— Задумал. Но ты не ответила!

— Юра! — Валя прижалась к его плечу. — Неужели ты думаешь, что я смогу без тебя? Хотелось бы, конечно, жить в родном городе, но мы ведь на семейном совете потому и решили, что мне надо учиться в медицинском училище, так как в дальних гарнизонах медсестра может всегда найти себе работу. Забыл?

— Нет, не забыл. Я ничего не хочу скрывать от тебя. Со мной говорили начальники и предложили остаться, правда, пока предположительно, в училище.

— И ты...

Юрий улыбнулся.

— Я вижу, что ты поняла мое решение и обиделась. Но я не могу иначе. Мне надо в полк, надо испытать себя, проверить. Мы решили с ребятами податься в Заполярье.

Валя молчала, несколько растерявшись. Юрий прижал Валины ладони к своему лицу.

— Пойми меня, Валя!

Она грустно улыбнулась.

— Выходит, друзья тебе дороже, чем я?

— Зачем ты так?..

Он замолчал. Юрий твердо верил, что поступает правильно, и очень хотел, чтобы Валя поняла его. И она поняла.

— Я не против, Юра. Только давай действовать по твоей любимой пословице «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

— Валюта, я знаю, тебе будет трудно. Но кому не бывает трудно? Тем, кто сстроил Комсомольск-на-Амуре, было даже труднее, но они не отступили.

А ты что хочешь построить?

— Построить? — удивился Юрий и тут же понял, почему Валя задала такой вопрос.

— Нет... я хочу слетать. Слетать в космос.

— Юра!

Валя даже растерялась, хотя знала о спутнике, сама была участницей недавнего разговора о нем и дома н и училище.

— Да, да, Валя. Я всю ночь думал, — продолжал Юрий, — и понял, что это моя заветная цель. Чкалов говорил: «Летать выше, быстрее, дальше всех». А космос — это ведь все вместе. Каждый человек должен иметь цель и идти к ней, преодолевая все трудности. Раньше я просто хотел летать, быть истребителем. Это была цель. Но этой цели достигли многие. Близок к ней и я. А космос... Сколько еще предстоит, пока дойдешь до него!

Валя смотрела на своего Юрия, узнавала и не узнавала его. Нет, это был он. Те же черты лица, тот же крутой лоб, те же знакомые, веселые глаза. Но что-то и его глазах было новое. Их хозяин далеко куда-то улетел п своих мечтах.

Юра, — несмело прервала его Валя, — а если... м п ли к тому времени ты уже не будешь летать?

Юрий несело засмеялся.

Буду! Да это и неважно. Главное — видеть цель и идти к ней. Верить и нее. Тогда многое можно сделать.

Ребята тоже мечтают о космосе?

— Мечтают, Да ты не волнуйся. Это действительно еще очень далеко.

Некоторое время они молчали, потом Валя спросила:

— Юра, а почему ты решил все только сегодня?

3 ноября 1957 года в Советском Союзе
запущен второй искусственный спутник
Земли...

Из сообщения ТАСС

Юрий не сразу ответил на ее вопрос.

— Сегодня я просто все это осознал. Раньше меня очень тянуло к высоте. А единственный путь к ней — авиация. В детстве я зачитывался книжками Жюль Верна, Беляева. Библиотека у нас была небольшая, и такие книги ходили по рукам, даже не возвращаясь в библиотеку, пока все не прочтут. Потом, уже в техникуме, наш преподаватель физики Николай Иванович Москвин поручил мне подготовить доклад о Константине Эдуардовиче Циолковском. Сколько я тогда сделал открытий для себя! О многом раньше даже не подозревал. Как сейчас помню: «Человечество не останется вечно жить на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе околосолнечное пространство». Эти слова Циолковского я хорошо запомнил. А тут еще прочел в журнале «Знание — сила» научно-фантастический рассказ о старте межпланетного корабля. Один из героев был наш, смоленский, и дата старта указывалась — год 1974-й.

И ты поверил?

— Не в этом дело. Когда указывается дата, значит, для этого у автора были какие-то основания. Пусть он ошибся, но все же это наш век. Спутник-то уже запущен. Разве это не доказательство?

— Доказательство.

Валя весело засмеялась и встала. Она сделала несколько шагов к реке, потом повернулась к Юрию.

— А почему ты раньше мне об этом не говорил?

Юрий подошел к Вале, смущенно пожал плечами.

— Я ведь никому не рассказывал. Не хотел, чтобы меня называли пустым фантазером. И вот запустили спутник. Попробуй теперь докажи обратное. Но, знаешь, я все-таки ошибся. Рассчитывал, что спутник будет еще где-то лет через десять-пятнадцать. Да и сейчас мне кажется, что человек полетит позже срока, который называет Дергунов...

Уже начали сгущаться сумерки, а они все говорили и говорили. Валя постепенно увлеклась настроением Юрия, поверила в его мечту и всем своим горячим и любящим сердцем желала исполнения этой мечты. Поэтому так естественно прозвучали ее слова:

— Юра, я хочу сказать, что сделаю все, чтобы твоя мечта осуществилась! Что в моих силах, все сделаю! Пусть это будет и моя мечта. Наша! Хорошо?

В приподнятом настроении приехал Сергей Павлович Королев в свое конструкторское бюро. Позади были долгие недели подготовки к запуску двух спутников. На ноябрьском параде в Москве впервые были показаны мощные ракеты. Впереди предстоял новый, напряженный и интересный этап работы. Решением правительства после всестороннего обсуждения предложений, представленных Королевым, конструкторскому бюро поручалась разработка корабля-спутника для полета человека в космос.

Сергей Павлович быстро поднялся к себе в кабинет. Встретившая его секретарь хотела доложить о накопившейся почте, но Королев остановил ее.

— Потом. Срочно прошу ко мне заместителей. Срочно, — повторил Королев и, войдя в кабинет, устало сел за стол. Рука невольно потянулась к ящику стола, в котором лежали материалы, необходимые для предстоящего совещания. Но он так и не достал папку, а, поднявшись с кресла, подошел к окну.

Давно не был он здесь и в глубине души соскучился по родному КБ. Как оно выросло. Совсем недавно мдесь все было по-иному. Королев вспомнил встречу в Центральном Комитете. Его предложение поддержали. Поддержали во имя будущего. Хотя на земле еще осталось много неотложных дел.

Много вопросов задали Королеву в Центральном Комитете. Вспоминая сейчас об этом, Сергей Павлович будто открыл новые стороны своей работы, на которые раньше не обращал особого внимания.

Он смотрел на голубое небо и невольно подумал о том, что хорошо бы действительно слетать сейчас на какую-нибудь планету, например на Марс. Сбудется это! Теперь его уверенность имеет под собой реальную основу.

Уже давно Королев со своими помощниками думали о спутниках, которые будут помогать людям разведывать земные и морские богатства, прокладывать марш-

руты океанских кораблей, предсказывать погоду в различных точках земного шара, обеспечивать радио- и телевизионную связь. Много, очень много практических перспектив открывало перед народным хозяйством освоение космического пространства. А далекие перспективы казались пока даже фантастическими.

Королев улыбнулся, вспомнив, как доказывал необходимость создания тяжелой ракеты-носителя, как вместе с единомышленниками отстаивал свой проект. И вот результат: мощная ракета в принципе уже создана. Опробована на двух спутниках. Специалисты КБ уже сделали прикидочные расчеты и сейчас работают над проектом еще более крупного спутника с широким набором научной аппаратуры. Иначе не было смысла его запускать. Пока еще слишком дороги повторения!

А ведь поначалу именно такую ошибку допустили американцы, спешившие создать ракету-носитель средней энерговооруженности и тем самым как бы повторившие путь немецких специалистов. Они приложили огромные усилия, чтобы запустить свой «Авангард» в сентябре 1957 года, но потерпели неудачу. И в ноябре они не преодолели своих трудностей, несмотря на то, что пригласили для спасения своего проекта создателя гитлеровских ФАУ Вернера фон Брауна.

Да, успех радует. И вот сегодня он сможет сказать своим помощникам, что настала пора крепко поработать над их давней мечтой — создать космический корабль для полета человека в космос.

Нужно многое сделать. В Центральном Комитете подчеркнули мирный характер нашей космической программы. Полеты в космос неизбежно расширят международные контакты. На основе общей работы люди еще раз смогут убедиться в мирных устремлениях Советского Союза. Вся нынешняя работа Сергея Павловича и его КБ — это работа для мира, во имя мира на Земле. Здесь воедино сливаются и интересы народного хозяйства, и внешняя политика первого в мире социалистического государства.

Это была главная мысль. Сергей Павлович быстро подошел к столу, достал папку и, раскрыв ее, сделал пометку в плане проведения совещания.

В кабинет по одному входили помощники. Кто вслух,

а кто всем своим видом спрашивал о причине срочного сбора. Но Королев ждал всех.

Прошло еще некоторое время. Сергей Павлович оторвал свой взгляд от бумаг, посмотрел на часы. Назначенное время истекло. Все были в сборе.

Королев встал и спокойным будничным тоном сообщил, что конструкторскому бюро поручена подготовка и осуществление пилотируемого полета человека в космическое пространство.

Так же спокойно и деловито он поставил перед каждым задачу на ближайший период. Особо обратил внимание на подбор кадров, их расстановку и еще раз предложил каждому продумать свои предложения. Через некоторое время в Центральном Комитете должно было состояться совещание с представителями всех заинтересованных сторон. И готовиться к нему надо было серьезно.

Вопросов не последовало, и Сергей Павлович не стал задерживать людей. В своих мыслях он видел, как широким фронтом разворачиваются работы и как кто-то, пока еще неизвестный, стартует в космическое пространство.

Казалось, совсем недавно Юрий с друзьями приехал в это суровое место. Приехал в длинную полярную ночь. А уже прошло несколько месяцев, и полярная ночь стала уступать место такому же длинному полярному дню. Вокруг на холмах еще белел снег, напоминающая о холодной зиме, но и тепло уже пробивало себе дорогу, вселяя в молодых летчиков надежду на частые полеты.

В один из таких дней Юрий Гагарин готовился к своему первому на Севере самостоятельному полету. До этого он уже несколько раз побывал в воздухе со своим командиром звена старшим лейтенантом Васильевым. Хорошо изучил район аэродрома. Настроение было отличное — синоптики на полные сутки обещали летную погоду.

Юрий взлетел и, выполнив задание, хотел возвращаться на свой аэродром. Неожиданно потемнело. Он глянул вниз — там исчезли так хорошо видимые минуты назад островки и заливы. «Снежный заряд», — мелькнуло в голове. Это самая неприятная вещь на Севере. На мгновение он растерялся. Необходимо было действовать. Юрий вышел на связь с руководителем полетов. Оказалось, что запасной аэродром тоже плотно закрыт внезапно налетевшим снежным зарядом. На основном аэродроме обстановка была немного лучше, но постоянно ухудшалась. Решение могло быть только одно — быстрее на свой аэродром. Юрий взглянул на приборы — топлива осталось в обрез. В памяти всплыли слова Васильева, когда он со своим ведомым сел в еще худших условиях:

— Непогода всегда берет в оборот по всем статьям. Но главное — надо уметь держать в руках не только самолет, но и свои нервы. Ну и понятно, нужен точный штурманский расчет. Сам представляешь, на истребителе ты царь и бог: ты и штурман, ты и летчик, ты и стрелок одновременно. Вот к этому надо привыкать с первого полета.

Только теперь Юрий понял, почему их так долго не выпускали в самостоятельные полеты! Четыре месяца учили, тренировали, требовали отличной сдачи различ-

ных зачетов. Ведь первый полет может поставить перед летчиком сложные задачи. «Ну что ж, поспорим и поборемся с непогодой», — решительно подумал Юрий. И быстро прикинул в уме самый короткий маршрут к аэродрому. Приборы и машину он знал хорошо и верил им как самому себе. Юрий внимательно слушал указания руководителя полетов. Пробиваясь сквозь слепящее снежное мессиво, Гагарин отдавал себе ясный отчет в том, что его жизнь и судьба машины зависят от того, насколько правильно будут выполняться им команды руководителя полетов, опытного летчика майора Решетова.

Прошло совсем немного времени, и Юрий довольно точно вышел в район аэродрома, но рассчитать посадку с ходу, не видя полосы, не смог. Пришлось уходить на второй круг. В воздух сразу же поднялся командир звена Васильев. Люди на земле с тревогой ждали.

В воздухе, в снежной круговерти, Васильев быстро нашел самолет Гагарина, договорился о порядке действий. Он поднялся выше Гагарина, и они вдвоем стали заходить на посадку. Васильеву не раз приходилось садиться в таких условиях. Он знал каждый холм в районе аэродрома, каждую площадку. На родной аэродром он мог посадить самолет почти вслепую. И сейчас он четко и уверенно корректировал полет молодого летчика.

Юрий вел самолет на посадку, уже физически ощущая нехватку топлива. Нервы напряглись до предела. Пройдена дальняя приводная, затем ближняя — и вот Гагарин с облегчением увидел серую ленту посадочной полосы.

Юрий первым встретил приземлившегося вслед за ним Васильева и поблагодарил его за помощь. Васильев обнял летчика за плечи и повел на командный пункт. Командир эскадрильи майор Решетов пожал Гагарину руку и сказал:

— Удача благоприятствует смелым. Молодец. Теперь понял, почему вас, молодых летчиков, так долго не выпускали?

— Понял. Каждый овощ должен созреть.

— Правильно. Ты доказал, что ваша подготовка была правильной. Но не думай, что твое первое испытание будет последним. Их будет много. Так что ослаблять темпы учебы нельзя, если ты, конечно, хочешь стать настоящим летчиком.

— Конечно, хочу, товарищ майор.

— Тогда запомни, что настоящий летчик должен быть и настоящим человеком, а это значит...

— Я знаю, товарищ майор, — не выдержал Юрий и повторил слова, которые часто говорил им Решетов, — настоящего человека характеризуют четыре качества: горячее сердце, холодный ум, сильные руки и чистая совесть.

Решетов засмеялся.

— Вот черти, все знают. А если серьезно, то пусть эти слова станут вашим правилом.

В эскадрильеский класс Гагарин вернулся поздно, но Юрий Дергунов ждал его.

— Поздравляю, — Дергунов радостно встал навстречу, — выходит, не ошиблись мы. Смотри, какие сюрпризы нам подкидывает Север. Тут мы пройдем настоящую летную школу.

— Ты все так же считаешь, что полеты в космос будут очень скоро? — спросил Юрий.

— Ну конечно. Вспомни. Уже на втором спутнике была собака. Уверен, скоро в космос пойдет третий спутник. И будет он гораздо больше второго. Вот тогда и придет очередь человека.

Гагарин отрицательно покачал головой.

— Спешить ты, Юрка. Я сегодня убедился в том, что многого мы еще не знаем и не умеем, чтобы стать настоящими летчиками. Сколько еще надо работать. Если верить твоим предсказаниям, то к началу полетов человека в космос мы можем быть неготовыми. Ведь, наверное, туда будут отбирать лучших.

— Значит, надо больше летать, смелее, надо добиваться разрешения на дополнительные полеты.

— Ничего ты не понял.

Гагарин отошел к глобусу, рассматривая земной шар.

— Понимаешь, Юрка, — начал он задумчиво, — я понял, что одних полетов мало. Надо быть морально готовым к такому полету. Вот ты посмотри. В первый полет нас выпустили только после всесторонней подготовки. И понадобилось для этого четыре месяца. Четыре месяца мы не летали, хотя пришли сюда летчиками. Представляешь? А в космос? Ведь это совсем новое дело. Сколько к нему нужно будет готовиться, пока полетишь? Кто будет нас учить так, как здесь, в полку? Ведь и профессии еще такой нет.

— Будет! И братья туда будут летчиков. Я уверен.

Дергунов стал горячо доказывать Гагарину, а Юрий все думал о прошедшем полете. Внезапно он прервал Дергунова.

— Послушай. Зачем мы головы ломаем? Все новые самолеты испытывают летчики-испытатели. Ракеты, наверное, тоже поручат испытывать им. Выходит, надо туда подаваться. А в испытатели не примут, пока не станешь асом. Вот наша программа на первый этап. Как считаешь?

— Голова! Только этот путь больно длинный. Можем не успеть.

Гагарин шутя стукнул друга в плечо.

— Ладно, пехота летная. Пошли в столовую. Обсудим ситуацию подробнее.

А полеты продолжались. Небо расчистилось от туч, ярко засветило солнце, согревая землю, воздух и будто прося прощения за временное испытание, которое природа преподнесла людям.

Полеты становились все сложнее и сложнее, и с каждым днем Юрий ощущал, как меняются он сам и его товарищи, как шш становятся летчиками. Родина доверила им охрану своих рубежей. И, чувствуя всю важность этой снятой задачи, они вместе с тем увидели, что им еще очень многому надо научиться, а времени отпущено так мало. Они рвались в полет. Из-за недостатка опыта случались и ошибки, но с каждым днем росло их летное мастерство, закалялся характер.

Не избежал ошибок и Юрий. Из-за неправильных действий тормозами при посадке лопнула камера, и самолет пошел юзом. Этот случай заставил его еще глубже продумывать каждое задание, еще больше заниматься тренажем на земле. Он взял себе за правило подводить итог своих дел за неделю, делая при этом иногда не очень приятные для себя выводы.

Гагарин проснулся от легкого прикосновения чьей-то руки к его плечу. Сон как рукой сняло. По старой курсантской привычке он открыл глаза, пробормотал: «Все, проснулся» — и замер, стараясь вспомнить сон, который только что видел. Так и не вспомнив, он на мгновение закрыл глаза и сел на кровати. И только тогда увидел улыбающегося Дергунова.

— Молодец, не забыл, как по тревоге надо вскаки-

вать, — похвалил Дергунов, — вот только непонятно, почему наш уговор забыл.

— Какой? — не понял Юрий.

— Мы же с тобой собирались за форелью.

— В самом деле? Вот здорово!

Юрий быстро умылся, собрал нехитрый рыбацкий багаж, и вскоре они уже шли знакомой дорогой к их любимому месту.

Дергунов молчал. Юрий тоже не начинал разговора.

Он знал, что иногда Дергунов мучительно долго принимает решение. Но если уж сделал выбор, то к цели пойдет прямо, не колеблясь. Видно, сейчас ему требовался совет друга.

Задумавшись, Юрий не заметил, как Дергунов остановился и чуть было не натолкнулся на него.

— Ты что, заснул? — засмеялся Дергунов.

Юрий остановился, передернул плечами.

— Да нет. Просто что-то прудрог. Поднял с теплой постели и еще издеваешься.

— Я не издеваюсь. Я думаю... Понимаешь...

Дергунов замолчал. Его лицо было серьезно, и Юрий понял, что друга что-то волнует. Он взял его за плечо, повернул к реке.

— Смотри. Пятьдесят метров не дошел до нашего места. Пошли поговорим. Что-то у меня сегодня настроение разговорчивое.

— Правда? — обрадовался Дергунов.

— Правда, правда.

Они подошли к небольшой площадке, на которой едва могли разместиться два человека. Нагромождения скал с трех сторон защищали площадку от ветра. Своеобразная маленькая пещера, только без крыши. Чуть поодаль берег охраняли ели. Площадку можно было заметить, только подойдя к ней вплотную. Издали она сливалась в камень, и казалось, что здесь нет свободного для человека места.

Закинув удочку, Юрий вставил удилице в расщелину, придавил камнем, припасенным на этот случай, привалился плечом к скале.

— Выкладывай, что стряслось? — обратился к другу. Дергунов не заставил себя ждать.

— Понимаешь, я сделал небольшие подсчеты. Боюсь, что с нашими темпами мы с тобой можем не успеть.

— Ты о чем?

— Подожди. Вот ты послушай. Жил в Рязанской

губернии русский мужик, подьячий Крякутный. В один прекрасный день он взял и взлетел в небо на воздушном шаре. Самом что ни на есть примитивном. И только через сто пятьдесят лет появился самолет Можайского. Через сто пятьдесят! Слушай дальше. Реактивный самолет не идет ни в какое сравнение с поршневыми. Это качественно новая ступень. А поднялся он в воздух в нашей стране в 1942 году. То есть прошло всего шестьдесят лет после Можайского. А еще через десять лет после первого взлета Бахчиванджи почти вся наша авиация стала реактивной. Улавливаешь мысль?

Юрий молча кивнул головой, подбадривая товарища, хотя еще не совсем понимал, к чему клонит Дергунов.

А тот продолжал:

— После полета Бахчиванджи прошло пятнадцать лет, и в космос стартовал первый спутник. Через месяц второй. И если следовать сложившейся прогрессии, то где-то года через три в космос может полететь человек. **Теперь** понял?

— Понял.

Ничего ты не понял, если говоришь об этом так спокойно.

А ты, ио-моему, не раз убеждался, что горячиться никогда не следует. На своем опыте убеждался.

Дергунов вскочил на ноги, взволнованно заговорил снова.

— Как ты не понимаешь! Мы можем опоздать! Помнишь, что мы решили с тобой?!

— Помню. Мы решили, что, для того чтобы летать в космос, надо стать классными летчиками. Из них, вероятнее всего, будут набирать космонавтов. Мы решили также укреплять свое здоровье, так как космос — это высота и без здоровья туда не пустят. Это тоже как у летчиков.

— Правильно, — снова не выдержал Дергунов, — решили! А теперь я вижу, что мы ошиблись. Мы делаем что-то не то. Ведь ракетный корабль и реактивный самолет — вещи разные. Значит, другое управление, другие навыки. Ты замечал? Чем выше поднимаешься, тем иначе реагирует самолет на отклонения рулей. Вакуум. Понял? Воздуха самолету не хватает. Я много прочитал литературы о космосе. Ребята из городка здорово помогли. Так вот я чувствую, что техника будет другая.

Дергунов замолчал, и Юрий воспользовался паузой, чтобы высказать свое мнение:

— Это ты правильно сказал о новой технике. Она будет другая. Но ведь у нас всегда будут новые самолеты. Принципы остаются те же. Мы будем подниматься все выше и выше. Скорости будут расти. И первыми новые скорости будут осваивать летчики. Вернее, летчики-испытатели. Вот о чем нам надо с тобой подумать. Надо узнать подробнее о школе летчиков-испытателей. И при первой возможности попасть туда. Вот это, по моему, не такой быстрый, как у тебя, но реальный план попасть в космос.

— Пехота, — с насмешкой произнес Дергунов, — кажется, это твое слово. Так ты сто лет будешь идти к космосу и стариком поймешь, что не туда свернул. Принципы те же... Не будут принципы те же. Там по звездам летать надо будет, а не по магнитному курсу. Из того, что мы учим сейчас, только и пригодится нам что крепкое здоровье. Остальное все заново. Сравнить летчика и будущего космолетчика — это то же, что сравнивать летчика с моряком. Хотя мы с тобой и морские летчики.

Дергунов махнул рукой и устался на поплавок, затем сменил наживку и снова забросил удочку. Гагарин подождал, пока он усядется на свое место, и спокойно продолжил:

— Кое в чем ты, может быть, и прав. Но я знаю твердо. Все, что мы получаем сейчас, пригодится нам в будущем... при любых полетах. Я бы сказал, при любой работе... Знаешь, для полета в космос нужно иметь и характер соответствующий, иначе не выдержишь. А у нас с тобой как раз период закалки. Так что давай не будем нарушать этот процесс.

— Характер характером, но надо что-то делать и самим! — как бы соглашаясь и одновременно не соглашаясь с Юрием, заговорил Дергунов. — Учиться нам надо, Юра. Я чувствую. Скоро, вот-вот должны запустить новый спутник, и если верить прогрессии, то вес его должен быть очень большим. Верю я в это, понимаешь, Юра?! И тогда нам надо будет крепко подумать. Если бы ты меня поддержал, я бы и сегодня подал рапорт.

— Подождем немного. Я так думаю, что если начнут набирать людей для полетов в космос, то мимо летчиков это все равно не пройдет. Узнаем. Вот тогда действительно надо будет здорово подумать. А насчет знаний ты прав. Я Вале написал. Обещала кое-что приготовить.

— Когда она придет? — поинтересовался Дергунов.

— Как получит диплом, так и придет. Наверное, в августе.

Юрий прислушался. Где-то вдалеке играл баян.

— Наши ребята топают, — сразу определил Дергунов и тут же предложил: — Пошли к ним. Все равно у нас рыбалка сегодня не получится.

А через три дня вместе с однополчанами они слушали сообщение ТАСС: «В соответствии с программой Международного геофизического года в Советском Союзе 15 мая 1958 года произведен запуск третьего искусственного спутника Земли... Вес спутника 1327 килограммов...»

...После лекции инженера полка об исследовании космического пространства в Советском Союзе Гагарин **пошел** на улицу вместе с Дергуновым. Его поразила не столько сама лекция, как активность и интерес жителей городка к этой проблеме. Особенно живой интерес **проявили** ребяташки, которые горели желанием узнать о космической технике как можно больше. Юрий задумался о судьбе этих мальчишек, даже немного завидуя им, и иерийый **момент** не понял, о чем спрашивал его Дергунов,

Поправилась тебе лекция? — повторил тот свой «опрос.

Поняв наконец, чего хочет от него друг, Гагарин ответил коротко:

— Понравилась, — потом подумал и продолжил: — По-моему, надо было больше остановиться на вопросе «Зачем нам нужны полеты в космос?». Именно таких вопросов появляется очень много, а ответа достаточно ясного найти пока трудновато, и некоторые считают, что нам это ни к чему! Жили, мол, без космоса и еще проживем.

— Правильно, — подхватил Дергунов, — только почему это происходит?

— Вероятнее всего, от незнания. Ведь даже мы с тобой, очень интересующиеся космосом, и то не сможем ответить на все вопросы. Чувствуем, что будущее за космосом, что от исследования космоса страна получит много полезного. Но конкретно... Ведь многие великие открытия вначале казались бесполезными. Только через сотни лет они находили практическое применение. Так и здесь. Думаю, со временем все станет на свои места.

Гагарин помолчал, а потом задумчиво продолжил:

— Все-таки меня больше всего поразили на лекции ребята. Видел их глаза. Как им хочется в космос! И они слетают, это точно.

— Ты что, не веришь, что мы с тобой тоже слетаем? — возмутился Дергунов.

— Почему не верю? Особенно после третьего спутника. Если мы и полетим, то будем начинать, боюсь, слишком робко. Никто не будет рисковать жизнью человека. Нынешним ребяташкам достанется основная работа.

— Но ведь Лайка уже летала. Чего же еще?

— Говорили мы уже с тобой об этом. Собака — это животное. Вон операции на собаках делают тысячи раз, а потом только начинают применять эти методы к человеку. Годами проверяют результаты. А тут космос.

— Так и опоздать можно. Слушай, может, все же пора рапорт писать? Давай попробуем. Ведь не убьют нас за это.

Гагарин засмеялся.

— Рано. Ты прав в одном. К полету нужно готовиться уже сейчас. Настойчиво работать над техникой пилотирования самолета! Так?

— Так!

Дергунов остановился, подал Гагарину руку.

— Мне пора. Завтра летаю.

— Счастливо. А я погуляю еще.

Они хлопнули друг друга по рукам и разошлись.

Валя приехала в гарнизон в начале августа. Сбылась мечта. Окончено медицинское училище, получен диплом фельдшера-лаборанта, она снова вместе с Юрием. В глубине души было немного тревожно: как встретит ее этот незнакомый и суровый край. Но жила в ней вера, что и она полюбит этот уголок нашей страны, как полюбил его Юрий.

День приезда был чудесным, солнечным. Природа будто поощряла молодую жену. Настроение у Вали поднялось.

Но начало было несколько неожиданным. Жить оказалось негде — строители подвели. Дом, в котором Юрию обещали комнату, достраивался. Выручила знакомая учительница. На время отпуска она охотно уступила молодым свою комнату.

Вскоре им выделили комнату, правда, пока в старом деревянном доме. Это было их первое самостоятельное семейное гнездо, и они были счастливы.

...Весть о гибели Дергунова пришла в гарнизон быстро. Валя Гагарина успела выплакаться с соседками, вспоминая Юрия Дергунова, который еще накануне заходил в гости к своему другу и тезке Юрию Гагарину. От слез большие глаза Вали стали еще больше, но в конце концов она сумела взять себя в руки.

Юрий пришел домой поздно. Валя, взглянув на не-

го, испугалась. Лицо Юрия было серым. Он будто постарел лет на десять.

— Юра, что с тобой?

Валя прижала руки к груди и смотрела, как Юрий медленно сел у стола. Несколько минут он молчал, обхватив голову руками, потом так же медленно и трудно, чуть не плача, сказал:

— Погиб... Юра Дергунов погиб... Разбился на мотоцикле...

Валя не стала объяснять, что уже все знает. Она села рядом, обняла его и тоже замолчала. Знала, что ес-

ли скажет хоть слово, то сразу заплачет, и потому сдерживалась как могла. Понимала, что Юрию нужно все пережить в себе, передумать. Это трудно, но такой уж он человек — все должен выдержать сам. Несколько раз Валю отвлекали соседи. Переговорив с ними, она снова присаживалась к мужу, прижималась горячим лицом к его плечу. Прошло довольно много времени, прежде чем Юрий пошевелился, изменил позу и вдруг решительно повернулся к Вале. Она увидела его напряженное, необыкновенно суровое лицо.

— Валя, ты знаешь, Юра очень хотел слетать в космос. Теперь я обязан вдвое сильнее добиваться исполнения этой мечты!

— Я понимаю, Юра, но сейчас мне бы не хотелось говорить о полетах. Мне очень тяжело... понимаешь?

— Понимаю.

Юрий встал, провел ладонью по лицу, будто снимая с себя всякую нерешительность, и произнес:

— Понимаю. Но отказаться от полетов не смогу, и ты об этом должна знать сейчас. Конечно, тебе трудно, ты пока не можешь работать. Но ведь у тебя скоро будет ребенок. А потом все у нас наладится. Уверен. Пойми — не всегда все получается так, как нам хочется. Это тоже трудности, которые надо преодолевать, чтобы достичь цели. Ты помнишь наш уговор?

Юрий говорил, даже не замечая, что Валя ни в чем ему не возражала. Ему нужно было выговориться, высказать свои мысли, которые волновали его и в этот вечер требовали выхода. Валя понимала его и поэтому, услышав последний вопрос, ответила спокойно и тихо:

— Помню, но я ведь женщина, слабое существо.

Юрий внимательно посмотрел на жену.

— Нет, не слабое ты существо. Ты сильная, а с тобой рядом и я становлюсь сильным. Трудно иной раз. Очень трудно. А как вспомнишь тебя, так и сил прибавляется. Вот и сейчас тоже...

Юрий осторожно поднялся, затем отошел к окну, снова задумался. Валя тихонько встала рядом. Она понимала, что весь этот разговор Юрий вел для того, чтобы успокоиться самому, успокоить ее, отвлечь от тяжелых дум. Но сам он еще не все продумал до конца. И ему, привыкшему все решать самостоятельно и до конца, нужно было расставить точки над всеми «и».

Вскоре Юрий сел за стол, начал что-то быстро писать. Затем, сославшись на усталость, лег спать.

Валя проснулась ночью: Юрий стоял у раскрытой форточки, задумчиво смотрел на густую россыпь ярких звезд в ночном небе.

Он вспоминал всю свою недолгую, но так насыщенную событиями жизнь. Ведь он мог пойти по другому пути. Какие обстоятельства помогли ему стать летчиком-истребителем?..

Как в замедленном кино, в его памяти возникали картины прошлого. Ласковые, чуть шершавые от работы руки матери. Суровое, строгое лицо отца, который, казалось, никогда не отдыхал. Да и сам Юрий вместе с **братьями** и сестрой с детства узнал, что такое труд, понял, что только он дает человеку возможность найти снос призвание, свое место в активной жизни страны, **общества**. Нелегким было детство Юрия, но тем более счастливым было настоящее и особенно будущее. Ведь **ПОЛЫМ** сейчас он по-настоящему, осознанно стал потный., кик мною прекрасного впереди ждет его, Валю, дру.Н'й А гот, кто раньше него увидел это будущее, уже ПО сможет сам радоваться исполнению своих предсказаний.

Незаметно мысли Юрия перенеслись в Оренбург, где он познакомился с Дергуновым и где жизнь приготовила ему много испытаний, встреч, определивших его судьбу. Именно в этом городе Юрий чуть не расстался со своей летной профессией. Он подошел к столу, вынул из альбома фотографию Вали в голубом, так памятном ему платье, несколько раз перечитал надпись: «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — >то большое искусство. Храни это чувство для самой счастливой минуты. 9 марта 1957 г. Валя». Да, этой надписью Валя напомнила о том, что произошло в их жизни за несколько месяцев до этой даты. Тогда, в трудные для родителей Юрия дни, он получил от них письмо, в котором чувствовались озабоченность, можно даже сказать, некоторая жалоба, обращенная к Юрию. И он, верный сыновнему долгу, решил оставить учебу в училище, поступить работать, чтобы немедленно оказать помощь родителям. Рассказал о своем намерении Вале. Тут и она и друзья в один голос стали утверждать, что его решение ошибочно. Даже если он сейчас поступит работать, то многим семье не поможет. На первых по-

рах зарабатывать будет мало, а нужно будет думать и о себе. Конечно, эти доводы не остановили бы Юрия, несмотря на то, что и Валя и друзья были очень настойчивы. Но вскоре из дома пришло новое письмо, которое помогло ему принять совет друзей. Сколько тогда энергии потратил на него порывистый Дергунов, доказывая, что летчиком он больше поможет родителям. Дергунов...

Юрий снова вспомнил все, что произошло. Но странно, той тяжести на душе, которую он ощутил сразу после прихода домой, не было. Он уже твердо знал, что ему делать: летать, летать, еще больше летать и за себя и за друга. Доказать в первую очередь самому себе, что они не ошиблись в выборе профессии, трудной, опасной, но всем сердцем любимой. Это нужно еще и для того, чтобы поддержать эту любовь в молодых лётчиках, таких же, как они с Дергуновым, который поступил бы так же, как сейчас решил он. Да, все именно так. И, приняв решение, Юрий понял, что теперь сможет выдержать все и с честью продолжит начатое с другом дело.

Юрий аккуратно закрыл альбом, положил его на тумбочку и лег. Но еще долго он лежал с открытыми глазами, вспоминая прошлое.

Только тогда, когда он уснул, Валя пошевелилась, укрыла мужа, как ребенок, прижалась головой к его груди и тоже уснула.

Юрий тяжело переживал гибель друга. Но жизнь по-прежнему брала свое. Необходимо было летать, учиться, заботиться о семье. И Юрий был благодарен командирам, Вале, друзьям, которые не дали ему уйти в свою боль, загрузили поручениями, работой. Жизнь продолжалась...

Многое изменилось и в жизни Вали. Если раньше она представляла службу мужа только по его рассказам, то теперь на себе ощутила и ее трудности, и ее суровые радости. Она увидела красоту Севера, познала трудные часы ожидания мужа в холодную вьюжную ночь и радость его возвращения.

Однажды Юрия вызвали в часть по тревоге. Валя, еще не привыкшая к внезапным вызовам, беспокойно ходила из угла в угол своей небольшой комнатки. Еще свежа была в сердце память о Юрии Дергунове, и те-

перь Валию беспокоил этот вызов. Тревога все больше и больше заполняла ее сердце. Она набросила пальтишко, вышла на крыльцо. Пронизывающий холодный ветер бил в лицо. Кругом непроглядная тьма. Валя долго прислушивалась, но, так ничего и не услышав со стороны аэродрома, вернулась в комнату. Тревога не покидала ее. Ей хотелось говорить с кем-нибудь, рассказать о своем беспокойстве.

В дверь тихо постучали.

— Входите! — крикнула Валя. Она была рада сейчас любой живой душе. В комнату вошла Мария Савельевна Вдовина.

— Не скучаешь? А я вот заглянуть решила на огонек.

— Заходите, Мария Савельевна. Я действительно что-то забеспокоилась. Ведь Юра никогда при мне еще не уходил по тревоге.

— Я так и поняла. Знаешь, у нас в военных городках есть особенности. Мы живем как на фронте, а мужья паши, с...ап, на боевом операции. Мы с тобой их тыл должны надежно обеспечивать. Может, нам даже труднее. Морально, конечно. Вот хотя бы в такие минуты. А лучше всего — это заняться делом.

— Мария Савельевна, — в отчаянии Валя прижала руки к груди, — да разве я не хочу делом заняться. Но каким? Я медик. А где здесь работу найдешь?

— А вот Вера Сергеевна организовала в Доме офицеров кружок кройки и шитья на общественных началах. И людей заняла, и сама квалификацию не теряет.

— Что ж, мне курсы медсестер открывать?

— Зачем же так? — обиделась Вдовина.

Валя бросилась к ней:

— Мария Савельевна, извините. Я не хотела вас обидеть.

— Ладно уж. Все правильно. Обижаться не на что. Л ты, между прочим, могла бы тоже на эти курсы ходить. Пригодится для будущего ребенка.

Валя покраснела, засмушалась:

— А разве это заметно?

— Да уж меня не обманешь. Юрий-то знает?

— Знает. Радуетесь очень.

— Вот видишь, а ты "переживать решила. Это плохо может отразиться на твоём ребенке. А дело — оно по-

**МОСКВА — ЗАПОЛЯРЬЕ.
ГОД 1959-Й.**

2 января 1959 года в СССР осуществлен пуск космической ракеты в сторону Луны

Из сообщения ТАСС

может отбросить все лишнее. Да, кстати, ты уколы не боишься делать?

— Я же медсестра.

— Да уж знаю. Только есть медсестры, которые уколы боятся делать.

— Нет, я не боюсь.

— Тогда, может, сходим к Юлечке Нееловой. Ей врач прописал уколы, но сестра из санчасти сейчас занята. А делать уколы надо по времени.

— Ой, я сейчас, — радостно вскочила Валя, — я с удовольствием. Вы знаете, у меня даже набор шприцев есть. Подарили в день выпуска.

Валя забегала, нашла коробочку со шприцами. Она уже не думала о холоде, непогоде и темноте. Она думала о том, что кому-то понадобилась ее помощь и ей надо спешить.

А добрая Мария Савельевна смотрела на нее и улыбалась. Ведь Валя не знала, что это сама Мария Савельевна уговорила сестру из санчасти «загрузиться» работой.

На совещание в Академию наук Сергей Павлович Королев прибыл с мнением, что в космос должны лететь летчики. Он много думал об этом, взвешивая все «за» и «против», пока не пришел к такому выводу. Окончательное решение Сергей Павлович считал необходимым принять после широкого обсуждения.

Участники совещания стали собираться задолго до его начала, оживленно обсуждая различные варианты предстоящего решения. Наконец председательствующий Мстислав Всеволодович Келдыш открыл заседание, и представители различных направлений начали свои доклады. Говорили о факторах космического пространства, влияющих на живой организм, о первых опытах и первых результатах. И каждый предлагал профессии, из которых следует набирать кандидатов в космонавты. Одни предлагали альпинистов, учитывая, что им приходится преодолевать большие трудности при высотных восхождениях, что они привыкли к разреженной атмосфере, работе в маленьких дружных коллективах, именно таких, какими, вероятнее всего, будут экипажи будущих космических кораблей.

Представители Военно-Морского Флота предлагали подводников — наиболее крепких и здоровых физически людей, привыкших длительное время жить в ограниченном пространстве.

Много было предложений, но представители авиации пока молчали. Видимо, они хотели выслушать всех, чтобы иметь возможность сразу ответить на все вопросы. Тогда академик Келдыш, посмотрев на Королева, с которым много раз обсуждал эту проблему, спросил прямо:

— Готовятся ли к полету летчики? Что-то не слышно их голоса.

Этого было достаточно для новой вспышки предложений. Авиаторы твердо отстаивали свои позиции. Спор

грозил затянуться. Наконец слово взял Сергей Павлович.

— Товарищи, все, что говорилось здесь, правильно. Складывается впечатление, что отдельные ручейки суждений уже сами по себе сливаются в правильный вывод. Вопрос, который Мстислав Всеволодович задал присутствующим здесь представителям авиации: «Готовятся ли к полету в космос летчики?», — не случаен. Наиболее подходящим контингентом располагает все же авиация, хотя смелые и стойкие люди имеются повсюду. Чтобы в короткий срок стать полноценным космонавтом, качеств, которые развивают в человеке так называемые земные специальности, еще недостаточно...

После этого выступления споры прекратились, и было принято решение — набирать в группу будущих космонавтов летчиков-истребителей.

...Валя закончила писать письмо подруге, поднялся и Юрий, который ожидал этого момента. Они быстро оделись и вышли на улицу. Юрий молчал. Валя поняла, что он о чем-то думает, и не стала его торопить с разговором. Знала: он сам начнет разговор, когда разберется в своих мыслях или, наоборот, когда совсем запутается. Через некоторое время Юрий нарушил молчание:

— Знаешь, Валюша, стал я сомневаться в своих силах. Боюсь, не за то взялся. Нахватал книг по кибернетике, вычислительным машинам, ракетам, а понять всего не могу. Без глубоких знаний в этих вопросах не разобраться. Ракеты, спутники ведь здорово отличаются от самолета. Тут Юрий Дергунов был прав. И начинать надо практически "с нуля. Я как-то на эти вещи не обращал внимания.

— И что ж, ты решил бросить? Отказаться от мечты?

Юрий промолчал. Так, молча, они дошли до клуба, обошли стадион. Но вот Юрий остановился и повернулся к Вале. Чувствовалось, что его очень волнует вопрос, который он хотел задать. Может быть, поэтому его голос прозвучал несколько сухо и нерешительно:

— Скажи, Валя, ты продолжала бы меня уважать, если бы я бросил свою мечту при первом затруднении?

— Перестала бы, — тихо, но уверенно ответила Валя.

— Вот видишь, как хорошо мы понимаем друг друга, — весело засмеялся Юра, — неужели ты подумала, что я хочу повернуть назад? Нет, Валя. Только я не знаю пока, как быстро преодолеть трудности. Дело в том, что я уже начинаю чувствовать, что время поджидает. Особенно после того, как ракета полетела к Луне. Желających полететь в космос будет, видимо, много. Из нашего полка не я один мечтаю слетать в космос. Так что отбирать будут, видимо, наиболее подготовленных. Тут даже начальные знания о будущей профессии могут оказаться решающими.

— А ты посоветуйся с Вдовиным и с вашим инженером полка. Я думаю, они смогут тебе кое-что подсказать. Гсм более ты рассказывал, что инженер читал вам лекции) о завоевании космоса.

Умница ты моя, — сразу согласился Юрий. — И тик и сделаю,

Нлли зябко попела плечами, и Юрий сразу предложил идти домой. Они шли неторопливо, смеялись, шутили друг над другом. И кажется, не было счастливее людей, чем они.

Приним решение, Юрий написал рапорт по команде 1 просьбой направить его туда, где осуществляется подготовка к космическому полету. И теперь ждал. Каждый день ждал ответа. Медленно тянулись дни. Он чувствовал, что подготовка к полету человека в космос уже идет, идет полным ходом. Об этом можно было догадываться хотя бы по многочисленным статьям в газете. Да, подготовка шла. Не где? Как? А ответа на эти вопросы не было. Юрий всерьез заволновался и даже начал думать о повторном рапорте. Но вот однажды...

И вот день Юрий был свободен от полетов и занимался в классе нехитрыми обязанностями. Руки привычно чертила графики, и он ишел посыльный и передал приказание иимьянпипя и_____пшио

Юрий, ие ли дни живший в напряженном ожидании нтаита, ИМОЛЬМо И!мер: «Неужели пора?» Он быстро собрал свои принадлежности и выскочил из здания. Уже через несколько минут он был возле штаба, где увидел других молодых летчиков, которых тоже ВЫ-

звали к командиру, но они пока не решались войти. «Значит, не по рапорту», — подумал Юрий и как-то сразу успокоился, стал привычно веселым парнем. А молодежь прибывала. Здесь были и летчики из соседних частей. Вот Юра заметил своего постоянного соперника по спортивным соревнованиям «балтийца» Шонина. Выражение его лица было довольно унылое.

— Жора, вас что, из проруби, что ли, вынули?

Шонин посмотрел на Гагарина и тоже усмехнулся.

— Так ведь никто не знает, зачем вызвали. Вот и перебираем свои грехи.

— Судя по собравшимся, грехов больно много набирается. Может, разберемся?

Все замолчали, не зная, как поступить.

— Давайте гуртом. Все вместе, — снова предложил Гагарин и первым шагнул в кабинет командира. — Товарищ полковник! По вашему приказанию при- были.

Командир обвел всех оценивающим взглядом и вдруг сказал:

— Да вы, собственно, мне и не нужны! Зайдите в соседнюю комнату, там с вами побеседуют приехавшие товарищи.

И снова Гагарин вошел в соседний кабинет во главе вызванных летчиков. Один из сидящих за столом подполковников-медиков встал.

— Все сразу вы нам, товарищи, не нужны. Будем говорить с каждым в отдельности. Пусть останется один.

Все так же шумно, как вошли, повалили из комнаты, оставив на первый удар Гагарина.

Тех мгновений, пока все покидали помещение, оказалось достаточно для Юрия, чтобы во второй раз за сегодняшний день заволноваться и снова успокоиться. Сердце подсказало ему, что именно сейчас наступил момент, которого он так все эти долгие дни ждал. И как всегда в решающие минуты, успокаивая себя, Юрий улыбнулся.

Подполковник постарше заметил улыбку Гагарина и тоже улыбнулся в ответ.

— У вас хорошее настроение. Для этого есть какие-то причины?

— Есть.

— Какие же, если не секрет?

— Какой же секрет. Мне почему-то кажется, что сейчас состоится разговор, которого я давно и с нетерпением жду. Хотя, если честно говорить, не знаю, чем он закончится.

Подполковник взглянул на своего более молодого товарища.

— Продолжайте, мы слушаем.

Юрий внимательно посмотрел на людей, сидящих за столом. Нет, такие люди не могли приехать для простого медицинского опроса, какие часто случались у них. Даже манера поведения этих людей, какое-то особое чувство значимости происходящего говорили, что приехали они не с простой миссией. А может быть, все это показалось Юрию, с нетерпением ожидавшему ответа на свое письмо.

— Что ж вы замолчали? Продолжайте, — вывел Юрия из состояния задумчивости седой подполковник.

• Мне кажется, что у нас будет разговор о полетах и космос, — ответил Юрий.

Медики переглянулись между собой.

— Почему вы так решили? — спросил после паузы Старший из собеседников.

— Не могу я это объяснить словами. Но чувствую. Я ведь давно подал рапорт, чтобы меня направили в группу, которая будет готовиться к таким полетам.

Ваша фамилия Гагарин?

Гагарин, — улыбнулся Юрий, — значит, получили рапорт? Я не ошибся?

Седой подполковник подошел к Юрию, который встал к нему навстречу.

К ('(«калению, Юрий Алексеевич, мы не получали **нашего рапорта**. О нашем желании мы узнали в штабе ¹¹¹ р¹ 1Ы, первым пришлось говорить с вами. тда рвется к новым высотам. I и/1и114 I" Ла к а й I e поОссеуем,,

Иоанн_____учшшл Юрия, присел рядом и снова продолжил **ра иоаор**:

Мы иЙ1 мштелмю приехали для того, чтобы пред- группе молодых летчиков пройти медицинское обследование для зачисления в группу, которая бу-

рочной комиссии уехали и, кажется, совсем забыли о них. Или, может быть, они изменили решение и уже набрали кандидатов на полет из летчиков-испытателей и он опоздал? Но даже тогда он не мог отказаться от своей мечты, и надо было все равно что-то делать. Пусть он не будет в числе первых, но слетать в космос должен.

Задумавшись, Юрий не сразу понял, что замполит обращается к нему:

— У вас неплохо получилось товарищ лейтенант. Могу только пожелать вам и дальше иметь такие же успехи.

Через двадцать минут вся эскадрилья читала обращенные к ним слова молодого летчика. И каждый выражал свое одобрение редактору лейтенанту Гагарину.

А вскоре кончились и его сомнения. Он получил вызов в Москву на медицинскую комиссию.

* * *

В соответствии с программой исследования космического пространства и подготовки к межпланетным полетам 4 октября 1959 года в Советском Союзе осуществлен третий пуск космической ракеты... На борту ракеты установлена автоматическая станция...

Из сообщения ТАСС

Сразу после прибытия в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь в Москве Юрия Гагарина принял ведущий врач Евгений Алексеевич Федоров. Он подробно расспросил Юрия практически о всей его жизни, не упуская и таких мелочей, как запомнившиеся простые ушибы. В конце беседы Федоров сказал.

— Что ж, товарищ Гагарин, сейчас вы отправитесь в палату, и в течение сорока дней вас будут изучать наши медики. Их выводы дадут возможность сказать: сможете ли вы быть приняты в группу для подготовки к космическим полетам? Испытания предстоят трудные, все зависит полностью от вас. Мы не можем рисковать жизнью человека, отправляя его в космическое пространство. Лучше сейчас предъявить более жесткие требования к кандидатам, чем проглядеть какой-то дефект. Поэтому кое-какие эксперименты могут по-

казаться вам абсолютно лишними. Но прошу вас и с ним отнестись вполне серьезно, так как эти эксперименты нужны нам — медикам. Мы с вами встретимся еще не раз, мне поручено руководить медицинским отбором кандидатов. Вот и все. Подробности вам расскажут старожилы палаты.

Юрий быстро освоился среди старожилков. В основном это были молодые летчики. В зависимости от уверенности в себе они по-разному относились к процедурам медицинского отбора. Одни проходили пробы и тесты спокойно, как будто решив все отдать в руки судьбы, другие уповали на свое крепкое здоровье, а потому не считали нужным настраиваться перед многочисленными экспериментами. Третьи, наоборот, слишком готовились к проверкам, были напряжены, и это тоже сказывалось на результатах.

1) первый же вечер сосед по палате предупредил Юрия:

Ты начинаешь отбор, и мы должны тебя предупредить. Местная комиссия не идет ни в какое сравнение с **нашими** обычными медицинскими проверками, которые **мы** всегда с блеском проходили. Самое страшное то, что **они** могут признать тебя ограниченно годным к полетам **на реактивных истребителях**. И это несмотря на то, что **мы** летали **на** них и не чувствовали каких-либо трудностей. Здесь проверку проводят специалисты высокой класса, да и набор аппаратуры у них несравненно больше. Так что, если решаешься на комиссию, должен быть готов к тому, что у тебя могут найти дефект, о котором ты и не подозревал. Ты понял, парень, о чем я говорю?

Понял, — глухо ответил Гагарин.

Не обижайся. Мы всегда говорим это новичкам, чтобы им было обидно. Должен знать, на что ты идешь,

К)||||| улмПнулсн и вдруг неожиданно для себя ска-

Л (Имени., м ми.'пи еп им нее. Только я уверен, что ты не пройди. Понимаю, что ты не пройди,

Новый «Нимомый улыбнулся и закончил разговор:

• А пи мне нрмпшшен. Поэтому несколько советов
...Ли Ч|о умерен хорошо, но не будь упрямым.
I Гврийем ибдумымп. все, что будешь делать. Тесты, итг'ш п.1. жеперименты будут занимать время от темна

до темна. Некогда оглянуться. А утром опять должен быть готов к проверкам. Иногда мелочь может решить все. Поэтому старайся меньше участвовать в вечерних трепках. Не пойми это как полное отрешение от всего, но не очень активничай, старайся быть самим собой. Ты, я вижу, парень спокойный, сдержанный. Тесты ты прой-дешь. Может, повезет и в остальном.

Новый знакомый встал, протянул руку.

— Желаю тебе дотянуть до конца. Мы не распределяем обязанностей, но, если ты будешь старожилом, передавай эстафету советов новичкам, особенно если видишь, что они кое-чего не поняли.

Новый знакомый ушел, оставив Юрия в раздумье, а на следующий день он не прошел какого-то важного эксперимента и уехал в свою часть. Но его небольшой урок запомнился Юрию. Он упорно шел к цели, хотя видел, что некоторые летчики, заподозрив у себя какие-то дефекты, отказывались от дальнейшей проверки из-за боязни покинуть авиацию.

А исследования шли своим чередом. Несколько раз в день брали кровь на анализ. Медики оценивали влияние различных процедур на организм кандидатов. Проверяли реакцию крови на различные препараты. Юрий, например, не слышал раньше о таком анализе, как «реакция организма на глюкозу». Он знал, что глюкозой пользуются спортсмены, чтобы взбодрить организм. Но он никак не ожидал, что этот эксперимент может оказаться столь коварным. Все начиналось просто. У них брали кровь, а затем заставляли выпить два стакана сладкой глюкозы. Потом снова несколько раз брали кровь. И бывало, что некоторые кандидаты теряли сознание после эксперимента. Это заставляло серьезнее относиться к самым, казалось, простым испытаниям. Юрий не раз с благодарностью вспоминал своего собеседника в первый день пребывания в палате.

Почти каждое утро кандидатов заставляли принимать какие-то таблетки и растворы, сдавать анализы. Их нещадно крутили в кресле, проверяя работу вестибулярного аппарата, сажали в темную комнату, ослепляли вспышкой...

Каждый день процедуры следовали одна за одной и, как говорили местные остряки, «не давали возможности взглянуть на свет божий». В конце концов Юрий потерял счет дням и процедурам. Как-никак прошло уже больше месяца изнурительного медицинского марафона,

а никто не мог сказать, что проходной балл тебе гарантирован. Срыв мог произойти и в самый последний момент.

В редкие минуты, свободные от проверок, Юрий садился писать письма Вале, стараясь успокоить ее своим бодрым тоном. Юрий соскучился по семье, по родному гарнизону. Как там Валя, как дочурка? Ведь он так и не успел с ней познакомиться.

— Гагарин, ваша очередь. Проходите в кабинет.

Юрий с трудом оторвался от своих мыслей. Войдя в темноту кабинета, он в нерешительности остановился. Затем подошел к слабо освещенному столу и коротко представился:

— Лейтенант Гагарин к проверке готов.

— Садитесь. Эта проверка одна из последних, но потребует от вас сосредоточенности. Поэтому прошу вас аабыть на время все, о чем вы думали по пути сюда и во время ожидания.

Юрий, не ожидавший такого вступления, вопросительно посмотрел на доктора — им оказалась женщина.

Она продолжала:

Перед вами эту проверку проходило много молодых людей, и многих из них подвела расслабленность в последние дни. Они не смогли сосредоточиться на задании, хотя в нормальных условиях они с успехом выполнили его.

То, что вы меня обо всем этом предупреждаете, пилимся некоторым снижением требовательности? Или личная симпатия? — улыбнулся Юрий.

Он думал, что ирач не ответит на вопрос, в крайнем | мучае превратят его в шутку. Но она так же тихо и • мрмино объяснила:

Я предупреждаю об этом всех проходящих. Это (предупреждени) программой эксперимента. Все в равных условиях* Ни, к сожалению, многим, очень многим мое НММУМрстаенш' не помогает сосредоточиться. Что ж, и|м ММ НИ УНИИ' ЛМПИ рМИПНОРН прошло. Приступим? приступим

< I Ичш мы будем Г' ними работать с полихромиче- I ними IяПлипммн м|и I'абкииа. Вот на этой IИблН1Р ИМ ДОЛЖНЫ Пудгге сложить такие черные и мрИРНМ» имела, чтоПы всегда получалась сумма ош'шмн. ч. Iь|н Черные числа буду показывать я. Все шиш ПЮ?

— Понятно, — с легкой улыбкой ответил Юрий. Он не видел особой трудности в этом задании. И хотя числа на таблице были разбросаны в хаотическом беспорядке, он был уверен, что найдет нужный ответ.

— Три.

Врач остановила острие указки на черной цифре.

Юрий, в свою очередь, быстро указал на 21 и произнес:

— Двадцать четыре.

Врач указывала одно, другое, третье числа, но Юрий безошибочно и быстро находил ответ. И вдруг в кабинет хлынул поток голосов из невидимых динамиков. Опережая друг друга, они называли различные числа: десять, два, восемь...

На мгновение Юрий замер от неожиданности, но врач уже указывала следующее число, и Юрий понял, в чем заключалась очередная проверка, и все внимание сосредоточил на таблице и голосе врача, указка которой двигалась по таблице все быстрее и быстрее...

Другой кабинет, другой врач, новое задание. Предстояло запомнить цветовую гамму на левой стороне экрана и нажимать специальную ручку, как только такие же цвета появлялись справа на том же экране. И снова звуковая какофония мешала сосредоточиться. На этот раз Юрий не отвлекся от задания даже на секунду. Пусть мешают. Он привык. Задание было выполнено отлично...

И снова, в который раз, Юрий идет в кабинет окулиста. Уже не раз проверена острота зрения, проверено ночное зрение, не обнаружено и скрытого косоглазия. Сегодня, как сказали ему, предстоит исследование глазного дна. Юрий привычно положил подбородок на аппарат, стал смотреть в указанное место, ожидая врачебного осмотра. И вдруг яркая вспышка сверкнула перед глазами — и сразу черная пустота. Юрий замер от неожиданности, потом заморгал глазами, но ничего не увидел. Черная пустота. Сердце застучало быстрее. Юрий поднял голову, ощупал ее руками и услышал голос врача:

— Не волнуйтесь. Несколько минут вы не будете видеть. Потом все пройдет. Посидите спокойно.

Его снова мяли, вращали, по всему телу устанавливали датчики, снимали электрокардиограмму, энцефалограмму.

100

Через несколько дней Юрий робко подошел к кабинету Федорова. Ему казалось, что все проверки он прошел успешно. Но кто знает, что записали приборы. Вдруг какой-то импульс покажет, что у него был сбой, который врачи сначала не заметили. Ему могли и не сказать об этом сразу.

Юрий приоткрыл дверь кабинета.

— Входите, молодой человек, входите.

Юрий остановился в нерешительности. Федоров поднялся и пошел ему навстречу.

— Не ожидал от вас такой робости. Хотя понимаю. Хорошо понимаю. Не буду вас мучить. Вы отлично прошли все испытания. Стратосфера для вас не предел. Так-то, молодой человек. Не предел! Запомните!

Юрий хотел казаться серьезным, но, услышав последние слова, счастливо улыбнулся. Федоров невольно засмеялся и похлопал Юрия по плечу.

— Вы далеко пойдете, если сможете сохранить свой оптимизм и жизнерадостность. Как раз такие люди нам и нужны. К сожалению, эти качества пока проверке не поддаются.

Чувствую, что вы по всем статьям подходите в группу космонавтов. Но окончательного решения и никаких гарантий дать вам сейчас не могу. Наша комиссия первичная. Скоро снова соберем всех прошедших недельки на две, не больше. Будут уточнения, новые проверки. Отсев тоже будет. Но надо верить в свои силы, и ни'Дп нее будет в порядке. Стратосфера для вас не предел. Уверен!

Спасибо. В себе-то я уверен, а вот в медицине...

Юрий решился высказать свою тайную мысль.

Ничего, медицина у нас справедливая. Не обидит ни'мрш'но, Возвращайтесь к своей части и ждите нашего ны ниш,

Ф». Юрий к выходу. Затем неторопливо, раскрыл тетрадь с медицинскими шил. и вдруг поймал себя на мысли о только ЧТИ УИ'Н'Н'ШМ леммой* Чем то привлекала его застенчивый улыбки, его щкрытое русское лицо. Федоров не гр» I ии диерь, потом размашисто расписался и подошел к окну,

Ни /шюре он увидел Гагарина. Жестикуюлируя, как оыннлый лещик, он что-то горячо доказывал своему

товарищу, потом обнял его за плечи, и они быстро скрылись за углом соседнего здания.

«Да, жаль будет, если этот парень не пройдет вторичный отбор», — подумал Федоров.

Валя заканчивала купать дочку и озабоченно посматривала на часы. Юрий запаздывал, хотя предупредил, что сегодня у них будут гости. Время уже было позднее. Валя забеспокоилась и решила сходить к соседке, чтобы узнать, не случилось ли что. Но тут дверь распахнулась, и на пороге показался Юрий.

— Принимай, мать, помощника! Правда, я немного припоздал. Ребята не отпускали. Пришлось кое-что им рассказать о командировке.

Юрий поцеловал жену и остановился не раздеваясь.

— Никуда не надо сбегать, Валюша?

•— Раздевайся. Я все успела сама сделать.

— Спасибо. К нам знаешь, кто придет? Жора Шонин и Володя Вязовкин. Им тоже ехать в Москву на комиссию. Просили рассказать все подробности.

Юрий не успел договорить, как в комнату, тихо постучав, неловко вошли гости. Юрий помог им раздеться и представил жене.

— Знакомьтесь: Валя, Жора Шонин — одессит, Вододя Вязовкин.

Валя смущенно поздоровалась и, извинившись, занялась домашними делами.

— Располагайтесь, ребята, — предложил Юрий, — у нас с Валей все просто и практично. Как, наверное, у всякой молодой семьи. А это мое потомство. — Он указал на девчущку, стоявшую на диване. Юрий подошел к дочке, взял ее за ступни ножек и потянул на себя. Девочка шлепнулась и залилась громким смехом.

— Знакомьтесь, Елена Гагарина.

Он взял ее на руки и закружился по комнате. Потом осторожно поставил Леночку на диван и сел с ней рядом.

— Давно не видел ее. А она за полтора месяца так изменилась, что не узнать. Все новое. Да что вам говорить, — махнул он рукой, — все это может понять только отец вот такого создания.

И он снова подхватил дочь на руки.

— Пожалуйста к столу, — пригласила Валя,

Все сели за стол. Разговор не получался. Шонин попытался пошутить, но шутка не вышла. Никто не засмеялся, кроме Юрля, который словно не замечал скованного состояния ребят:

— Вас что, в морскую пучину окунали?

— Да нет, никак не решим, — ответил Шонин, — сомневаемся. Стоит ли ехать? Какие ребята вернулись! Может быть, не надо и время зря тратить?

Юрий подошел к ребятам, обнял их за плечи.

— Зачем же так? Все будет в порядке. Я уверен. Вы пройдете комиссию. И наши ребята тоже, наверное, прошли бы, если бы не слишком волновались. Нужно немного успокоиться. — Юрий помолчал и добавил: — А вообще-то комиссия трудная. Идти на нее надо, как говорят, с полным сознанием того, что в результате можешь и не пройти, но должен, понимаете, должен! А чтобы вам не было так страшно, я вам действительно кое-что расскажу.

Рассказывал Юрий подробно. Ребята ушли от Гагариных за полночь. Его рассказ успокоил Георгия, вселил в него уверенность.

Вернувшись к новому году с медицинской комиссии, Шонин с такой же гордостью, как и Гагарин, доложил:

— Стратосфера мне не предел.

И теперь уже вдвоем они ждали повторного вызова на окончательное медицинское обследование.

**МОСКВА — ЗАПОЛЯРЬЕ —
ПОВОЛЖЬЕ — ОРЕНБУРГ —
ЗВЕЗДНЫЙ.
ГОД 1960-Й.**

Год свершенья... К плотам, что летят быстрее звука, космическую он приблизит вьсь.

В. Азаров
«Красная Звезда», 31 декабря 1959 года.

На вторую медицинскую комиссию Юрий ехал уже спокойно. В госпитале он узнавал знакомые лица среди обслуживающего персонала, весело здоровался, расспрашивал о новостях. И люди отвечали ему тем же радушием и вниманием.

Юрий попросил знакомую медсестру поселить его в своей старой палате.

— Знаете, как-то привык. Да и везучая она для меня.

Сестра рассмеялась:

— Все вы, летчики, суеверные. Каждому обязательно надо быть в своей палате. Только ведь палата одна, и немногие из нее прошли первичный отбор. Уж и не знаю, можно ли ее назвать везучей.

— Ничего, для меня она будет такой.

— Хорошо, размещайтесь. Там уже есть летчики, которые прибыли раньше. И удачи вам, Юра.

— Спасибо, — поблагодарил Юрий, — хочу сказать по поводу везучести. Знаете, человеку легче выполнять трудную работу, когда он находится в привычной обстановке. Не надо тратить лишние усилия на привыкание. В этом и вся суть нашей летной суеверности. И знаете, иногда помогает.

Юрий засмеялся и, приветливо помахав дежурной сестре, быстро направился к больничному зданию.

В палате все было по-прежнему. И аккуратно заправленные, выстроенные в линейку кровати, и тумбочки, и столик медицинской сестры. Только ни одного знакомого лица. Ни с кем из внимательно глядящих на него парней Юрий раньше никогда не встречался. Даже Жоры Шонина не было видно. Но с этими ребятами ему предстояло пройти самую ответственную часть испыта-

ния. А потому надо было прочно входить в этот маленький коллектив. Юрий представился:

— Лейтенант Юрий Гагарин. Заполярье.

Он еще не успел закончить свое представление, а вокруг него уже были все обитатели палаты.

Первым протянул руку невысокий крепыш со светлой курчавой головой и внимательными умными глазами, в которых, однако, так и сквозил озорной огонек.

— Герман.

Юрий широко раскрыл глаза, не ожидая столь необычного в наши дни имени, и подумал, что его разыгрывают. Он таинственно посмотрел по сторонам и сказал шепотом:

— Есть идея.

— Какая? — удивленно поднял брови Титов.

— Бросаем авиацию, этот отбор и подаемся в писатели. Псевдоним я уже придумал: Юрий Герман. Подходит? — под общий смех закончил Юрий.

Дальнейшее знакомство проходило весело и без обычной в таких случаях сдержанности.

Проверки начались на следующий день, и собраться все вместе смогли только к вечеру. Но привычного веселого трепя, помогающего расслабиться после трудных испытаний, не получалось. Сосредоточенно что-то писавший у окошка рыжеватый парень вдруг поднялся. Это был Леонов.

— Ребята, есть мысль, — звонким голосом заговорил он, — уж больно скучно проходила первая комиссия. Я чуть не умер от скуки. Да и сейчас начало не лучше. Поэтому предлагаю выпускать свою газету с веселыми шаржами, шутками.

После небольшой паузы неторопливо встал Николаев.

— Я не против. Только кто рисовать будет? Я лично не могу. Способностей нет.

— Рисовать буду я! — с энтузиазмом предложил Леонов.

— Тогда все в порядке. Материал мы уже как-нибудь наберем, — снова согласился Николаев, — только газету надо как-то назвать.

— А пусть сам инициатор газеты и предложит название, — вступил в разговор Юрий, — и, кроме того, давайте в первом номере пожелаем каждому что-нибудь. Ведь новый год только начинается. Посмотрим, какие

мы пророки. Вот, например, тебе, Андрюша, могу предсказать судьбу.

Юрий подошел к Николаеву, взял его за руку, повернул ладонью вверх и, подмигнув ребятам, продолжил:

— Меня еще бабушка учила этому искусству в детстве.

Юрий говорил, а сам внимательно осматривал ладонь летчика. Николаев, вначале пытавшийся выдернуть руку, теперь тоже вместе со всеми весело смотрел на молодого хироманта.

— Ну что же ты замолчал, — подзадорил он Юрия, — или уж больно сложная у меня судьба? Никак не можешь?..

— Искусство мага от насмешек не умаляется, но судьба твоя от этого может измениться, и не к лучшему. Вот возьму и предскажу тебе скорую и не совсем дальнюю дорогу.

Николаев, не ожидавший такого поворота событий, рассердился не на шутку и выдернул руку.

— Не мели чепухи, фокусник. Я выдержу испытания.

— Правильно, выдержишь, — согласился Юрий и снова завладел рукой Андрияна, — и ждет тебя после комиссии дальняя неземная дорога, многие радости и тревоги. Будет тебе сопутствовать удача, но только при условии, что ты никогда не будешь сердиться и тратить энергию на обиды. Аминь.

Юрий прихлопнул ладонь Николаева своей ладонью и повернулся к Леонову:

— Как первое пожелание, подходит для газеты?

— Еще как подходит. А газету предлагаю назвать «Шприц». Уж больно он нам досаждают.

Предложение приняли единогласно. Как, впрочем, и кандидатуру Алексея Леонова на должность редактора нового печатного органа в госпитале.

В один из дней в палату заглянул знакомый летчик.

— Титов?

— Я Титов, — откликнулся Герман.

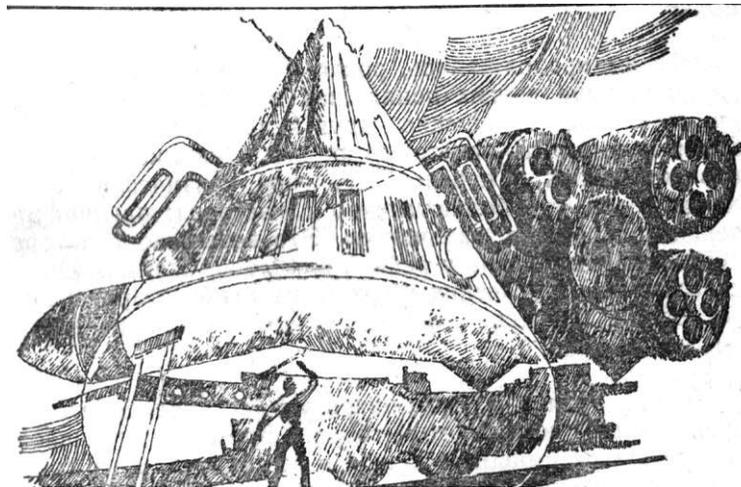
— Там ребята из твоего полка.

Герман сорвался с места и выбежал в коридор. Вскоре он вернулся с двумя ребятами, представил их

и стал расспрашивать о новостях. Товарищи не хотели мешать их беседе: постепенно палата опустела, и Герман с однополчанами остались одни.

Встреча с однополчанами отрицательно сказалась на Германе. Он ходил на следующий день задумчивый, не всегда сразу откликался на обращение друзей. Эксперименты он прошел успешно, но чувствовалось, что это не доставило ему особой радости, как было в предыдущие дни.

Леонов попытался расшевелить Германа и поместил

в тот же день в газете дружеский шарж, где Герман был изображен унылым стариком. Шутка взбодрила Титова. Все вновь увидели прежнего Германа, любителя стихов и веселых розыгрышей. Однако впереди его ждали новые огорчения. Один из двух однополчан Германа не выдержал строгой проверки и должен был снова уехать в полк. Это известие потрясло Германа. Он был уверен, что его друг Олег пройдет все испытания. Друзья вышли проводить Олега. Он быстро попрощался, вышел из ворот проходной и, не оглядываясь, сел в ожидавшее такси. Все понимали, как тяжело ему уезжать отсюда.

Второй однополчанин Титова медленно отвернулся от ворот и тихо произнес:

— Чья же теперь очередь?

Герман резко дернул его за рукав:

— Чего раскудахтался, кисейная барышня? И без тебя не сладко всем.

— Ладно, ребята, — примирительно сказал однополчанин, — я не вас имел в виду. Может, это я на себя беду кличу.

Он действительно накликал беду на себя. Через несколько дней Герман с друзьями провожали его в полк.

Отсевы продолжались, росло и нервное напряжение. Юрий раньше других понял, как важны сейчас такт, внимательное отношение друг к другу, и посветовал Леонову смягчить некоторые шаржи и карикатуры. Леонов согласился и перенес весь свой критический огонь на докторов, «так беззастенчиво и жестоко мучающих маленьких скромных мальчиков». Это возымело некоторое действие. Настроение у ребят поднялось. Они даже предлагали темы дружеских шаржей на особо старательных докторов и их эксперименты. В палате снова появились смех и улыбки.

Да, не всем из собравшихся удалось преодолеть все препятствия последнего отбора! Кое-кому пришлось возвращаться в родной полк. Но все они увезли с собой радость общения с замечательными людьми. Уезжали с полной уверенностью, что остались самые достойные, самые заслуживающие будущего космического полета летчики. И эта уверенность помогала легче переносить горечь собственной неудачи. Именно неудачи, а не поражения на короткой дистанции жесткого и беспощадного медицинского отбора.

Через несколько дней после очередного бурного совещания по проблемным вопросам развития космонавтики Сергей Павлович Королев появился в Главном штабе ВВС. Представители ВВС отбирали в частях будущих кандидатов в космонавты, а медики ВВС производили тщательный отбор кандидатов в госпитале.

Удобно расположившись в мягких креслах, Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами страны,

Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин и Сергей Павлович Королев не спеша начали разговор.

— Как я понимаю, Константин Андреевич, — первым заговорил Королев, — вы хотите узнать, как идет подготовка космической техники для ваших летчиков, которых включили в группу космонавтов. Работа по созданию такого корабля идет по программе. Отставаний нет. На заводе уже приступили к изготовлению первого спутника. А трудные вопросы мы благополучно решаем. Так что об этом можете не беспокоиться. Мы свое дело сделаем, — Королев сделал паузу и вопросительно посмотрел на Вершинина, — меня интересуют люди, которым предстоит лететь на этих кораблях. Вы ведь уже закончили отбор кандидатов?

— Закончили, — улыбнулся Вершинин, — хорошо поработали наши медики.

— Слышал я, — заметил Королев, — уж, говорят, свирепствовали. Наверное, и мою просьбу найти среди кандидатов хоть одного с инженерным образованием забыли?

— Не забыли, Сергей Павлович. Хотя медики действительно строго относились к отбору. Во-первых, первичный отбор осуществляла специальная комиссия непосредственно в частях. На этом этапе главную роль играли летное мастерство кандидатов и рекомендации командования, партийных и комсомольских органов. Затем уже следовали сложнейшие медицинские проверки в Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале. Специалисты отсеивали кандидатов решительно, при малейшем отклонении медицинских показаний от установленной ими нормы. Это было главное. Сейчас комиссия закончена, и мне представили список кандидатов для утверждения. Так вот, среди них есть два опытных летчика. Павел Иванович Беляев успел повоевать с японцами. Владимир Михайлович Комаров тоже летчик, окончил академию Жуковского. Инженер. К сожалению, — развел руками Вершинин, — больше инженеров мы не смогли допустить в отобранную группу.

— Это очень хорошо, что в группе есть инженер. Ведь в будущем нам нужны будут люди с инженерными знаниями. Только летный опыт нас будет удовлетворять на первых этапах космических полетов. И вы знаете, это будет очень скоро. Пройдет всего каких-нибудь не-

сколько лет, и нам придется уже думать о новом наборе, предъявляя к кандидатам и новые требования. Я имею в виду не медицинские показатели, которые и так слишком высоки, а именно высокий уровень инженерных и научных знаний.

— Чему же конкретно мы будем учить уже созданную группу космонавтов? — воспользовавшись паузой, поспешил с вопросом Вершинин.

— Конкретно? — переспросил Королев. — Кое-что мы знаем и конкретно. Будем, например, учить их отлично переносить известные нам физиологические факторы, которые будут присутствовать при космическом полете, — перегрузка, невесомость. Дадим определенный объем знаний по различным разделам космонавтики. Научим управлять кораблем и его системами, работать в космическом скафандре. Но все остальное, к сожалению, неизвестность. Поэтому наши специалисты сейчас разрабатывают программы действий космонавта в корабле на все случаи жизни, какие только можно предусмотреть.

— Сергей Павлович, — внимательно посмотрел на Королеву Вершинин, — еще один вопрос. Я знаю, что готовятся к запуску человека в космическое пространство и американцы. Как вы оцениваете их возможности?

— Могут и они одновременно с нами запустить космический корабль с человеком. Могут. Но только ценой чего? Ценой снижения гарантии безопасности человека в этом полете. Вряд ли они пойдут по этому пути.

— Сергей Павлович, — поднялся Вершинин, — у меня последний вопрос. Рано или поздно, но нам придется определять первого кандидата.

— Да, — поднялся со своего места и Королев, — время такое действительно придет. И я думаю, что в процессе подготовки мы сумеем определить действительно самого лучшего, самого подготовленного, как говорят мои специалисты, на все случаи жизни. Мне бы очень хотелось встретиться с этими ребятами, посмотреть на тех, кто займет место в корабле. Какие они?

— Воля ваша, — согласился Главком, — правда, я собирался пригласить их завтра к себе. Сразу после утверждения списка. Ребята молодые. В основном лейтенанты, — он вопросительно посмотрел на Королеву. — Не слишком ли много встреч будет им для начала?

— Тоже верно, не будем торопить события. Я встречу с ними тогда, когда смогу показать корабль, готовый к первому испытательному полету.

Они расстались, твердо уверенные в том, что поставленная перед ними задача будет обязательно выполнена, и выполнена в срок.

Валя с нетерпением ожидала известий из Москвы. Юрий писал часто, хотя и очень кратко. И вот наконец телеграмма — Юрий возвращается домой.

Валя тщательно убрала их небольшую комнату, принарядила дочурку, надела любимое Юрино платье и с нетерпением ждала его быстрых шагов. Она бы сама побежала встречать его. Расписание автобусов знала наизусть. Но Леночка накануне немного покашливала, и Валя не решилась выйти с ней на улицу.

Как ни прислушивалась Валя, но, занятая плачущей Леночкой, не услышала Юриных шагов. Она увидела его уже стоящим у раскрытой настежь двери.

Валя бросилась к двери и плотно прикрыла ее.

— Ты что, забыл, что Леночка еще не летчица?

Но тут же, взглянув на огорченное лицо мужа, засмеялась, махнула рукой и прижалась к его груди. Юрий, перебирая ее мягкие волосы, виновато оправдывался:

— Забыл, Валюша. От радости забыл. Ты уж прости.

Валя подняла голову, поцеловала мужа, нежно провела ладонями по его лицу:

— Не надо, Юра. Это я виновата. Муж на порог, а я сразу ругаться. У тебя все хорошо?

— Отлично, Валюша.

— У нас тоже. Смотри, какая Леночка большая стала. И не узнает тебя.

А Леночка уже умолкла и, держась за спинку детской кроватки, с удивлением смотрела на Юрия.

Он подошел к дочери, подхватил ее на руки и закурил по комнате.

Валя смеялась, глядя на них. Попыталась отобрать дочку у Юры, но он, высоко подняв над собой смеющуюся Леночку, не отдавал. Потом поставил ее на пол около дивана и осторожно отпустил. Леночка покачнулась, и Валя хотела подхватить ее, но Юрий остано-
55
вил:

— Не надо. Пусть учится ходить самостоятельно. Леночка покачулась еще раз, посмотрела на маму и радостно засмеялась. Юрий присел перед диваном и протянул к ней руки. И Леночка смело оторвала руку от спинки дивана и сделала свой первый самостоятельный шаг.

После возвращения из Москвы на Юрия навалилось столько забот, что он забыл о своем дне рождения. Но Валя напомнила ему. Она испекла пирог, красиво украсив его инициалами Юрия и цифрами 26.

Друзья собрались быстро: все жили рядом.

После традиционных поздравлений и пожеланий встал Росляков, подождал, пока установится тишина, и спросил:

— Юра, можешь ты нам рассказать о своей поездке?

Юрий хотел было встать по привычке, но на него замахали руками, и он сел.

— Вы знаете, друзья, всего ведь я сам и не знаю. Разговоров у нас много ходит. А официально на последней встрече нам сказали, что после соответствующей подготовки будем испытывать новые типы летательных аппаратов.

— Да что ты темнишь? — не выдержал один из гостей. — Знаем мы эти аппараты. В космос вас будут готовить. Ты ведь не один на эту комиссию ездил.

— Может, они потому и вернулись, что языки длинные, — прервал гостя Росляков, — а ты продолжай, Юра. Мы все понимаем. Вон какие рекорды наш брат летчик ставит! Что тебе высота, что скорость, что поднимаемый вес. Может, к тому времени, когда пройдешь подготовку, и к космосу ближе подойдем. Мы ведь на новый тип самолета тоже долго переучиваемся, а тут новая техника. Много воды утечет. А все-таки я уверен, что ты еще свое слово скажешь, Юра. Попомните мои слова.

Росляков замолчал.

— Знаете, что произвело на меня самое большое впечатление? — продолжил Юрий. — Нас, молодых летчиков, принял сам Главный маршал авиации Вершинин. Представляете? Мне, лейтенанту, — и к самому Глав-

ному. Уже это одно говорит о том, какое значение придается нашей группе, ее будущей подготовке. Я чувствую, что будет трудно. Тем более что практически придется начинать сначала.

— Ничего, выдержишь.

Вдовин поднялся со своего места, держа в руке листок бумаги.

— Не будем больше искушать Юрия. Я лучше прочту вам свои новые стихи.

Он быстро прочел свои стихи, и женская половина гостей сразу потребовала музыку. Гости танцевали, о чем-то спорили друг с другом. Вдовин отвел Юрия в сторону.

— Доволен, Юра?

— Ну конечно.

— А мне вот на «гражданку» подаваться. Все начинать сначала.

— Так ведь у нас одна судьба. Я ведь тоже все сначала буду начинать.

— Не надо, Юра, — как-то неловко махнул рукой Вдовин. — Ты ведь останешься с любимым делом. А мне это дело надо еще искать. Я в полку не один и не два года. Не мыслю себя без полетов...

Они долго еще разговаривали, вспоминали случаи из полковой жизни. Потом подошли Росляков, другие гости, и вроде бы сама собой началась песня.

Возможно, песни и разговоры продолжались бы долго, но Росляков снова взял инициативу в свои руки.

— Все, дорогие гости. Пора и честь знать. Сколько тебе, Юра, дали времени на расчет?

— Два дня.

— Вот видишь. А сколько еще надо сделать. Мы тебя покидаем. Но, если понадобится помощь, мы всегда рядом.

Завершение полковых дел не заняло у Юрия много времени. Через день он получил документы, раздал соседям мебель и перед отъездом пошел вместе с Валей к берегу моря. Он не мог уехать, не попрощавшись с другом, который остался навсегда в этом суровом краю. Он положил на могилу Юрия Дергунова вечнозеленую сосновую ветку и долго стоял, вспоминая их встречи, разговоры, общие мечты, которые уже начали сбываться. Как во многом он оказался прав и как было бы замечательно, если бы сейчас им пришлось ехать в Москву вместе!

14 марта 1960 года через проходную Центрального аэродрома имени М. В. Фрунзе прошли двадцать летчиков, кандидатов на первый полет человека в космическое пространство.

И холостякам и женатым сразу предоставили отдельные комнаты в гостинице — обычном двухэтажном здании из красного кирпича. На размещение был предоставлен один день.

Ровно в девять утра следующего дня в класс, где уже давно и нетерпеливо шумели космонавты, вошел генерал Каманин вместе с сопровождающими лицами.

О том, что Каманин назначен руководителем подготовки будущих космонавтов, было сказано на встрече у Главкома, и все были горды тем, что командиром у них будет один из первых Героев Советского Союза, участник челюскинской эпопеи.

Беляев подал команду. Все встали. Несколько секунд Каманин внимательно всматривался в собравшихся, затем попросил сесть.

— Товарищи, — сказал он, — наши занятия мы начнем с организационных вопросов. Первое — у кого есть претензии к размещению?

Все молчали. Никто не ожидал, что первое занятие начнется с такого прозаического вопроса. Каманин продолжил:

— Я не случайно спросил об этом. С сегодняшнего дня у вас будет очень мало личного времени. Программа подготовки очень насыщена как изучением теоретических дисциплин, так и практическими занятиями. Но подробнее мы поговорим об этом на следующих встречах. Сейчас же я представляю вам руководителя ЦУПы. Карпов Евгений Анатольевич.

Карпов встал. Высокий. Богатырского сложения. Он даже у летчиков вызывал восхищение. С ним кандидаты в космонавты встречались во время медицинских экспериментов последнего отбора. Он беседовал с каждым и задавал не только медицинские вопросы.

А Каманин продолжал:

— Евгений Анатольевич познакомит вас с программой подготовки. С ним будете решать все возникающие в вашей жизни вопросы. На сегодня у меня все. Через несколько дней мы встретимся снова и тогда поговорим подробнее. Уверен, что к тому времени у вас появятся ко мне вопросы.

Каманин попрощался и в наступившей тишине быстро покинул класс. Карпов неторопливо вышел вперед, вынул из папки тетрадь, ободряюще улыбнулся притихшим летчикам.

— Вам уже сказали, что программа подготовки очень насыщенная. Времени у нас в обрез. На каждую неделю вашей группе составлено расписание занятий, которые будут проходить как здесь, в классе, так и в лабораториях институтов, на предприятиях. Чтобы вы представили общий объем занятий, назову основные курсы лекций: «Механика космического полета», «Авиационная и космическая медицина», «Астрономия», «Геофизика», «Геология», «Кинофотосъемка». С конкретной программой по каждому курсу вас познакомят преподаватели.

— А вопрос можно задать? — раздался вдруг голос Григория, капитана в морской форме.

Карпов внимательно посмотрел на него.

— Задавайте.

— Зачем нам все это? Мы же летчики, а не научные работники. Нам летать надо побольше, чтобы навыки не потерять. Мы и так уже вон сколько потеряли, пока проходили все медицинские комиссии.

Карпов спокойно выслушал говорившего. Дождался, когда он сядет, и так же спокойно продолжил:

— Давайте сразу договоримся. Вопросы будете задавать в конце лекций. Читать их вам будут не только большие ученые, но и недавние выпускники институтов. Они знают свой предмет, но лекторы молодые. Сбивать их не надо. Теперь по заданному вопросу. Ваша подготовка только начинается. Будет еще очень много необычного. Например, после месяца занятий здесь вы уедете в командировку. Пройдете полный цикл парашютной подготовки. Естественно, в этот период летать на самолетах не будете. Полеты для вас только часть программы подготовки. Притом не самая большая. Полет в космос имеет свою специфику, а отсюда и свои особенности подготовки к нему. Каждому из вас придется много раз вращаться на центрифуге, пройти большой курс физической подготовки, летать на самолетах, на которых будут имитироваться условия космического полета, в частности, такое загадочное, как невесомость. Всем по особому расписанию придется пройти и испытание на одиночество в сурдокамере в течение двух недель. Это

создаст дополнительные трудности, так как каждому придется самостоятельно догонять товарищей, которые, естественно, уйдут вперед. И только после этого вы приступите к тренировкам в кабине космического корабля. Вот, коротко говоря, ваша перспектива. Если в процессе подготовки кто-то посчитает, что ему лучше вернуться в часть, мы не будем считать это проявлением слабости. Вероятно, это будет просто трезвая оценка своих сил и возможностей.

Карпов замолчал, посмотрел на сосредоточенные лица космонавтов и улыбнулся.

— Понимаю, что сейчас у каждого уйма вопросов. Я отвечу по возможности на все. Чуть позже. А через несколько минут мы начнем наше первое занятие. Пусть оно не покажется вам странным. Мы своими силами оборудуем спортивную площадку. Для начала поработаем физически. Кстати, здесь мы с вами находимся временно. Для будущего городка космонавтов уже выбрано место в одном из живописных уголков Подмосковья. Думаю, вам тоже придется там потрудиться.

Летчики зашумели, но Карпов остановил их.

— Прежде чем поработать на свежем воздухе, позвольте мне предоставить слово моему заместителю Николаю Федоровичу Никерясову.

Карпов вернулся на свое место, уступив трибуну своему заместителю, лысому, с добродушным выражением лица человеку.

— На новом месте, при первой встрече, — начал Никерясов, — положено излагать свою программу. В этом отношении мне повезло. Сегодня утром московское радио сообщило о подвиге четырех советских воинов. Назову их имена. Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов. Во время шторма на Дальнем Востоке их баржу унесло в открытый океан. Запас пищи на барже был рассчитан на неделю, но они продержались 49 суток. Я бы назвал их сутками дружбы, так как за это время каждый из них думал только о том, как бы помочь товарищу. Надеюсь, что вы в своем маленьком коллективе будете жить так же дружно, сплоченно, считая главным для себя заботу о товарище, воспитание в себе чувства взаимовыручки, братской солидарности. Сейчас у нас нет еще космических традиций, но мне кажется примечательным тот факт, что о подвиге четверки простых советских парней мы узнали в период формирования нашего отряда. Они буд-

то подсказывают, откуда и какие нам следует черпать традиции, на кого равняться.

Никерясов замолчал, машинально провел рукой по лысине и закончил:

— Если нет вопросов, приступим к работе.

Плановые занятия начались на следующий день. Первую лекцию по теме «Механика космического полета» прочел профессор Михаил Клавдиевич Тихонравов.

Сразу после лекции, извинившись перед космонавтами и сославшись на неотложные дела, он уехал, и космонавты окружили молодого лектора — Виталия Ивановича Севастьянова. Он был так же молод, как и его слушатели, и, может быть, именно поэтому между ними сразу установились дружеские отношения. Вопросы сыпались один за другим. Виталий Иванович понимал, что не сможет за один раз рассказать обо всем, что интересовало его молодых коллег, и поэтому шутиливо поднял вверх руки.

— Стоп, братцы, стоп! Я готов ответить на все ваши вопросы. Я хочу и готов быть с вами чаще, чем того требует официальный курс моих лекций. Но каждый мой ответ сегодня будет рождать для вас множество других вопросов. За несколько минут и даже часов вы ничего не узнаете полностью. Так что давайте будем все изучать постепенно. К тому же у вас сейчас обед. Не будем нарушать распорядок дня. А вечером, допустим в двадцать часов, желающие могут быть в классе. Мне и самому о многом хотелось бы с вами поговорить.

Космонавты зашумели, стараясь задать еще хоть один вопрос, но Павел Иванович Беляев спокойно подвел итог:

— Кончаем беседу. Работаем по распорядку.

Его авторитет в группе был неоспорим, и, сокрушенно вздохнув, все направились в столовую.

После обеда лекцию читал Феоктистов. Космонавты уже немного слышали о нем. Он прошел длинный и трудный путь, прежде чем стал заниматься конструированием космических кораблей. Говорили, что это один из самых любимых учеников Главного конструктора.

Рассказывал Феоктистов об очень интересных вещах: о космическом корабле, о системе управления кораблем. Это было как раз то, чего так ждали космонавты. Феоктистов сказал, что космический корабль уже соз-

дан, что теперь предстоят его испытания, которые будут идти весь 1960 год, и что человек полетит только после всесторонних испытаний корабля, и никак не раньше. Главное для тех, кто полетит в космос, — определить в принципе возможность работы человека в космосе на космическом корабле. В чем кое-кто пока сомневается.

Константин Петрович закончил рассказ и внимательно посмотрел на космонавтов.

— Хочу еще вот что сказать вам. Нам, ученым, нужен в полете такой человек, который смог бы квалифицированно оценить многие факторы космического полета, а не только разглядывал бы Землю из космоса.

Феоктистов обвел взглядом напряженно смотревших на него космонавтов и впервые за всю лекцию улыбнулся.

После занятий вся группа космонавтов осталась в классе, и разговор пошел об учебе. Никто не шутил, не смеялся. Говорили серьезно, и вывод был единодушным: высшее образование необходимо. Необходимо даже в том случае, если кто-то и раздумает лететь в космос, если кому-то условия подготовки покажутся слишком суровыми. Но вместе с тем единым было и другое мнение: именно сейчас нельзя отвлекаться для занятий, даже заочных, в каком-либо институте. Это невозможно просто физически при такой нагрузке. Юрий и раньше думал о продолжении учебы. Еще в полку, когда пытался сам разобраться в некоторых технических вопросах и не смог. Но пока такой возможности не представлялось. Если, как говорил Феоктистов, испытания корабля закончатся уже к концу нынешнего года, то поступить в институт в этом году уже не удастся. В этом Юрий был согласен с ребятами.

Он задумался и не сразу понял, что произошло. В классе стояла непривычная тишина. Юрий поднял голову. Все взгляды были устремлены на Комарова. Все ждали его слова. Он единственный имел инженерное образование, о котором так много говорил сегодня Феоктистов и которое может быть определяющим фактором в выборе первого кандидата.

Комаров не торопился с ответом. Как-то неуверенно пожал плечами, побарабанил пальцами по столу и только потом сказал:

— Да нет, ребята, я, наверное, первым не полечу. Времени остается очень мало. А мне еще предстоит операция. Вы ведь знаете, что меня только с таким услови-

ем приняли в отряд. Теперь я понимаю причину столь снисходительного ко мне отношения. Но в общем должен согласиться с преподавателем. Разобраться в сложных вопросах, к изучению которых мы приступили, без знания элементов высшей математики мы не сможем. Того курса, который нам читают, думаю, будет недостаточно. Придется очень много заниматься самостоятельно, по вечерам. Иначе не поймете. Это я вам точно говорю.

— А трудно ее изучить самому?

Ваня, задавший этот вопрос, неловко улыбнулся и покраснел. Григорий собрался пошутить по этому поводу, но Комаров опередил его:

— Самостоятельно, конечно, трудно. Даже если будет курс лекций, дома заниматься придется много. Так что можно считать, что вы уже почти студенты.

Комаров помолчал, посмотрел на погрузневшие лица ребят и серьезно добавил:

— Ребята! Могу вам сказать одно — если кому трудно будет и я смогу помочь, подходите в любое время. Математику я знаю неплохо. А в отношении образования — я думаю, в этом году об этом рано думать. Пройдем основную подготовку, тогда поговорим серьезно.

...После первых занятий прошла неделя. Нагрузка для всех была тяжелой. Но Юрий, привыкший еще в полку к вечерним занятиям, чувствовал, что начинает втягиваться в жесткий ритм работы. Вот и сегодня он дочитал последнюю страницу книги, устало откинулся на спинку стула, сомкнул веки, мягко массируя пальцами мышцы глаз. Валя, заметившая движение мужа, спросила:

— Чаю хочешь?

— Нет, Валюша, не хочу, — ответил Юрий, не отрывая глаз, и, помолчав, добавил: — Что-то глаза устали. И голова гудит. Правду говорят, что умственный труд не сахар.

Валя засмеялась.

— Вот-вот, узнаешь теперь, каково ученым приходится. А вообще мне непонятно. Ты ведь и в части много занимался, но голова не болела.

— Да нет. Она не болит, а гудит, как будто вот-вот разлетится, так здорово ее наполнили. В части все было легко. Знания привычные, много раз повторяемые. А тут **ЧЮ** ни слово, то новость. Лезь либо в словарь, либо **ищи** в специальной литературе. И все надо запомнить. Но, ка-

жется, Валюта, самое страшное для меня позади. Я думал, хуже будет.

Юрий поднялся, склонился над сладко посапывающей во сне дочкой.

— Ты не хочешь пройтись перед сном? — повернулся он к Вале.

— Сегодня что-то не хочется. А ты иди. Иди, тебе надо прогуляться на свежем воздухе.

Юрий быстро оделся и вышел на улицу. Его любимая скамейка располагалась совсем недалеко, и через полминуты он уже сидел под раскидистым деревом, жадно вдыхая свежий ночной воздух. Было тихо. Сюда почти не долетал шум московских улиц, и светло было не столько от ночных фонарей, сколько от ярких звезд и Луны, к которым так давно и так безуспешно стремились люди. Но они много успели, эти люди Земли. Юрий сам не заметил, как по старой привычке стал анализировать события прошедшей недели, стараясь понять, правильно ли он поступил, что узнал нового, чему научился.

Вспомнилась лекция врача...

...Условия полета на ракетах полностью отличаются от условий полета на самолетах и аэростате. Полет ракеты можно разбить на несколько участков. Первый участок — работа двигателей в период старта, когда организм подвергается воздействию перегрузок, вибрации, шума. Второй участок — двигатели выключаются, ракета и отделившийся от нее корабль летят по баллистической или орбитальной траектории. В этот период организм находится в условиях невесомости. Третий участок — корабль входит в плотные слои атмосферы и тормозится. Организм вновь испытывает очень большие перегрузки.

При вертикальном старте ракеты на первом и третьем участках воздействие на организм почти не изменяется в зависимости от высоты полета ракеты. Но зато время нахождения в невесомости меняется от высоты значительно. При высоте полета в 100 километров период невесомости составляет 3 минуты, при высоте 200 километров уже 6 минут, а при высоте 500 километров — 10 минут.

Время невесомости можно значительно увеличить, если полет ракеты сделать баллистическим или же осуществить орбитальный полет.

Все этапы ракетного полета внимательно были изу-

чены учеными, прежде чем в космос полетело первое живое существо. Это был полет собак Дэзи и Цыгана на высоту 100 километров. Он показал, что собаки хорошо перенесли условия полета.

С 1951 года по 1960 год в Советском Союзе было осуществлено более тридцати полетов животных на высотных ракетах. У всех животных во время полета учащались пульс и дыхание. Особенно важно было то, что животные даже в период невесомости не проявляли какого-либо двигательного беспокойства, но стремились вырваться из фиксирующих ремней. Ученые видели на киноплёнке, что при наступлении невесомости у животных, как правило, отмечался резкий подъем головы, возникающий вследствие того, что тонус разгибательных мышц шеи и спины переставал находиться в соответствии с силой тяжести.

Юрий усмехнулся, вспомнив слова доктора: «тонус разгибательных мышц». Чтобы с полным сознанием происходящего лететь в космос, надо, оказывается, быть еще и медиком. Ведь сами они остаются на земле. Медики могут, конечно, определить многие объективные показатели, но вот что чувствует космонавт в полете, пока сказать не могут. А чтобы космонавту правильно понять свои космические ощущения, надо разбираться и в медицине.

Этот вывод Юрий уже сделал для себя. Но сколько таких выводов будет еще впереди? Невольно подумалось, что в первый полет пошлют человека, который к старту успеет сделать наибольшее число правильных выводов, чтобы там, в космосе, не нужно было искать выхода из затруднительного положения, чтобы для космонавта неизвестного было как можно меньше.

От дома долетели звуки музыки. Юрий прислушался. Кажется, это Павел Иванович Беляев сделал перерыв и слушает по радио концерт. Юрий поймал себя на том, с каким он уважением мысленно произнес это имя. Вот он, первый кандидат на полет в космос. Разве может с ним сравниться любой из их группы молодых и, если говорить честно, не совсем опытных летчиков. А Павел Иванович даже воевал. А какой он летчик! Нет, определено, с ним даже нечего и пытаться вступать в соревнование.

Юрий обвел взглядом их небольшой двухэтажный дом. Почти в каждом окне горел свет. Видно, ребята занимаются. Никто не хочет оказаться в отстающих.

С первых дней Юрий ясно понял, что каждому очень хочется побыстрее слетать в космос, пощупать его руками, увидеть своими глазами. Даже Владимир Михайлович Комаров просиживает вечера за книгами, хотя как инженеру ему все же было легче усваивать новую науку. Несмотря на предстоящую операцию, он тоже надеется. Летчиков-инженеров и среди летчиков-испытателей не так уж и много. А среди космонавтов пока один. Но слушает преподавателей Владимир Михайлович так же внимательно, как и все новички.

Чуть дальше окно Германа. С ним Юрий много времени провел в госпитале. Много о нем узнал. Летчик от бога, как говорят знающие его ребята. Ему бы выдержки немного побольше. Уж больно горяч. Но ведь это дело наживное, придет. Главное, что он сам стремится исправить свой недостаток. Ему нужен друг, которому бы он полностью доверял, который бы вовремя ему подсказал, сдерживал. Не было пока такого друга и у самого Юрия.

Он мысленно перебирал весь небольшой коллектив группы, пытался найти человека, который смог бы быть ему другом. Именно таким другом, каким был для него Юра Дергунов. Другом, которому он, Гагарин, доверил бы самое сокровенное, самое глубокое, что лежало на душе. Нет, он не думал о каждом плохо. Все в группе были просто прекрасные люди. Но для настоящей дружбы необходимо какое-то особое родство душ. А он еще не чувствовал этого родства. Может быть, пройдет время и оно проявится. Но это будет потом. А сейчас? Неужели каждый будет смотреть только в свою сторону? Думать только о себе?

Нет, не мог Юрий примириться с этим. Надо, чтобы все были друзьями. Во всяком случае, все должны поступать так, как поступают друзья. Тогда и придет настоящая дружба. Нельзя ведь, например, «^допустить, чтобы Григорий смеялся над Ваней. Конечно, Григорий моряк, красавец мужчина, классный летчик, а Ваня, к сожалению, неказист, маленького роста, к тому же и сутулится немного, и чуть-чуть лысоват. Но он очень добрый человек. А ребята молчат, даже не пытаются прервать Григория. Ваня, конечно, отшучивается, но Юрий видел, как это на него действует, как обижает. Ведь он может так и веру в себя потерять. Надо будет поговорить завтра об этом с Романычем. Он ведь партийный секретарь.

Юрий посмотрел на часы. Прошел уже целый час а он даже не заметил, как пролетело время. Валя наверное, уже беспокоится. Он быстро направился к дому довольный столь необычным анализом и сделанными'выводами.

В один из вечеров Карпов вместе со своим заместителем решил побывать в доме, где жили космонавты: и холостяки и семейные. Они заходили в каждую комнату, расспрашивали о том, как люди устроились, что их беспокоит, что бы они хотели изменить в своей жизни. Везде их встречали радушно, и никто не жаловался на те мелкие неудобства, которые все же замечали руководители опытным глазом. Видели они и некоторую разобщенность семей. Видимо, настоящей дружбы в коллективе еще не получилось.

Поразмыслив после состоявшихся встреч, Карпов решил, не откладывая в долгий ящик, собрать жен космонавтов и поговорить с ними. И он, и его заместитель были уверены, что жены смогут многое сделать для создания атмосферы взаимопонимания и дружбы в их маленьком коллективе.

Собрание состоялось в том же классе, где днем занимались их мужья. Жены пришли празднично одетыми. Карпов коротко рассказал о том, к чему готовятся их мужья. Заканчивая свое сообщение, он сказал:

— А теперь давайте поговорим вот о чем. Вы понимаете, что задачу, которая стоит перед летчиками группы, можно решить только в том случае, если в группе будет царить дух взаимопомощи и товарищества. Очень многое здесь зависит от вас. В полках вам, вероятно, не раз говорили, что от настроения жены во многом зависело, успешно ли муж выполнит полетное задание. То же самое и сейчас. Только важность задания увеличилась во много раз. Создайте дома такую атмосферу, чтобы мужьям вашим не приходилось на занятиях отдыхать от домашних забот.

— Что ж, он и по дому мне ничего не должен помогать? — не выдержала одна из жен.

— Почему не должен? Должен, — улыбнулся Карпов, — мы говорим о нравственной атмосфере в семье. Может, иногда и надо освободить его от домашних дел. Мам на месте виднее. Но поймите — ваши мужья взвалили на себя огромную физическую нагрузку. Еще раз

повторяю: очень важно, чтобы у них было спокойно на душе. А это полностью зависит от вас.

— Ну хорошо, — снова поднялась та же женщина, — я понимаю, о чем вы хотите сказать. Но, вероятно, этого мало. Есть и другие факторы, которые будут нам мешать.

— Есть, конечно, — вступил в разговор заместитель, — вот и давайте их обсудим. Расскажите, что волнует каждую из вас.

Женщины замолчали, не решаясь выступать, а может быть, они просто еще не были готовы к такому разговору. Молчала и Валя, вспоминая свою не очень долгую жизнь в далеком Заполярье. Вспоминала Вдовину и других женщин, которые так сердечно приняли ее. Благодаря им она быстро привыкла и полюбила этот суровый край. Там дружба женщин была крепкой.

Валя вдруг поняла то, что до сегодняшнего дня незаметно тревожило ее. Она встала. Все взгляды сразу же обратились к ней.

Заместитель подбодрил Валю.

— Давайте, давайте. Смелее. Не стесняйтесь.

— А я не стесняюсь. Я здесь всех знаю, а вот сказать, что мы все дружны, не могу. Как-то мы все по своим углам. Вот Нина, например, недавно хотела в кино сходить, да так и не решилась ни к кому из нас подойти с просьбой, чтобы за сыном присмотрели. А ведь это действительно ненормально. Мы должны помогать друг другу. Кто из нас Москву-то хорошо знает? Почти никто. Мы можем договориться и ходить в театры, кино, на экскурсию по очереди. Можно и другую помощь оказывать друг другу. Наверное, это поможет и нашим мужьям быстрее подружиться.

После выступления Вали начали выступать все. Предложения сыпались одно за другим. И почти все принимались. Получилась целая программа действий. Карпов и Никерясов не вмешивались. Только в конце, когда было решено избрать трех человек в женсовет, который будет координировать всю общественную работу женщин, они помогли организованно провести выборы, с соблюдением всех формальностей.

Первая встреча космонавтов с Сергеем Павловичем Королевым состоялась все же раньше намеченного срока. Уж очень хотел Главный конструктор познакомиться с будущими космонавтами.

К назначенному времени Карпов и Каманин привели своих воспитанников в небольшой конференц-зал института. Там уже сидели их преподаватели Феоктистов и Севастьянов.

Прошло несколько минут, и в зал вошел Королев. Добродушно улыбаясь, он прошел за председательский стол, поздоровался.

— Ну вот мы и собрались. Мне давно хотелось с вами познакомиться. Программа вашей подготовки очень насыщена, поэтому особенно долго вас задерживать не буду. Итак, первым в списке...

Ваня встал и от смущения покраснел. Он не ожидал, что ему первому придется отвечать на вопросы Главного конструктора.

Сергей Павлович посмотрел на смущенного парня, видимо, понял его состояние и не стал расспрашивать.

Вторым поднялся Беляев.

— Помогает вам летный опыт в работе? — спросил его Королев.

— Помогает.

— А вашим товарищам?

— Наш закон помогать друг другу.

— Хороший закон.

Космонавты поднимались один за другим, и каждому Королев задавал два-три вопроса, которые говорили о том, что он многое знает о присутствующих и очень заинтересован в судьбе каждого.

Но вот опрошен последний космонавт. Сергей Павлович встал.

— Рад, что познакомился с вами. Это наша первая встреча, но далеко не последняя. Нам предстоит с вами много потрудиться. Я думаю, что вместе мы справимся с поставленной задачей. Иначе и не должно быть! — подвел итоги встречи Королев.

Еще в конце марта Карпов объявил космонавтам, что им предстоит знакомство с новым наставником-паранотистом полковником Никитиным Николаем Константиновичем. Он сообщил также, что Никитин уже совершил более пятидесяти катапультирований и тем самым дал путевку в жизнь многим отечественным самолетам. Без такой проверки самолет не может быть принят к производству.

Л через несколько дней Николай Константинович по-

явился в классе. Он принял рапорт дежурного и испуганно посмотрел на летчиков.

— Будем знакомиться. Я Никитин Николай Константинович, ваш наставник-парашютист. О будущей нашей работе поговорим чуть позже, а сейчас каждый коротко доложит, сколько, когда и каких он выполнил прыжков с парашютом.

Никитин внимательно слушал. Собственно говоря, он знал эти сведения, так как предварительно познакомился с летными книжками каждого летчика. Но цифры количества прыжков ему пока мало что говорили. Важно было посмотреть, как они сами будут рассказывать об этих прыжках, понять, велико ли у них желание прыгать.

Юрий Гагарин тоже совершил несколько прыжков с парашютом.

Первый прыжок он выполнил еще в Саратовском аэроклубе. Потом довелось прыгнуть только четыре раза — в Оренбургском авиационном училище и в полку. Но все же эти несколько прыжков давали возможность оценить свои силы. Во всяком случае, Юрий был уверен, что прыгнет и пройдет весь курс. Хотя особой симпатии к прыжкам не испытывал, как и большинство летчиков, сидящих в классе.

А в это время докладывал о своих прыжках Борис Волинов. Гагарин удивился. Вот молчун. Оказывается, в парашютном деле он обошел почти всех. И ни разу не заикнулся, пока не пришлось докладывать преподавателю. Юрий невольно почувствовал уважение к этому спокойному парню, обладающему удивительно большой силой, которую, кстати, никогда зря не применял. Даже как-то стеснялся ее. В этом Борис был чем-то неуловимо похож на Дергунова. Юрий не первый раз ловил себя на мысли, что сравнивает Волинова с Дергуновым. У них очень много общего не только в характере, но, кажется, и во внешнем облике. Он осознал, что хочет увидеть в этом человеке друга. Однако заговорить "об этом с Борисом до сих пор не решался. Ведь не исключено, что у него другие интересы. Юрий чувствовал, что с Борисом было бы легко мечтать, что он всегда даст добрый, дружеский совет, не будет подлаживаться, подстраиваться под настроение друга, если тот не прав.

Волинов закончил доклад, и Никитин улыбнулся.

— Что ж, это уже неплохо. Конечно, в общем-то не-

густо. Ну ничего. Дело поправимое. Через недельку займемся настоящей работой. Теперь послушайте, что нам предстоит сделать...

Предстояло действительно многое. За тридцать календарных дней надо было совершить около сорока прыжков с разных высот и с разных типов летательных аппаратов — самолетов и вертолетов. Даже если делать в день по одному прыжку, то свободных дней уже не оставалось. А ведь предстояло сперва пройти теоретический курс обучения. Кроме того,* погода могла преподнести свои сюрпризы. Особенно в начальный, ознакомительный период. Ведь предстояло прыгать и с большой задержкой в раскрытии парашюта.

Кроме месяца парашютной подготовки на берегу Волги, в дальнейшем каждый должен был совершить несколько прыжков со специальным парашютом и специальным снаряжением, которое предполагалось применить при приземлении космического корабля. Это требовало специальной подготовки. Тем более что приземление после космического полета имело свои особенности. Никитин предупредил, что будет строг и беспощаден к каждому, кто халатно отнесется к подготовке. Тому, кто потеряет день или два, придется нелегко, так как товарищи уйдут в программе далеко вперед. Выкраивать время для отстающих будет чрезвычайно трудно.

Гагарин обрадовался, услышав, что прыжки намечается провести в Поволжье. Ведь недалеко Саратов. Теплоходом — совсем рукой подать. Выходит, если будет свободное время, можно заскочить в гости к старым друзьям, повидать учителей в Саратовском техникуме. Нет, определенно судьба благоволила к нему. Ведь в этом районе только у него и есть знакомые. От этих мыслей как-то теплей стало на душе. Невольно вспомнились слова заядлых футбольных болельщиков, что дома и стены помогают. А чем Саратов не родной дом? Там и прыгать легче. Откуда было знать Юрию, что об этом районе думал и Главный конструктор. Но первым прикидочным расчетам баллистиков, приземление первого космонавта ожидалось именно в этом районе. Во всяком случае, местность будет привычной сверху для космонавта, а следовательно, не будет лишних волнений.

Между тем Никитин закончил ознакомление с программой парашютной подготовки. Он подошел вплот-

ную к столам, за которыми сидели космонавты, и сказал:

— Так говорите, легче сделать сто полетов, чем один прыжок.

— Правильно, — не выдержал Титов, — лучше летать, чем прыгать.

— Значит, вы не любите прыгать?

— Не очень. Но если надо — прыгну.

Никитин довольно улыбнулся.

— За прямоту хвалю. А прыжки вы полюбите. Обязательно полюбите.

— Сомневаюсь, — не сдавался Титов.

— Не сомневайтесь. Будете выпрашивать дополнительные прыжки. Уверяю вас. Кстати, Быковский, — вернулся Никитин к Валерию, — вы в начальный период прыжков будете отсутствовать. Как мне сказали, вы изъявили желание первым провести испытание в сурдокамере. Неделя из этого срока приходится как раз на прыжки.

Валерий с беспокойством посмотрел на Никитина:

— Но ведь я же не знал.

— Не беспокойтесь. Вам разработана специальная ускоренная программа, чтобы через две недели после начала прыжков вы были на уровне других. Мы не будем считать это отставанием.

— Ну тогда другое дело, — под общий смех попыток Валерий своим глухим, чуть надтреснутым басом.

Разговор, однако, на этом не закончился. Он продолжался и тогда, когда Никитин в окружении космонавтов вышел во двор. Правда, вопроса «Можно ли заменить прыжки каким-либо другим видом подготовки?» так никто и не задал, хотя волновал он многих. Не то чтобы кто-то боялся прыгать, но сказывалось извечное негативное отношение хороших учеников к нелюбимым предметам. Летчики любили летать, а прыжки с парашютом считали хоть и нужным, но не очень интересным делом. К тому же тут надо было не просто прыгать, а прыгать с задержкой раскрытия парашюта до пятидесяти секунд, чего многим из них раньше не доводилось.

После отъезда Никитина некоторые даже попробовали просчитать вслух эти пятьдесят секунд, чтобы оценить, много это или мало. Получалось, что много. Один из кандидатов, которого за солидность рассуждений, авиационный опыт и постоянные сомнения прозвали Дедом, вновь подтвердил свою характеристику.

— А что, ребята, может, подать обратный рапорт? Пора уж мне и на пенсию. Поближе к своей арифметике. Я ведь бывший учитель, — предложил он.

На Валентина сразу же зашумели, но Юрий заметил, что не все отговаривают товарища. Видно было, что и они подумывают о подобном. Только Валентин сказал вслух об этом. В конце концов решили, что скоропалительных выводов делать не надо. Время покажет.

Незадолго до отъезда Юрия на Волгу Валя с Леночкой уехали в Оренбург. Из дома Вале пришло письмо — заболел отец.

В район прыжков группа вылетела самолетом в полном составе, кроме Быковского и Комарова, который лег в госпиталь на операцию.

На аэродроме их встретил помощник Никитина Михаил Ильич Максимов. Чем-то он походил на своего командира. Такой же крупный, крепкий, загорелый и обветренный на семи ветрах.

Все думали, что прыжки начнутся сразу же по прибытии: ведь времени, как говорили руководители, осталось очень мало. Но Никитин твердо сказал: «Сперва в парашютный городок». И космонавты внимательно слушали Максимова, который объяснял, как надо укладывать парашют, как действовать в воздухе при нормальном полете и при возникновении непредвиденных ситуаций. Часами под зорким надзором инструкторов тренировались в парашютном классе укладывать парашюты. Это был старый закон парашютистов — каждый должен уложить свой парашют сам. Тогда ни к кому нельзя будет предъявить претензий. Если человек почувствует, что сделал что-то не так, он все переделает заново. Но идти на прыжок всегда нужно с полной уверенностью, что с парашютом все в порядке.

После занятий космонавты шли в парашютный городок. Прыгали с трамплина и двух вышек. Отрабатывали положение тела, ног, рук. Почти каждому Максимов кричал: «Ноги, ноги, ноги держи!» А они, непослушные, расходились, вели себя не так, как того хотелось космонавтам.

Через несколько дней состоялись первые самостоятельные прыжки. В этот день Никитин поднял всех с рассветом. После зарядки и завтрака автобус быстро доставил всех на аэродром. Погода была как по заказу.

Никитин построил всех, посмотрел на непривычно напряженные лица.

— Вот что, ребята. Сегодня каждый из вас совершит первый самостоятельный прыжок. То, что вы когда-то прыгали, в расчет брать не будем. Чтобы вы поняли, что такое настоящий прыжок, сейчас вам его покажут мастера этого дела: ваш инструктор Максимов, мастера спорта Ищенко, Буханов.

Никитин показал на летящий над ними маленький Ан-2. Через некоторое время в воздухе один за другим раскрылись три парашюта. Инструкторы прыгали с задержкой раскрытия парашюта, показывали способы управления телом.

Когда инструкторы закончили показательные прыжки, Никитин сам поднялся в воздух. Он решил показать космонавтам те ошибки, которые могут привести к гибели парашютистов.

Самолет набрал необходимую высоту, и от него отделился маленький комочек. Он становился все больше и больше. Все видели, что Никитин падает плашмя, раскинув в стороны руки и ноги. Наконец он выдернул кольцо. Ранец раскрылся, но парашют не вышел. Никитин продолжал падать, не меняя положения тела. Все космонавты в волнении смотрели вверх, напряженно ожидая исхода поединка. Кое-кто не выдержал, закричал:

— Запасной, запасной.

Как будто Никитин мог их услышать. Но вот Никитин резко убрал одну руку, изменив положение тела, и шелковый купол взметнулся у него над головой. Все облегченно вздохнули.

Никитин подошел к космонавтам.

— Что примолкли? Парашют ваш друг. Он всегда выручит. Верьте ему. Мы научили вас, как действовать при штопоре и прочих ситуациях, теперь все зависит от вас. А то явление, которое я сейчас вам показывал, называется затенением. При неподвижном падении над телом возникает разреженность, и, чтоб" купол вышел из чехла, надо немедленно менять положение тела. Поняли?

Никитин обвел взглядом космонавтов.

— Ну, кто первый?

Вперед вышел Волынов.

— Разрешите мне, Николай Константинович.

— Давай. Следом пойдет Гагарин. За ним Беляев,

Попович, Николаев, Леонов. Выпускать буду парами. Приготовьтесь.

Космонавты надели на себя парашюты, подошли к самолетам. Волынов тронул Гагарина за плечо.

— Слушай, Юра, я помню, как ты прыгнул с десятиметровки в бассейне. Так и тут. Руку на кольцо и вперед. Забудь обо всем. А дальше все будет в полном порядке. Гарантирую. Ну, давай.

И он первый шагнул вслед за Никитиным в самолет.

Когда, весело подмигнув Гагарину, Волынов выпрыгнул из самолета, Юрий, не дожидаясь приглашения Никитина, подошел к проему люка, взялся левой рукой за обшивку.

Никитин дотронулся до плеча Юрия.

— Прыгнешь — и сразу кольцо. Понял? Давай.

Крикнул он и легко подтолкнул Гагарина. Юрий шагнул вперед. В ушах засвистело, оглушило, но многократно повторяемая про себя команда заставила выдернуть кольцо и резко разбросить руки. Резкий рывок, и Юрию показалось вначале, что он просто остановился. Он поднял голову. Большой купол парашюта как бы успокаивающе говорил: «Вот видишь, все в порядке. Я тебя не подвел. Ты ведь сам меня укладывал. И выполнил все, как учил Никитин. Теперь жди встречи с землей». Юрий посмотрел вниз. Отлично было видно, как к вероятному месту его приземления бежали люди. Друзья готовились встречать его, помочь погасить купол парашюта. «Ноги», — вдруг вспомнил Юрий слова Максимова и сразу же свел их вместе, чуть согнул в коленях. Он сосредоточил на этой операции все свое внимание, так как знал, что в самый последний момент можно не справиться с парашютом, получить травму. А это было сейчас ни к чему.

Юрий даже не упал при приземлении, а, всего лишь сделав несколько шагов, остановился, удивленно рассматривая погасший купол. Первым к нему подбежал Борис.

— Порядок, Юра? Я же говорил тебе.

— Слушай, — продолжая смотреть на парашют, спросил Юрий, — а почему я не упал? Раньше ведь падал.

Борис засмеялся.

— Ты посмотри кругом. Даже травка не шевелится. Нет ветра. Понимаешь? Никитин недаром сегодня начал.

Их окружили товарищи. Все старались поздравить, пожать руку. Юрий смущенно отвечал, чувствуя некоторую неловкость. Ведь прыжок он совершил не совсем так, как бы ему хотелось. Но подошедший Максимов быстро успокоил всех.

— Поздравляю, Гагарин, с первым своим. А остальных прошу не забывать, что у нас прыжки. Всем внимание наверх. Пошла вторая пара.

Максимов повернулся к Вольтову и Гагарину.

— Берите свои парашюты — и к месту общего сбора. Никуда не расходиться. Ваших товарищей встретим без вас.

Борис с Юрием быстро собрали парашюты и направились к стоящему вдалеке автобусу. Сдав парашюты дежурному инструктору, они с удовольствием растянулись на мягкой зеленой траве, наблюдая, как приземляются их товарищи.

Затянувшееся молчание прервало приземление очередного летчика. Одновременно повернувшись друг к другу, они хотели что-то сказать, но промолчали. Возникла довольно комическая со стороны пауза. Оба рассмеялись, и сразу же спало напряжение, которое сковывало обоих летчиков. Юрий волновался еще перед посадкой в самолет. Воынов переживал за товарищей и особенно за Юру, к которому питал большую симпатию, чем к остальным.

Борис первым перестал смеяться.

— Я ведь до сих пор почему-то волновался за прыжки ребят. А сейчас... Не могу объяснить, но после второй пары уверен, все будет в порядке.

Юрий повернулся на спину, заложил руки за голову и сказал:

— Теперь я все смогу. А вот в самолете... До последнего момента не был уверен. Держусь левой рукой за дверку, слышу, Никитин повторяет: «Сразу, сразу» — и рукой машет. Это значит: сразу, как прыгнешь, кольцо дергай и руки в стороны разбрасывай. Сердце колотится. Не знаю, заметил ли Никитин.

Борис, улыбаясь, спросил:

— А как кольцо дергал, помнишь?

Юрий резко повернулся к Борису.

— Ты знаешь, не помню. Честное слово, не помню. Я его зажал что есть силы, и все. Вот как руки разбрасывал, помню, об этом часто говорил Никитин. Нет, а действительно, как же кольцо?

— Руки-то разбрасывал, вот и кольцо выдернул. Ты думаешь, зачем Никитин все время повторял про раз» брос рук? Он знал, что кольцо ты из рук не выпустишь. Психология. Зато в следующем прыжке он тебе не будет об этом напоминать. Сам все сделаешь.

— Теперь-то конечно. Слушай, Боря, — Юрий испытующе посмотрел на товарища, — ты сам попросил Константиныча, чтобы он меня с тобой в паре выпустил?

— Ну просил, а что?

— Да нет, ничего. Просто я понял это, когда ты мне сказал про десятиметровку. А почему ты мне про нее сказал?

— Опять психология, Юра. Мне кажется, что я понимаю твои поступки. Я видел, как ты раздумывал перед прыжком с десятиметровки в бассейне. Могу объяснить, почему ты поступил именно так, а не иначе. Принимая решение, ты раздумываешь до последнего момента. Но коль время уже пришло решать, сразу же выбираешь, да или нет. Я так в детстве в холодную воду нырял. Разгорячишься, пока до речки доберешься. А пришел — сразу вперед, в воду. Не отступать. Сделал этот решительный шаг, и все уже кажется не таким страшным. Мы иногда боимся неизвестного, не зная до конца своих сил и возможностей. Где эти пределы?

— Верно. Я вот все время удивляюсь рекордам спортсменов. Как быстро растут их достижения. Казалось, дальше некуда. А смотришь — есть новый рекорд. Да еще какой! Так и мы, наверное, здесь. Ведь прыжки — это наша первая серьезная проверка, когда испытываются не только физические возможности организма, но и моральные качества каждого. Вот смотри. Кое-кто подумывал отказаться от подготовки, но не отказался. Значит, человек преодолел себя. Это наш первый общий успех. Верно?

Юрию очень хотелось поговорить с Борисом по душам. Но вокруг уже собралась шумная компания. Все шутили, смеялись над своей первоначальной нерешительностью.

Становилось жарко, и веселое настроение стало пропадать. Наконец наступил момент, когда трудяга Ан-2 поднялся в свой последний запланированный рейс. Многие уже с откровенным нетерпением ожидали последних прыжков, мечтая об обеде и отдыхе. Все устали. Сказывалось нервное напряжение первых прыжков.

— Смотрите! — вдруг громко закричал кто-то из космонавтов. Все сразу же посмотрели вверх.

В небе происходило что-то непонятное. У Титова, который прыгал в последней паре, не раскрылся парашют. Его стало вращать. Еще немного, и он попадет в самое неприятное для парашютиста положение.— штопор.

Юрий стоял вместе со всеми, и ему казалось, что в мертвой тишине, нависшей над аэродромом, он слышит, как каждый повторяет его же слова: «Давай, Гера, выходи!»

Будто почувствовав этот общий молчаливый крик, Герман сжался в клубок и резко разбросил в стороны руки и ноги. Попытка увенчалась успехом. Вращение прекратилось. Юрий вдруг заметил, что сам он присел, сжался и всеми силами пытается сопротивляться воображаемому потоку, заставившему вращаться Германа. От напряжения у него даже свело мышцы. В это время за спиной у Германа победно затрепетал, наполняясь воздухом, купол парашюта. Вздох облегчения вырвался у ребят, и Юрий понял, что вместе с Германом борьбу вели все космонавты.

А в следующую секунду все уже бежали по полю к предполагаемому месту приземления Титова.

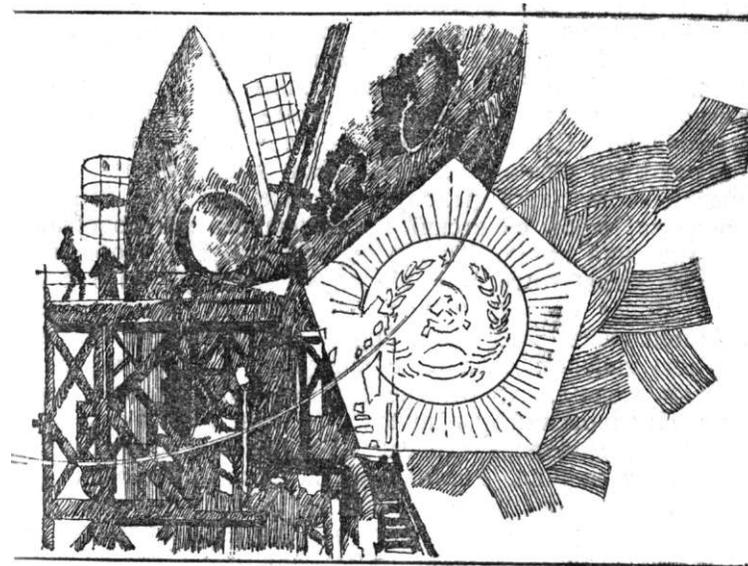
Никаких других происшествий в тот день не произошло. Никитин не стал делать разбора прыжков. Но, увидев боевой листок, выпущенный Леоновым, одобрительно заметил:

— Если все будут так выходить из затруднительных положений, у вас всегда будет полный порядок. Молодец Титов. Подробнее поговорим завтра на разборе, а сейчас обед и укладка парашютов. Мы и так здесь с вами задержались.

Перед обедом Юрий успел забежать в гостиницу и с радостью увидел у дежурной письмо от Вали. Он быстро пробежал глазами письмо и облегченно вздохнул. Все было в порядке. Валя писала, что отцу лучше, просила, чтобы он не беспокоился. Это сейчас для него главное.

В последние дни апреля Сергей Павлович спешно заканчивал свои дела в Москве перед отъездом на космодром Байконур, где предстояло впервые осуще-

ствить запуск космического корабля типа «Восток». Время летело быстро, дел было много, и Королёв торопился. На космодроме были прекрасные специалисты, его помощники, но он все же подгонял себя. Не потому, что не доверял своим сотрудникам. Просто у него самого на душе всегда было спокойнее, если он видел и наблюдал все своими глазами. Он на собственном опыте убедился, что помощники иногда проявляют чудеса изобретательности, видя рядом Главного, так как увереннее чувствуют себя в такие моменты. Думают, что если

и примут неудачное решение, то он всегда поправит. И совсем забывают они в этот момент, что в иных ситуациях руководитель может сделать гораздо меньше своих подчиненных. Уж очень сложное сооружение космический корабль.

Сергей Павлович перед отлетом все же нашел время, чтобы спокойно подумать, подвести итоги многолетнего труда. Ведь старт первого «Востока» был своего рода промежуточным финишем, рубежом, на котором надо было дать ответы на многие вопросы.

Корабль уже создан, но в него надо вдохнуть жизнь,

надо научить летать. Летать и мягко приземляться! Летать так, как это требовалось ученым, конструкторам, ему — Сергею Павловичу Королеву.

Совсем скоро советскому человеку, достойному представителю Земли, предстоит вывести этот корабль на орбиту. Он будет первым в космосе.

Как бы ни совершенна аппаратура на автоматических станциях, все же ничто не сможет заменить разум пытливого исследователя, способного познать, проанализировать и обобщить увиденные им либо записанные с помощью приборов явления и процессы в космосе и на далеких небесных телах.

О полете человека много говорят, пишут, делают прогнозы. Кое-где за рубежом идет нездоровый ажиотаж. Но советской программе чужды рекордсменство и легкомысленность. А вот некоторые круги на Западе, и особенно в США, хотят «забросить» человека в космос на ракете в рекламных целях. Это авантюризм. Легкомысленность здесь недопустима. Сейчас уже имеются средства, чтобы советский исследователь мог совершить космический полет. Но нужны еще старты, чтобы полностью отработать всю сложную технику этого дела. Да, долг путь в космос. Королев вспомнил встречу с Циолковским в Калуге. Одна фраза запомнилась ему на всю жизнь. Когда он с присущей молодости горячностью заявил, что отныне его цель пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся и сказал: «Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Оно потребует знаний, настойчивости, воли и многих лет, может, целой жизни...»

Впервые увидев космонавтов, Сергею Павловичу захотелось угадать: кто же будет первым? Это желание было тем более неожиданным, что раньше он глубоко не задумывался над тем, кому же доверить первый полет.

А теперь... Теперь он чувствовал все большую ответственность не только за обеспечение технической возможности полета человека в космос, но и за правильный выбор кандидата на звание космонавта номер один. Он смотрел тогда на простые лица космонавтов и думал о том, что на плечи первого ляжет невероятная психологическая нагрузка, которая не пойдет ни в какое сравнение с нагрузкой самого полета. Нужно быть человеком огромной нравственной чистоты, чтобы выдерживать эту нагрузку, «не сломаться». Ведь по первому будут

равняться. В нем будут искать хотя бы малейшую зацепочку и наши идеологические противники, чтобы опочить наши достижения.

В этих условиях задача обеспечения безопасности человека в космическом полете была главной.

Королев со своими единомышленниками рассчитывал послать человека в первое космическое путешествие сразу на целый виток, минуя этап баллистического полета. Главное, чего боялись медики, — невесомость. Свои возражения они мотивируют слишком хрупкой нервной системой человека. Человек может не выдержать, может растеряться, может, наконец, сойти с ума и вместо посадки взять управление на себя да и улететь к Солнцу. Где гарантия?

«Не перестраховываются ли медики?» — на этот вопрос Королев ответить не мог.

Его доводы были убедительны. Состояние кратковременной невесомости уже опробовалось при полетах на самолетах. Ничего страшного при этом с летчиками не происходило. И полет по баллистической траектории, который будет продолжаться каких-то полтора десятка минут, мало что добавит к уже известному. Зачем же топтаться на месте, если виток — это полтора часа полета, это уже большой шаг вперед. Сергей Павлович не исключал, что влияние невесомости окажется таким, что человек может и растеряться, и даже кратковременно утратить контроль за своими действиями. Нервное напряжение действительно очень велико. Но ведь в таком случае можно просто не позволить человеку управлять кораблем. А если возникнет необходимость управления, то специальным методом можно будет проверить психическое состояние космонавта и при нормальном исходе дать разрешение на ручное управление. В противном случае система управления будет заблокирована. Королев внимательно учитывал все сомнения по безопасности космонавта.

После первого парашютного прыжка прошло всего несколько дней, а былого напряжения перед прыжком уже ни у кого из космонавтов не осталось. Были сосредоточенность, серьезность, внимательность.

Во втором прыжке Юрий еще чувствовал некоторую скованность движений, хотя сам прыжок совершил

четко, осознавая выполняемые действия. На этот раз, сидя в подвесной системе парашюта, он успел даже рассмотреть с высоты всю окрестность и раскинувшийся вдаль родной Саратов. От избытка чувств он даже хотел захлопать в ладоши, запеть, но вовремя спохватился и снова крепко сжал лямки парашюта, сосредоточив взгляд на быстро приближающейся земле.

В третьем прыжке Юрий задержал раскрытие парашюта на пять секунд, в четвертом — на десять секунд и получил отличную оценку инструктора за действия в воздухе.

Возвратившись после второго затяжного прыжка, Юрий вместе со всеми увидел нетерпеливо вышагивающего перед гостиницей Валерия Быковского. Его сразу же окружили, посыпались вопросы.

— Как сурдокамера? Не было никаких сдвигов? Братцы, смотрите, Валерка-то живой, а говорили, после «сурды» никто нормальным не выходит.

Валерий беззлобно отбивался от шутников, терпеливо дожидаясь, пока иссякнет их запал.

Через несколько минут все действительно успокоилось и начали расходиться. Правда, предварительно Валерий пообещал, что попозже подробно расскажет об эксперименте. Ведь его будут проходить все космонавты.

В конце концов возле Валерия остались самые близкие ему люди, с которыми он чаще всего делился мыслями, от которых получал иной раз и добрый совет, и соответствующую взбучку за ершистость.

Валерий перевел дух, посмотрел на дежурную и предложил прогуляться.

Юрий не выдержал:

— Валерка, не тяни. Ты же знаешь, до чего мы любопытный народ.

— А, черти полосатые, — засмеялся Валерий, — бросили меня одного на съедение докторам, а теперь подавай им рассказ, не тяни.

Николаев молча повернулся и вышел на крыльцо. Вслед за ним вышли Быковский, Юрий, Воынов, Герман. Андриян взял Валерия за плечо, повернул к себе.

— А теперь рассказывай. Сперва о Володе.

Валерий перестал смеяться и уже серьезно ответил.

— Скоро приедет. Операцию ему сделали удачно. Но окончательного результата пока не говорят. Думаю, что все будет в полном ажуре.

— Ладно, ажур. Я чувствую, что тебя больше интересуют наши дела.

— Угадал.

— У нас тоже порядок. Уже по два затяжных сделали, — сказал Андриян.

— Здорово! — не удержался от восклицания Валерий. — Сколько же мне вас надо догонять?

— Догонишь. Рассказывать-то будешь, как там, в сурдокамере, или нет?

— Да расскажу я вам все. Ничего там нет особенного. Могу прямо сейчас.

Друзья засиделись далеко за полночь, делясь новостями.

На следующий день, казалось бы, ничего не изменилось в их поведении. Разве что только опытный глаз мог заметить чуть меньшее, чем обычно, желание заниматься физзарядкой, да Валерий после двухнедельной отсидки не торопился переходить к большим физическим нагрузкам. Но Максимов сразу определил — не выспались. Он прекрасно понимал их желание поделиться новостями, но он знал и другое — перед прыжками даже небольшое нарушение режима может замедлить реакцию, в результате чего могло бы произойти непоправимое.

Отправив группу, Максимов задержал участников вечерней встречи.

— Не выспались или мне показалось?

Максимов переводил взгляд с одного космонавта на другого.

— Кто будет отвечать?

— Я, — вышел вперед Николаев, — засиделись, Михаил Ильич. Все-таки человек две недели провел в одиночестве. Ему нужно было наговориться. Впереди ведь психологическое напряжение ничуть не меньше.

Николаев перевел дух и вопросительно посмотрел на Максимова.

— Выходит, и небольшое отступление от режима оказалось на вас самое прямое влияние. Я ведь все заметил. К прыжкам сегодня не допущу.

Юрий вместе с ребятами понурился, поняв, что решение Максимова окончательное, но тут же попросил:

— Хорошо, Михаир Ильич. Только не говорите Кон-
етантиничу. Он же нас «ю света сживет. Больше такого
не будет. Обещаем.

Все замерли, ожидая решения Максимова. Он помол-
чал, что-то обдумывая, и сказал:

— Ладно. Но к прыжкам сегодня все равно не до-
пущу. Быковский, в класс. Должен за день с инструкто-
ром всю теоретическую часть освоить. Завтра пойдешь
на первый прыжок.

— Понял. Я не подведу, — поспешил заверить
инструктора Валерий, обрадовавшийся тому, что так
легко отделался.

— А вы... — Максимов сделал паузу. — Вы будете
собирать чехлы.

— Михаил Ильич, — начал было Герман, но Андри-
ян оборвал его:

— Помолчи. Будем собирать. Все.

Максимов улыбнулся.

— Вообще-то вы меня сегодня выручили. Помощники
у меня приболели. Кого-то все равно надо было назна-
чать. А вы вовремя подвернулись. Будете знать, черти
полосатые, что такое настоящий парашютист, — он
снова перешел на серьезный тон: — Валерию расскажи-
те о прыжках. Надеюсь, он понял, что ничего страшного
в них нет.

— Расскажем, Михаил Ильич, — уловил причину
беспокойства инструктора Юрий, — я сам возьму над
ним шефство по части технической, Борис — по теорети-
ческой. Любой из нас готов пойти с ним в паре на пер-
вый прыжок.

— Ну добро, — завершил разговор Максимов, —
к этому больше не возвращаемся. Не опаздывайте на
завтрак.

На аэродроме Юрий бегал вместе с друзьями по
всему полю, собирая чехлы, которые разлетались иной
раз на несколько километров друг от друга. Он понимал,
что наказание получил вполне заслуженное, а в таком
случае лучший выход — отлично выполнить порученную
работу. К тому же бег, по его мнению, был одним из
видов спорта, который вырабатывал волю, выносли-
вость, то есть качества, так необходимые будущему
космонавту. Иногда на бегу он успевал подшутить над
Германом, которому бег никогда не нравился.

Погода между тем начала портиться, ветер усилился.

Юрий на секунду представил, как трудно там, наверху,
товарищам. Не очень уютно в такой ветер. Но никто
ведь не знает, какая погода будет в районе приземления
после полета на космическом корабле. Так что лучше
испытать себя в различных условиях. Не исключено, что
космонавту придется встретиться с такими трудностями
в период посадки на родную землю.

Юрий все чаще с тревогой посматривал на призем-
ляющихся товарищей. Иногда он забывал о чехлах и
вместе с другими помогал приземляющемуся быстрее
погасить купол парашюта, так как ветер не щадил за-
зевавшегося и тащил его по аэродрому с большой
скоростью. Вот и сейчас Юрий увидел, как стремитель-
но приближается к земле очередной парашютист. Он
сразу понял, что снижение происходит с несколько
большей, чем обычно, скоростью. Парашютист стремился
приземлиться поближе к центру, к людям, для чего не-
сколько убрал купол парашюта. При такой скорости
снижения и сильном ветре приземление будет жест-
ким и парашютисту трудно будет быстро погасить
купол.

Крикнув Борису, Юрий побежал к предполагаемой
точке касания. Он подбежал туда как раз в тот момент,
когда Григорий, а это был именно он, глухо ударил
ногами в землю и сразу упал на спину. Парашют резко
наполнился ветром и потащил Григория по полю. Юрий
успел ухватиться за лямки, стараясь погасить купол, но
порыв ветра был настолько силен, что потащил по полю
уже двоих.

Со всех сторон к ним бежали люди. Вот за лямки
парашюта ухватился Борис, затем другие ребята, и
парашют сдался. Юрий поднялся с земли, подбежал к
слабо улыбающемуся Григорию.

— Что ж ты? Так и покалечиться можно.

Григорий уже пришел в себя после секундной расте-
рянности. Он тяжело встал, хотел поблагодарить Юрия
и товарищей за помощь, но в последний момент не ожи-
данно для них произнес:

— Ничего страшного. Справился бы и сам.

Обидеться на Григория никто не успел — надо было
помогать другим парашютистам. И только Юрий за-
держался.

— И не стыдно, Гриша? — спросил он.

— Смотря что ты имеешь в виду?

— Лишнее самолюбие.

Григорий не ответил, и Юрий повернулся, чтобы уйти.

— Пстой, — остановил его Григорий.

— Ты извини меня. Я был не прав.

Юрий повернулся к нему:

— Мне этого не надо говорить. Ты скажи ребятам, которых ты сегодня обидел.

Вечером почти вся группа собралась в холле гостиницы у телевизора в ожидании выпуска последних известий. Замполит предупредил, что сегодня Верховный Совет на своем заключительном заседании принял важные решения. Собственно, все уже знали новые законы о развитии народного хозяйства, о денежной реформе и другие постановления. Но сидящих в холле еще интересовали в вечернем выпуске новые подробности о сбитом американском летчике Пауэрсе. Вокруг этого события и шел главный разговор. Начал его вроде невзначай замполит, но разговор заинтересовал всех.

Юрий немного припоздал к началу и когда вошел в помещение, то услышал только последние слова Титова:

— Это прекрасно, что ракетчики с первого залпа сбили этого шпиона. Но почему именно над Свердловском? Дать ему возможность пролететь такое расстояние! Это же сколько он успел просмотреть нашей территории!

— Ну, допустим, ничего особенно на своем маршруте он не увидел. Голая степь и мирные населенные пункты, — спокойно возразил Вольнов. Он показал Юрию на место возле себя и снова продолжил: — К тому же если бы его сбили возле самой границы, то об этом сразу же узнали бы американцы, которые следили за полетом. Ничего нельзя было бы возразить против традиционного объяснения, что летчик заблудился. Что, собственно, и сделало американское правительство, заявив, что летчик пропал в приграничном районе. А когда он все же углубился на нашу территорию да еще сделал несколько фотографий наших аэродромов, тут и пришла пора осуществить принудительную посадку. Даже если бы Пауэрсе погиб, пленка все равно осталась бы. Чем не доказательство?

Замполит кивнул головой.

— Правильно. Хочу подчеркнуть такой факт. Может быть, не все слышали. Летчик не катапультировался —

знал, что, если нажмет рычаг катапульты, она взорвется. Не воспользовался он и иглой с мгновенно действующим ядом. Ему хотелось жить, хотя на той стороне и надеялись, что летчик действительно погиб.

— Получается, что его послали на верную гибель? — не удержался Титов. — Ведь при таком длительном полете вполне возможно и катапультирование просто из-за неисправности. Значит, в любом случае — смерть.

— Правильно.

Замполит встал со своего стула, прошел к телевизору и сказал, обращаясь ко всем:

— Сейчас мы не будем подробно об этом говорить. Сперва посмотрим выпуск новостей. Но хочу обратить ваше внимание и прошу подумать над таким вопросом: «Какими мотивами руководствовался Пауэрсе, отправляясь на свое задание? Был ли это патриотизм или личная корысть, выгода? Какова доля смелости и трусости в его поведении? И вообще, что значат, по-вашему, эти качества?» Завтра у нас прыжки, а вечером давайте снова соберемся здесь и поговорим. Время беседы ограничим отбоем. А не уложимся, перенесем разговор. Нет возражений?

Гул одобрительных голосов свидетельствовал, что предложение замполита пришлось по душе космонавтам. По всему чувствовалось, что такой разговор в их среде назрел и был просто необходим для них. Случай с Пауэрсом только ускорил этот разговор, в котором можно было обсудить и те неожиданные контрасты одной и той же черты человеческого характера, которые, однако, имели под собой абсолютно противоположные социальные основы.

Перед сном Юрий с Борисом вышли на улицу. Прошедшие события волновали друзей.

— А все же, как ты думаешь, был смелым этот Пауэрсе, отправляясь в свой полет? — спросил Борис.

— Мы же не дети, Боря. Трусливый от природы человек вообще не может быть летчиком. Он смелый человек.

— Ты его в чем-то оправдываешь?

— Он сам себя будет теперь оправдывать. Но уж коль разговор зашел о смелости, то скажу, что я лично ниже разную смелость. Смелость наших людей нельзя сравнивать со смелостью людей из мира наживы. Понимаешь, нельзя. Мне как-то в полку пришлось готовить

беседу о войсковой дружбе и товариществе. Сколько раз наши летчики садились за линией фронта, чтобы вывезти попавшего в беду товарища. Сколько людей шло на жертвы. И не ради славы. Смелость это? Конечно. А их летчики? Дали они хоть один такой пример? Я уже не говорю о Матросове, Гастелло и других, которых у нас были не единицы, не десятки, а тысячи. Вот о чем я вспоминаю всякий раз, когда заходит речь о смелости. И тема эта бесконечна.

— Но все-таки Пауэре проявил смелость, которой никто от него не ждал. Не воспользовался катапультой.

— Хочет парень жить, — согласился Юрий, остановившись в конце аллеи и рассматривая ярко усыпанный звездами горизонт.

— Скажи, Боря, а твоя Тамара часто тебе пишет? — неожиданно спросил он.

— Часто, — Борис внимательно посмотрел на Юрия, — что-нибудь случилось? Что Валя пишет?

— В том-то и дело, что вроде ничего не случилось. Валя пишет, что все в порядке, чтобы я не волновался, а на сердце у меня тревожно.

— Перестань. Это прыжки на тебя подействовали и случай с Григорием, — попытался успокоить друга Борис.

— Нет, — не согласился Юрий. — Я ведь знаю, как Валя пишет. Суховаты стали ее письма. Что-то она скрывает от меня. Не хочется думать о самом плохом.

— А ты и не думай. Закажи разговор с Валею. Тебя отпустят в город.

— Если Валя действительно что-то скрывает, то лучше не звонить. Она еще больше расстроится.

— Тогда подожди немного. А то, что она такие письма пишет, так ведь там больной отец. Переживает она. Я знаю, что это такое.

— Может быть, ты и прав. Пошли спать.

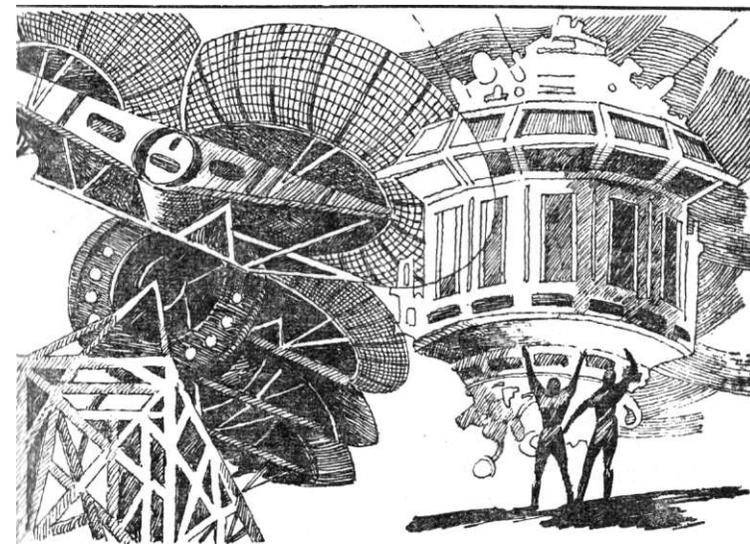
— Правильно. А то прыгнем завтра не туда, куда надо.

Сразу после выписки из госпиталя Владимир Комаров направился на Волгу, где продолжали парашютную подготовку его товарищи. Он приехал утром, когда было еще рано, но никого из группы в гостинице уже не застал. Они, как обычно, использовали каждый погожий час и не могли его встретить. Но Карпов был на месте.

Опытный врач сразу понял, почему так встревожен Комаров. Он усадил его, внимательно прочел заключение врача, расспросил о домашних делах и только тогда спросил:

— Так что же будем делать? Вас освободили от нагрузок на шесть месяцев. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю и знаю, Евгений Анатольевич, — как всегда, спокойно ответил Комаров, — но вы поймите и меня. Не для того я шел сюда, чтобы при первой же трудности давать задний ход.

— А заключение врачей? Только через шесть месяцев будет комиссия, которая сможет дать ответ: быть или не быть вам в отряде? Не лучше ли сразу принять трудное, но реальное решение?

— Не лучше. Уверен, что все пройдет и я смогу слетать в космос. Прекрасно понимаю и то, что в числе первых мне не быть. Но для меня главное — слетать, а каким по счету — это уже не так важно. Поймите, я прирос к новому делу, можно сказать, душой. Уйти от него не могу. У меня хватит сил догнать товарищей и стать космонавтом. А пока буду, как и все, изучать теорию,

помогать товарищам. Я все же инженер, а материал нам преподносят серьезный. Поверьте, Евгений Анатольевич, обузой не буду!

Карпов встал из-за стола, молча подошел к окну. Он прекрасно понимал, что если все будет удачно и здоровье Комарова восстановится хотя бы через шесть месяцев, то присутствие в отряде грамотного инженера, такого спокойного и вдумчивого человека, как Владимир, было бы просто необходимым. Но, с другой стороны, если Комарову будет хуже, то с каждым днем уходить ему будет все труднее и труднее. И поэтому не мог сразу принять решение, хотя понимал, что в положении Комарова вел бы себя точно так же. Он сам хотел, чтобы Комаров вел себя именно так, самоотверженно отстаивая свое право на космос. Это говорило о том, что в отряд отобрали действительно достойных людей.

Комаров молча сидел у стола, ожидая решения Карпова. Ведь в Москве ему сказали, что все вопросы будет решать он. Сейчас от этого человека зависела его судьба.

Наконец руководитель группы повернулся к Комарову.

— Вот что, Владимир Михайлович. Решения я сейчас принимать не буду. Повидайтесь с товарищами, посмотрите, чем они занимаются, посоветуйтесь, а потом мы с вами поговорим. Торопиться не будем. Кстати, я сейчас еду на аэродром. Можем поехать вместе. Зачем откладывать встречу с ребятами.

Вскоре они уже были на аэродроме. Комарова сразу же окружили. Он рассказал о Москве, передал письма, более весомые передачи обещал раздать в гостинице. Веселое настроение, однако, быстро улетучилось. Надо было что-то предпринимать, чтобы Владимир остался в отряде. Каждый предлагал свой единственный выход из трудного положения. Вспоминали и закон и психологию. Некоторые горячие головы предлагали даже идти чуть ли не на штурм Карпова. Никому не хотелось, чтобы Володя Комаров уходил из отряда.

Юрий обратился к Беляеву:

— Павел Иванович, тебе по старшинству положено идти ходатаем. Разве можно, чтобы Володя уходил от нас? Тем более что он уверен в своих силах.

— Конечно, — дружно поддержали Юрия ребята.

Беляев засмеялся.

— Меня-то зачем убеждаете? Я думаю так же, как и вы. Как Карпова в этом убедить? Вот вопрос.

— А ты скажи, что мы все будем ему помогать. Это ведь наше общее решение. Если мы будем так легко соглашаться с потерей каждого члена нашего и так небольшого коллектива, то грош цена будет вообще нашему коллективу, нашей дружбе. Мы должны доказать необходимость присутствия Володи в отряде. И сделать это должен именно ты, Павел Иванович.

Юрий замолчал.

— Ладно, ребята, пошел, — согласился Беляев, — только, я думаю, одного похода будет мало. В следующий раз со мной должен пойти еще кто-то от общественности.

Все шутливо подняли руки, соглашаясь идти с Беляевым.

— Тогда порядок. Я сам выберу наиболее голосистых. Ты, Юра, пойдешь, между прочим, самым первым. О, братцы, кажись, Карпов один. Я пошел.

В этот день к Карпову подходили несколько раз. И всегда в составе делегаций неизменно были Беляев и Гагарин. Последний раз они пришли под вечер. С ними было солидное подкрепление в лице Никитина. Николай Константинович долго слушал аргументы космонавтов, потом остановил ребят.

— Ну-ка, орлы, помолчите, — и, уже обращаясь к Карпову, сказал: — Евгений Анатольевич, конечно, непедагогично говорить это в присутствии этих орлов, но, по-моему, хватит их мучить. Вы все решили и, по-моему, просто испытываете степень их настойчивости в борьбе за товарища. А ведь они не отступят, я знаю.

Карпов засмеялся.

— Сомнения у меня все же есть. Медицина есть медицина.

— Ладно. Открою секрет, — махнул рукой Никитин, — я ведь тоже в свое время перенес точно такую же операцию. Мне также давали шесть месяцев ограничения. Но при правильной дозировке нагрузки меня допустили к работе уже через два месяца. Конечно, ваши нагрузки не сравнить с моими, но все же и они кое-что стоят... Во всяком случае, могу взять Комарова под свою опеку. Что из него получится, скажу через пару недель. Как?

— С таким наставником да не согласиться, — поднялся Карпов, — а если честно, то я очень рад. Сегодня мы все прошли первую настоящую проверку дружбой. Молодцы! Комарова оставляем в отряде. Будет пока мо-

им помощником по науке. Подходит, Владимир Михайлович?

— Конечно, — радостно согласился Комаров.

— Тем более, — продолжал Карпов, — придет время, и мы будем не только летать в космос, но и заниматься наукой. Здесь открываются такие научные перспективы, что дух захватывает. Я уверен — многие из вас будут иметь ученые степени. Уверен, — твердо повторил Карпов и скомандовал: — А теперь все. Спать.

Все дружно встали. Покидая кабинет руководителя группы, они спешили сообщить нетерпеливо ожидающим друзьям радостную весть.

В течение последних лет в Советском Союзе проводится научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа по подготовке полета человека в космическое пространство... 15 мая 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля на орбиту спутника Земли. Запуск предназначен для отработки и проверки систем корабля-спутника, обеспечивающих его безопасный полет и управление полетом, возвращение на Землю и необходимые условия для человека в полете. Этим пуском положено начало сложной работы по созданию надежных космических кораблей, обеспечивающих безопасный полет человека в космос.

Из сообщения ТАСС

Весело, с песнями ехали домой космонавты после завершения программы парашютных прыжков. Правда, им сказали, что это только начало, а в дальнейшем необходимо будет выполнить прыжки ночью в море и с полной выкладкой космического снаряжения. Но это уже никого не пугало. Прыжки стали привычными, даже привлекательными. Каждый знал, как действовать в сложных ситуациях, и был уверен в своих силах.

Автобус со знакомым водителем доставил группу прямо к главному подъезду ставшего родным дома. Все выходили из автобуса степенно, не спеша, как будто вернулись с обычных занятий. Но если холостяки и в подъезде продолжали подниматься в том же размеренном темпе, то женатые, сопровождаемые дружескими замечаниями холостяков, шагали через две ступеньки.

Войдя в комнату, Юрий сразу увидел Леночку, которая протянула к нему руки и, смешно переставляя ноги, засеменила к отцу. Юрий подхватил дочку, закурил ее. Затем другой рукой обнял жену, пытаясь и ее вовлечь в веселый круговорот. Но Валя осталась стоять на месте.

Юрий всегда тонко чувствовал ее настроение и сразу остановился:

— Что-нибудь случилось?

— Да, Юра.

Валя молчала. Юрий опустил дочку:

— Что-нибудь серьезное?

— Да, — с трудом произнесла Валя, потом медленно, чуть ли не по слогам добавила: — Папа умер!

Валя как будто сразу сбросила с себя огромный груз и расплакалась. Если бы Юрий не успел подхватить ее на руки, она упала бы.

Юрий был ошеломлен известием и никак не мог сообразить, как облегчить боль, с которой Валя воспринимала смерть отца. Он сразу стал хлопотать возле жены. Уложил на диван, принес воды, говорил слова утешения. Заплакала Леночка. Юрий мельком взглянул на нее и снова повернулся к Вале, продолжавшей тихо плакать. Он думал только об одном: «Как ее успокоить?» В эти минуты он совсем забыл, что трагическую весть ему сообщила сама Валя, которая и крепилась только потому, чтобы как можно мягче сообщить Юрию о смерти отца. И вот теперь все происходило как раз наоборот. Напряжение последних дней дало о себе знать. В присутствии Юрия Валя, сама того не ожидая, впервые позволила себе расслабиться и тем самым непроизвольно смягчила в первый момент скорбное известие.

Через некоторое время Валя немного успокоилась и рассказала Юрию обо всем. Она показала ему и свои неотправленные письма. Даже Леночка в эти минуты перестала плакать, видя, что папа с мамой разговаривают о чем-то серьезном.

На улице начало смеркаться. Валя спохватилась:

— Ой, Юрочка, тебе же надо приготовить покушать. Я сейчас.

— Не надо, Валюша. Я не голоден. Вот только если дочку надо покормить. Притихла она у нас что-то.

Он протянул к Леночке руки, посадил к себе на колени и тихо произнес:

— Ну что ж. Будем жить, Валя. Жизнь ведь движется. А в Оренбург мы с тобой съездим где-нибудь через месяц. Как только сдам экзамен.

В комнату нерешительно постучали. Юрий вопросительно посмотрел на Валю, спрашивая у нее разрешения. Она кивнула головой.

— Открыто. Входите, — крикнул Юрий.

В комнату вошел Борис.

— Здравствуй, Валя, — смущенно поздоровался он, — вы уж меня извините. Я все знаю... Мы все знаем.

Юрий стоял молча. Ему не хотелось, чтобы даже Борис высказывал ему сейчас свое соболезнование. И Борис почувствовал настроение друга. Голос его стал несколько глуховатым, но решительным:

— Сейчас в классе собирается вся группа. Приехал Каманин. Тебе надо быть там, Юра.

— Я не могу сейчас никуда идти.

— Ты должен. Каманин приказал быть всем. Мы, конечно, можем объяснить, но ты сам понимаешь.

Валя подошла к мужу, мягко взяла за плечи, заглянула в глаза.

— Иди, Юра. Мне уже легче. А тебе надо идти.

Юрий молчал, и тогда Валя добавила:

— Я больше не буду плакать. Я знаю, Боря напрасно бы не пришел. Он ведь все понимает.

Валя повернулась к Борису и спросила так, будто Юрий уже со всем согласился:

— Будет какое-то серьезное собрание?

— Да. Сегодня в космос запущен корабль-спутник. Корабль, на котором скоро полетит и человек. Радио только об этом сейчас и говорит. Каманин, наверное, расскажет подробности. Говорят, он присутствовал на старте.

Юрий хорошо помнил дорогу к корпусу, где располагалась коварная центрифуга, или, как ее называли с легкой руки Николаева, «чертова мельница». Почти все побывали на центрифуге, и вот теперь это испытание предстояло выдержать и ему. Нельзя сказать, что он шел на центрифугу с легким сердцем и без всякого волнения. Волнение было, хотя их проверяли на центрифуге еще в госпитале. Но то было вращение всего при нескольких единицах перегрузки, которые бывали и во время полетов на самолетах. А теперь целых десять единиц и вот

так, сразу. Говорят, что потом увеличат перегрузку до предельных величин. Выдержит ли? Юрий не первый раз задавал себе этот вопрос. При первом посещении центрифуги доктор Рада Адгаповна, улыбаясь, спросила собравшихся вокруг космонавтов:

— Кто первый?

Она смотрела на сосредоточенные лица и ждала. Вот тогда Юрий спросил себя: «Выдержу ли обещанные десять единиц? А если нет? Может, подождать?» Да какая разница, вращаться сегодня или завтра. Все равно придется. Так уж лучше все узнать раньше.

Он посмотрел на товарищей. Не первый раз им задавали этот вопрос, и всегда кто-то спешил выйти вперед, а сейчас никто не торопился. Уж слишком серьезной казалась эта машина.

Юрий уже собирался выйти вперед, как вдруг услышал:

— Давайте я.

Вперед вышел Ваня. Юрий даже обрадовался за товарища, который был очень стеснительным.

Иван не торопясь прошел к кабине, как-то виновато оглянулся на товарищей, потом решительно забрался в кресло. Медики поколдовали над ним, пристегнули ремнями и предложили остальным пройти в контрольный зал.

Раскрутку начали медленно, по десятым долям увеличивая перегрузку. После каждой единицы прибавки Рада Адгаповна запрашивала у Вани.

— Как самочувствие?

— Нормально, — неизменно отвечал Иван.

— Еще прибавить?

— Молено.

С ростом перегрузки голос Ивана менялся, становился менее внятным, говорил он с трудом. По экрану телевизора космонавты видели, как изменилось выражение лица товарища, каких усилий стоило ему продолжать вращение. Но ответ его был неизменен:

— Нормально. Можно прибавить.

Наконец Рада Адгаповна постепенно стала замедлять вращение центрифуги.

Все собрались возле кабины, ожидая, когда Иван подойдет к ним. Но он не торопился покинуть кресло. Только через несколько минут он, чуть пошатываясь, подошел к ребятам.

— Ну как? — поспешил спросить Леонов. — Крепко жмет?

— Больше, чем на выводе из пике?

— Намного.

— Ну а как дышать? Очень тяжело?

— Терпимо.

— А как видишь? Все различаешь?

— Темновато немного.

Наверное, товарищи тут же устроили бы Ивану настоящий допрос, но не позволила Рада Адгаповна. Она молча указала всем на дверь в контрольный зал и только там подробно рассказала о предстоящих вращениях, ответила на волнующие космонавтов вопросы.

К удивлению Юрия, эти воспоминания о первом посещении центрифуги успокоили его. И к заветным дверям он уже подошел с твердой уверенностью, что и это испытание пройдет успешно.

Юрий вошел в контрольный зал, весело поздоровался и был несколько удивлен сухим ответом. Взгляды врачей были прикованы к экрану. Рада Адгаповна быстро перебирала ленту самописца, разбирая только ей понятные кривые.

Юрий решил никого не отвлекать. Время придет, и о нем вспомнят. И не ошибся. Послышалась команда об остановке центрифуги, и врачи быстро прошли в зал, где проходил вращение Анатолий, предмет его тайной зависти на полетах. Ему очень хотелось летать так, как летал Анатолий, но пока это были только мечты.

Юрий замер от неожиданности, увидев вошедшего Анатолия. Вид у него был растерянный. Он старался что-то доказать врачу. Но тот не стал его слушать, и Анатолия провели в соседнюю комнату.

«Неужели и со мной будет такое?» — мелькнула в голове Юрия тревожная мысль. Но он тут же успокоил себя, вспомнив Ваню, который и на вид не был таким крепким, как Анатолий. А ведь выдержал целых десять единиц. Юрий заставил себя сосредоточиться, мысленно приказал себе быть веселым и решительно направился навстречу входившей Раде Адгаповне.

— Разрешите доложить, — с улыбкой и даже некоторой лихостью прищелкнул Юрий каблуками, — старший лейтенант Гагарин готов крутиться на «чертовой мельнице».

Он вдруг почувствовал, что переход в веселое настроение не составил для него особого труда. Мысленный

приказ был выполнен точно и даже с некоторым наслаждением всем его существом. Он понял, что месяцы тренировок не прошли даром и что вот сейчас он впервые, пусть пока не в космосе, почувствовал их огромную пользу. От этой внезапно пришедшей мысли настроение у него поднялось еще больше. Губы сами расплылись в широкой открытой улыбке, и он весело закончил свой рапорт:

— Готов, но только пока до определенного предела перегрузки, чтобы не нарушился принцип постепенности.

Рада Адгаповна стояла перед Юрием и не знала, как воспринимать слова этого человека. Она понимала, что он видел, в каком состоянии увели его товарища. И он еще шутит. Ведь она шла сюда, чтобы предложить Гагарину отложить вращение. А он, оказывается, еще и смеется. «Что ж, посмотрим, что он дальше запоет», — подумала врач, а вслух сказала:

— Идите в кабину. Начинаем по готовности, — и тут же прибавила: — Только прошу без всяких шуток. Мы не на базаре.

Юрий не успел ответить, так как Рада Адгаповна быстро повернулась и отошла к приборам.

Все с той же улыбкой он занял свое место и перестал улыбаться только тогда, когда неимоверная тяжесть исказила черты его лица и думать приходилось совсем уже о другом. Юрий точно выполнил советы врача и товарищей, вращавшихся до него. Старался быть несколько расслабленным в самом начале вращения, выполнял команды не спеша, обращая внимание на правильность их выполнения, а не на быстроту. Он даже удивился, когда врач сообщила, что нарастание перегрузок прекращается и начинается переход на режим снижения. В первую секунду он даже испугался, что не выдержал какого-то режима, но потом понял, что в этом случае почувствовал бы какие-то отклонения от нормы, по все было в порядке.

В первые минуты после вращения Юрий ощущал некоторую слабость, но к врачу подошел быстро, весело доложил:

— Полет закончен. Разрешите получить замечания.

— Прекратите паясничать, — рассердилась Рада Адгаповна, хотя несколько минут назад восхищалась тем, как Гагарин перенес перегрузки.

Юрий несколько растерялся от такого неожиданного ответа.

— Разве здесь нельзя шутить?

Он увидел рядом улыбавшегося Андрияна, как бы говорившего: «Ну что, попался? Знать надо, где шутить, молодо-зелено», — и чуть сердито закончил:

— Ну и строгости. Мы привыкли не так.

— Прошу запомнить, что во время серьезной работы шутить нельзя. Для вашей же пользы.

Юрий сделал последнюю попытку:

— Я же всегда такой, доктор. А вдруг не сдержусь?

— Отстраню от очередной тренировки, — отрезала врач.

Рада Адгаповна отошла к пульту управления, и Юрий не смог увидеть ее доброй улыбки. Ей определенно понравился этот неунывающий человек. И ругала-то она его только для того, чтобы он понял всю серьезность тренировок, когда секундная несобранность может повлечь за собой отстранение от дальнейшей подготовки.

Юрий почувствовал легкий толчок в плечо. Андриян торопил товарища:

— Тебе пора, Юра. Покатался, дай и другим получить удовольствие.

Увидев добрые глаза Андрияна, Юрий понял, что неправильно истолковал его улыбку. Николаев просто радовался, что его товарищ выдержал очередное испытание, и сам, в свою очередь, мечтал быть таким же веселым после своего вращения на этой «чертовой мельнице».

Последние дни июня Юрий находился в несколько возбужденном состоянии. Он бы и хотел быть более спокойным, но на этот раз не мог сдерживать волнения. Приближалось время открытого партийного собрания, на котором его должны были принимать в члены КПСС. Все эти дни Юрий сам себе устраивал экзамены, проверки, вспоминал прошедший год, который был насыщен таким количеством событий, что одно их перечисление заняло бы довольно много времени. Юрий вспоминал и одновременно давал оценку своим поступкам. Он предполагал, что вот так же о нем будут говорить его товарищи на партийном собрании, и хотел предварительно во всем разобраться сам.

По всему получалось, что он во всех случаях поступал так, как велела ему совесть. Это радовало и в то же время заставляло тревожно сжиматься сердце: а

вдруг чего-то не заметил, что-то забыл. Ведь в отряде люди принципиальные. Все запомнят. Перед ними трудно будет оправдываться.

Юрий уже получил с далекого Севера партийные рекомендации от сослуживцев и теперь по вечерам частенько вновь и вновь повторял различные материалы, связанные с историей партии, с ее решениями. Именно повторял, так как давно знал все положения наизусть и принимал их всем своим сердцем.

Партийное собрание, на котором Юрия принимали в члены КПСС, прошло по-деловому. Присутствующие очень хорошо знали Юрия, и им не надо было объяснять, что он за человек и на что способен. Все были единодушны: в лице Юрия Гагарина партия получит достойное пополнение.

Уже вечером, придя домой, Юрий все рассказывал и рассказывал Вале о собрании, о тех вопросах, которые задавали ему товарищи.

— Понимаешь, Валюша, а ведь Лешка этот, представляешь, что спросил? — в который раз начинал он вспоминать эпизоды собрания. — Ни много ни мало: «В чем основная суть политики партии в период тридцатых годов?» Что же он думал, не знаю я такого вопроса?

Валя подошла к мужу.

— Разговорился ты сегодня. Давай лучше поужинаем.

Она так ласково посмотрела ему в глаза, что Юрий вдруг сразу успокоился и уже по инерции произнес:

— А как же Лешка? Ты ведь не дослушала.

— Дослушаю за столом. И между прочим, Лешка прекрасно знал, что ты можешь ответить на любой вопрос. Просто он перед всеми хотел показать твои глубокие знания. Понял?

Юрий в растерянности остановился.

— Выходит, он подыгрывал мне?

Валя от всей души засмеялась.

— Какой же ты глупый у меня. Разбираешься в таких серьезных вопросах, а при решении простейших житейских проблем становишься в тупик. Ты уверен, что смог бы ответить на любой вопрос?

— Уверен.

— Выходит, все равно было, какой тебе вопрос за-

дадут? И Леша тоже об этом знал. Видел, как ты просиживал вечера над изучением этих материалов. Вот и решил задать тебе вопрос посложней, чтобы не только он, но и все поняли, что знания твои не случайны. Ты уж прости ему маленькую хитрость.

Валя хотела выйти, но остановилась.

— А вообще, может, я и ошиблась. Ведь все это мои предположения.

Она стала накрывать на стол.

После ужина они еще долго говорили между собой, и Юрий в который раз вновь открыл для себя новое в характере Вали. Он, так любящий свою жену, все еще не узнал ее до конца. Оказывается, она не меньше его думала о будущем космическом полете. Предвидела его будущие сомнения и могла помочь быть сильным в те сложные минуты, которые обязательно возникнут и перед самым стартом, и во время самого космического полета.

А подготовка к космическому полету продолжалась в том же стремительном темпе. Он помнил слова замполита, который, встретив Юрия на следующий день после собрания, сказал, что теперь от него требуется еще большая отдача, большой вклад в подготовку к космическому полету.

Прошло несколько дней, и группе сообщили, что предстоит встреча с Сергеем Павловичем Королевым. Солнечным июньским днем космонавты вместе с Каманиным и Карповым приехали в конструкторское бюро Королева для знакомства с космическим кораблем «Восток». Они ожидали Главного конструктора за столом заседаний.

Сергей Павлович не заставил себя долго ждать. Он быстро вошел и поздоровался с каждым за руку.

— Какие же вы молодцы! ' Один к одному. Орекли!

Сергей Павлович сел за председательское кресло и так же весело продолжал разговор.

— Я сам был летчиком. Знаю, что такое авиация, и понимаю ваше состояние — лететь хочется. Верно?

Гагарин не удержался:

— Очень хочется. Быстрее бы.

Королев засмеялся.

— Как видите, угадал. Да это и нетрудно. Ничего,

скоро полетите. Человек готовится к полету, и ракета готовится к полету. Космический корабль уже готов. Он опробован, и вскоре один из вас совершит первый рейс в космос.

Королев помолчал, давая возможность космонавтам обдумать его слова, и продолжил:

— Сегодня особый день. Вы прибыли к нам, чтобы познакомиться, а затем полностью освоить первый пилотируемый космический корабль. Мы делаем, пожалуй, самое простое и легкое, — Королев улыбнулся, — кое-что выдумываем, пытаемся найти хороших исполнителей и размещаем множество заказов на лучших предприятиях страны. А когда они выполняют наши заказы, мы у себя лишь собираем все вместе. Такова несложная технологическая схема.

Космонавты понимали, что Главный конструктор шутит, но его доброе настроение передавалось и им. Каждому начинало казаться, что все не так страшно и сложно, как представлялось в самом начале, особенно после столь непривычных теоретических лекций. А Сергей Павлович продолжал свой рассказ:

— Скоро вы увидите сам корабль. Но прежде давайте помечтаем.

Он рассказывал о прошлом, рассказывал о будущем. Рассказывал и знакомые космонавтам вещи. Но сила рассказа Королева была настолько впечатляющей, что они слушали его так, как будто узнавали об этом впервые.

— За первыми полетами последуют другие; экипаж, целые станции начнут работать в космосе. На них будут созданы комфортабельные условия жизни. С этих станций к другим планетам солнечной системы отправятся новые космические корабли.

Королев посмотрел на космонавтов.

— Я вижу, вам не терпится быстрее к кораблю. Не буду вас томить. Пойдемте.

И Королев первым направился к выходу. За ним гурьбой поспешили космонавты.

— Как идет учеба? — на ходу спросил Королев.

— Хорошо, — почти в один голос ответили все.

Вперед выступил Комаров.

— Недавно сдавали зачет по теории. Ребята молодцы, Сергей Павлович. Отлично сдали.

— Слышал, слышал об этом. Особенно вы, говорят,

отличились^ товарищ Комаров? Я правильно назвал вашу фамилию?

— Правильно.

— Что ж. Могу сказать, что лично вам предстоит сложная задача как инженеру. Вы в будущем должны стать командиром экипажа космического корабля, на котором будут проводиться большие научные исследования. Кому же как не инженеру заняться этим вопросом. Так что готовьтесь.

Комаров молча кивнул головой, так и не решившись сказать, что очень хотел бы слетать, но медики пока все еще держат его на положении испытуемого. Но Королев, видимо, сам вспомнил об этом:

— А о медиках не волнуйтесь. Уверен, к тому времени у вас все будет в порядке.

— Спасибо, — чуть слышно ответил Комаров.

— В первый полет может пойти любой из вас. Вот хотя бы, вы, товарищ Гагарин, — и Королев положил руку на плечо идущему рядом Юрию, — или вы, товарищ Титов. Любой. Все будет зависеть от степени вашей готовности. Ну и конечно, от здоровья. Как у вас идут специальные тренировки?

Вперед выступил Григорий.

— Все у нас нормально, Сергей Павлович. Только вот скажите, зачем тренироваться, например, в термокамере? Там такие температуры... Понадобится ли все это?

Королев не торопился с ответом. Но потом, как бы раздумывая, сказал:

— Тяжеловато, говорите? Но сквозь все это надо пройти, иначе можно не выдержать там.

И Королев указал рукой на небо.

— Вообще-то температура в кабине корабля будет изменяться от 15 до 22 градусов Цельсия, но космонавту надо быть готовым и к различным ее отклонениям от нормы.

Тем временем все уже прошли в цех. В громадном зале трудились люди в белоснежных халатах. Гагарин внимательно осмотрелся вокруг. Он увидел, что люди, забираясь в шары, стоящие на специальных подставках, аккуратно снимают обувь. Везде чисто, цветы, красочные плакаты.

Королев остановился у одного из шаров.

— Вот корабль, который вы будете изучать и осваивать. Посмотрите: внешняя поверхность корабля и каби-

ны пилота покрыты надежной тепловой защитой, она-то и предохранит его от сгорания во время спуска, когда температура снаружи достигает нескольких тысяч градусов.

Космонавты обступили корабль. По старой летной привычке каждый старался погладить рукой внешнюю часть корабля. Это был совсем другой летательный аппарат, обладающий, однако, необыкновенной притягательной силой. А Королев, добродушно улыбаясь, продолжал:

— Корабль-спутник будет монтироваться на мощную многоступенчатую ракету-носитель и после выхода на орбиту отделится от ее последней ступени. Программа первого полета человека рассчитана на один виток. Впрочем, корабль-спутник может совершать и более длительные полеты. А теперь походите вокруг корабля. И знаю ваши авиационные привычки. Присмотритесь.

Космонавты стали рассматривать корабль со всех сторон. Гагарин увидел иллюминатор и толкнул стоящего рядом Волынова.

— Борис, смотри, из него же все видно. А мы думали, что корабль будет как глухой ящик.

— Выходит, плохо думали, потому что мало знали. Пошли. Сергей Павлович собирает.

— Осмотрелись? — улыбнулся Королев. — Что ж, пора и в корабль. Кто поднимется первым?

Первым опомнился Гагарин. Он протиснулся из заднего ряда и попросил:

— Разрешите?

— Разрешаю.

Гагарин быстро сел на расстеленный рядом брезент, снял ботинки, поднялся по стремянке к входному люку. Ухитившись за скобу, ловко перебросил свое тело в люк и оказался в кресле.

Юрий внимательно рассматривал внутреннее оборудование корабля. Здесь были и знакомые по самолету приборы, и незнакомые, которые ему предстояло изучить. Изучить так, чтобы знать их устройство и порядок работы с ними до мелочей. Ему вспомнился Юрий Дергуном. Вот кто своей верой в космос по-настоящему заслужил право первому посидеть в таком корабле, а может быть, и полететь. «Ничего, Юра, — мысленно обратился к другу Гагарин, — мы с тобой одолеем эту науку».

Юрию очень хотелось еще посидеть в корабле, но он

понимал, что друзья с нетерпением ждут своей очереди, и, тяжело вздохнув, вылез из корабля. Он был так рад представившейся возможности, что не мог сдержать своих чувств и широко улыбнулся. Хотел принять серьезный вид, но у него ничего не получилось. Так, с улыбкой, он и рассказывал окружающим его космонавтам, что успел увидеть в корабле.

После того как все космонавты побывали в корабле, Королев снова пригласил их в кабинет.

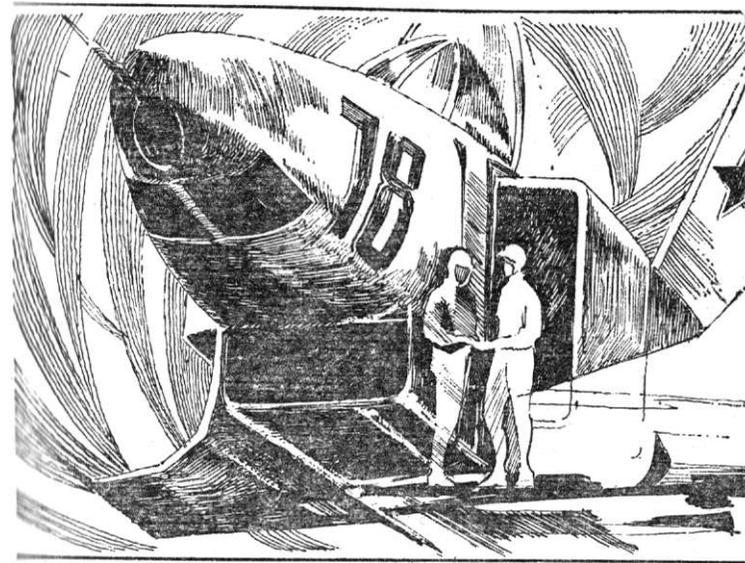
— Вот и состоялось ваше первое знакомство с кораблем-спутником. Вам остается только узнать, как космонавт будет приземляться, — начал Королев разговор, как только космонавты расселись. — К шару пристыковывается тормозная двигательная установка. Коротко ТДУ. После ориентации корабля на орбите космонавт (или автоматика) по команде с Земли включает установку на определенное время. Скорость полета падает, и корабль сходит с орбиты, направляясь к земле. Сам космонавт может приземлиться как в кабине корабля, так и покинув его с помощью парашюта. Для того чтобы в случае необходимости космонавт мог приземлиться отдельно от корабля, на парашюте, на высоте 7000 метров автоматически откроется крышка входного люка и через две секунды произойдет катапультирование кресла с космонавтом. Вступит в действие парашютная система. Однако космонавт приземлится без кресла, которое отделится от него на высоте 4000 метров. Космонавт продолжит спуск на парашюте, имея при себе аварийный запас и лодку, автоматически наполняемую воздухом. Это на случай спуска на воду. Как только вы приземлитесь, включится передатчик, по которому мы вас найдем. Хочу добавить вот что. Вы должны будете готовиться к различным нештатным ситуациям при полете, вплоть до аварии в момент старта. Если авария произойдет в момент старта, то катапультируемое кресло отнесет космонавта на безопасное расстояние с помощью ракетных двигателей. Высота подъема кресла достаточна для срабатывания парашютной системы.

Королев внимательно посмотрел на космонавтов, ожидая новых вопросов, и, не дождавшись, встал.

— В память о первом вашем знакомстве с кораблем-спутником хочу подарить вам небольшие сувениры.

Королев взял в руки небольшую плоскую шкатулку, открыл ее.

— В этой шкатулке лежат два пятигранника из нержавеющей стали с изображением герба нашего государства, буквами «СССР» и датой: «Сентябрь 1959 г.». На внутренней поверхности шкатулки — черно-белая фотография Луны, а на ней, между кратерами Архимеда и Аристида, на западной окраине Моря Дождей, нанесен крохотный флажок ярко-красного цвета, обозначающий место прилунения первого космического аппарата, доставившего в сентябре 1959 года на Луну советский вымпел.

Королев вручил каждому по шкатулке, тепло попрощался. Космонавтам не хотелось уходить. Они были готовы бесконечно слушать Главного конструктора. Королева радовало настроение слушателей. Он обнял за плечи двух стоящих рядом космонавтов и, обращаясь ко всем, сказал:

— Я верю в вас. Помните слова Алексея Толстого: «Родина наша — колыбель героев, огненный горн, где плавятся простые души, становясь крепкими, как алмаз, как сталь».

• - Мы летчики, — несколько более сурово, чем

сам ожидал, произнес Гагарин, а Литов продолжил:

— В наш век тлеть нельзя, надо гореть.

Королев согласился:

— Да, в наш век тлеть нельзя. Согласен. Летчик — это профессия смелых. Вот что, орелики: все-таки нет на свете большего счастья, чем участвовать в новых открытиях. Завидую вам. Кому-то из вас выпадет первым штурмовать космос, кому-то выйти из корабля в скафандре. А кто-то со временем отважится отправиться на Венеру и Марс. Но изучение вселенной не самоцель. Мы проникаем в космос, чтобы лучше изучить прошлое нашей планеты, предвидеть ее будущее. Мы хотим поставить ресурсы космоса на службу человеку, проникнуть на другие небесные тела и, если обстоятельства того потребуют, заселить все околосолнечное пространство. «Горы хлеба и бездну могущества обещает нам космос», — сказал Константин Эдуардович Циолковский. Не забывайте об этом.

Королев посмотрел на часы, спохватился.

— Заговорились мы с вами, а программа подготовки строгая. До свидания, орелики. Мы **еще** не раз с вами встретимся.

Королев пожал каждому космонавту руку и проводил до выхода из здания.

Карпов встретил Каманина на крыльце и, в который раз подивившись легкости, с которой двигался этот уже молодой человек, проводил в свой кабинет.

В кабинете Карпов вопросительно посмотрел из командира, ожидая обещанного серьезного разговора, но Каманин не торопился. Он в задумчивости походил по кабинету. Внимательно изучил все таблицы, висевшие на стенах и отражавшие ход подготовки космонавтов. Мимоходом задал несколько вопросов, которые, казалось, ничего общего не имели с темой предполагаемого разговора.

Карпов уже хотел сам задать вопрос командиру, как вдруг Каманин, остановившийся у окна, резко повернулся.

— Что же ты не рассказываешь, как летают твои орлята?

В его глазах светились веселые огоньки, и Карпоа

понял, что это не командирский разгон, а начало обещанного разговора.

— Летают! И здорово летают! — с гордостью ответил Карпов.

— Ты же не летчик. Откуда ты знаешь? — снова пошутил Каманин. Но Карпов не обиделся.

— Ну и что ж, что не летчик. Зато у моих орлят инструкторы высшего класса — летчики-испытатели.

— Да знаю уж. Хвалят они ваших ребят. Гозорят, что всех бы взяли в летчики-испытатели. Летчики от бога, талантливы. Это хорошо.

— Но и среди них есть настоящие асы.

— Это кто же? — заинтересовался Каманин.

— Анатолий...

— Высокий блондин, голубые глаза. Так? — перебил Карпова Каманин.

— Правильно, все инструкторы им восхищаются. А наши ребята, так те чуть ли не преклоняются перед ним. Ведь для них летчик — это все. Другой характеристики не надо. Любо-дорого посмотреть. А вообще соскучились ребята по небу и самолетам. Хорошо, погода нам помогает. Все уже вылетели самостоятельно, постановили навыки, утраченные за время вынужденного перерыва. Честно говоря, я думал, что этот процесс займет гораздо больше времени.

— Все-таки чувствуется, что вы не летчик.

Ну и что? — обиделся на этот раз Карпов, — (аго я авиационный врач. Сколько лет рядом с летчиками).

Извини, Евгений Анатольевич. Не хотел обидеть. Просто ты недооценил огромного желания истинных летчиков летать. Они же изголодались по полетам. Погло-Ц| нот их, как воду в пустыне.

А в пустыне как раз много пить нельзя. Хуже будет.

- Садись. Против медицины ничего не могу сделать. П!рай Вот нам и надо сделать так, чтобы они летали как ||«| столько, сколько им требуется для поддержания **формы.**

Каманин замолчал. Подошел к окну и вдруг вроде <>|1 всякой связи с ранее сказанным произнес:

Выходит, Евгений Анатольевич, вы уже определили для себя кандидатов на первый космический **ИОЛЮТ?**

— На какой полет? — не сразу понял Карпов.

— На первый космический полет, — так же спокойно и медленно произнес Каманин. Он изучающе смотрел на Карпова, ожидая ответа. Не торопился, но по всему чувствовалось, что ответа Каманин очень ждет.

Карпов тоже не спешил отвечать, так как прекрасно понимал, что вопрос задан неспроста, да и не в привычке его было так легко отвечать на серьезные вопросы.

Каманин остановился посередине комнаты.

— Кто, по вашему мнению, безусловный кандидат на первый космический полет?

— Я абсолютно уверен в Гагарине, Титове, Поповиче, Волюнове. Уверен в Николаеве, в Хрунове, в Шонине и других. Они безукоризненно точно выполняют программу. Возьмем Титова...

— Не возьмем Титова. Обсуждать будем потом. Сейчас назовите ваши фамилии.

— Хорошо, — согласился Карпов. — Только вы мне скажите, что случилось?

Каманин посмотрел на недоумевающего Карпова и усмехнулся.

— Есть решение. Нам нужно выделить первую группу из шести человек и готовить их в первую очередь. Кого мы можем, по-вашему, включить в группу?

— Могу добавить к перечисленным Быковского. А вообще-то почти всех. Я докладывал, что период парашютных прыжков оказался очень полезным не только для развития волевых качеств. Там все жили вместе, каждый как на ладони. Сразу стали понятны их взгляды на жизнь, на коллектив, на место в обществе. Определилось отношение к трудной программе подготовки. Совместная работа выделила и основную группу лидеров в подготовке. Это, конечно, на мой взгляд.

— Продолжайте, — сказал Каманин, — ваши взгляды по этому вопросу сходятся с моими, с требованиями ученых и нашего руководства.

— Так вот, кандидатов больше шести. Я не могу сказать, что, назвав шестерых, буду абсолютно прав. Возможна ошибка. Возможна и обида космонавтов на такое решение. Мы ведь должны будем объяснить им, почему в шестерку отобрали именно названных кандидатов.

— Что вы предлагаете?

Карпов давно думал над этим вопросом, поэтому ответил сразу:

— Безусловных кандидатов более десяти человек. По мне кажется, что некоторые из них переусердствовали и сейчас находятся не в лучшей форме. Как я понимаю, первая группа будет заниматься очень усиленно. Перед такой нагрузкой, по медицинским соображениям, просто необходимо дополнительное обследование. Оно определит состояние каждого космонавта и позволит не только отобрать кандидатов, но и построить будущую работу, основываясь на данных объективного медицинского обследования. Оно просто необходимо.

— Согласен, Евгений Анатольевич. Так же думают Федоров и многие другие. Обследование начнется через неделю. Проверим всех. А после комиссии будем решать окончательно. — Каманин подошел к столу и, считая тему законченной, спросил: — Вот что, Евгений Анатольевич, расскажите о готовности к перебазированию. Понравилось выбранное место космонавтам?

— Понравилось, Николай Петрович. Уже все там побывали и даже поработали на строительстве некоторых объектов. Жаль только, что жить там пока не сможем.

— Ишь чего захотели! Все сразу. Радуйтесь, что хоть базу свою тренировочную получили. Лес кругом. Жильем все будут обеспечены. Да и потом, жить ведь будете в десяти минутах езды автобусом от базы.

— Мы же не об этом, — возразил Карпов, — мы о том, чтобы вся подготовка шла в комплексе. Слишком много времени тратим на переезды из одного тренировочного пункта в другой. Это же драгоценное время. И утомляют переезды.

— В свое время будет у вас все, Евгений Анатольевич. Пока мы можем обеспечить программу подготовки за счет тренировочных средств других организаций. Но ведь никто сейчас не может со стопроцентной уверенностью сказать, что наша методика подготовки космонавтов верна. Может быть, после первого полета ее надо будет в корне менять. Ответ на многие вопросы, повторяю, на многие вопросы, но не на все сможет дать только полет. Мы строим сейчас кое-что в нашем городке: термокамеру, спортивный комплекс, барокамеру и так

далее. Будем строить и свою центрифугу, и свои корпуса с тренажерами. Будем строить и жилые дома. Нам нужно не на год и даже не на десяток лет вперед смотреть. Обживать надо основательно. И я рад, что будущие космонавты очень правильно все понимают. Слышал я, они и название своему будущему городку придумали. Это очень хорошо! Очень! И все же сейчас все силы мы должны отдать главной задаче — подготовке к первому космическому полету. Сложно! Невероятно сложно! И надо будет много думать, прежде чем решить — кого же отправить первым. Очень много надо думать. Ведь вы, так же как и я, уверены, что отобранная шестерка будет полностью готова к полету. Так кто же из шестерых? По каким признакам отбирать первого? Задача, — Каманин улыбнулся, — вот видите, опять мы вернулись к той же теме.

— Да, Николай Петрович, видимо, не только меня мучает этот вопрос. Так, может быть, мы не будем от него уходить. Тем более что у меня есть некоторые соображения. Хотелось бы высказать.

— Ну что ж. Я вижу, никуда нам от этого не убежать. Высказывайтесь.

— Мне кажется, — начал Карпов, — что по медицинским показателям из шестерки лучшего не выбрать. Техническую подготовку они тоже осваивают лучше некуда. А вот с характером, взглядами на жизнь дело обстоит сложнее. Их под один уровень не подгоняешь. Да и они сами не согласятся. И тут-то нам и надо смотреть в оба, чтобы не ошибиться. Ведь эта область больше субъективная, чем объективная. И в то же время самая наглядная. Не согласны?

— Согласен. И рад тому, что вы начали этот разговор. Но, — сделал паузу Каманин, — для таких разговоров нужны какие-то основания, какие-то наблюдения. Время еще есть. Будем присматриваться к ребятам с этих, я бы назвал, гражданских позиций. Попробуем определить, кто из них наиболее достойный.

На улице светило яркое солнце последних июньских дней. После медицинской комиссии, которая окончательно назвала шестерых кандидатов на первый космический полет, в числе которых был и Юрий, в жизни небольшого отряда космонавтов, казалось, ничего не изменилось. Все так же для всех проходили общие теоретические за-

нятия, все так же для всех обязательными были и полеты на самолетах, и вращения на центрифуге, и сдача зачетов по очередной теоретической дисциплине. Все понимали, что отбор еще не дает автоматического пропуска на космический полет. Необходимо много и плодотворно работать. Любые отклонения в подготовке кандидата сразу могли отбросить его на запасные пути. И тогда возникнет вопрос, как заменить выбывшего товарища. Это заставляло всех быть в постоянной готовности, отдавая тренировкам все силы и способности. Тем более приятными были редкие минуты отдыха.

Юрий сидел на скамеечке, расположенной на одной из тропинок будущего Звездного городка (так его называли космонавты). Собственно, это место и городком-то назвать пока нельзя было, так как насчитывало всего несколько построек, в которых разместились оборудование, предназначенное для подготовки космонавтов. Как раз сегодня их группа проводила здесь свои очередные тренировки. Одних медики усиленно проверяли на вращающемся кресле, качелях. Другие занимались физкультурой. Третьи испытывали себя в термокамере. Пройти весь цикл за один день было трудно. Юрий, ожидая товарищей, любовался прекрасным сосновым бором. Воздух был удивительно свеж. И как хорошо, что им придется жить здесь постоянно! Конечно, пройдет некоторое время, пока будут построены добротные жилые дома, крупные тренажные комплексы и соединится жилая часть со служебной. Это будет скоро. Планы утверждены, строительство началось. Да, время летит быстро. Через несколько лет никто из старожилов не узнает этих мест.

Юрий увидел приближавшихся к нему Николаева с Быковским. Резкий, порывистый Быковский что-то горячо доказывал Андрияну, который спокойно покачивал головой.

Оторвавшись от своих мыслей, Юрий внимательно наблюдал за неразлучными друзьями. Раньше их часто видели втроем. Но после медицинской комиссии Георгий Шонин не смог быть все время с друзьями. Врачи обнаружили у него некоторые отклонения в работе сердца после вращений на центрифуге. Некоторые врачи даже высказывались за то, чтобы при таких отклонениях отчислить Георгия из космонавтов. Специальная комиссия разобралась, что отклонения в здоровье Шонина — это

следствие переутомления организма после больших физических нагрузок. Шонин очень много тренировался сверх программы. И у организма сработал предохранительный клапан, что и уловили чуткие медицинские приборы. Отклонения носили временный характер, и после предоставленного Шонину отдыха все медицинские показатели пришли в норму.

Правда, Шонин внес некоторое беспокойство в ряды неразлучных друзей, своеобразно используя предоставленный ему отпуск. Он успел съездить в родные края — и, к великому удивлению клана холостяков, женился.

Некоторые из ребят удивлялись, как могли сдружиться такие разные люди? Но Юрий понимал, почему «лед» Николаева и «пламень» Быковского соединились вместе. Они тянулись к тому, чего не хватало каждому из них. Вместе они как бы дополняли друг друга. Юрий невольно подумал, что из них получился бы прекрасный экипаж космического корабля, о котором так интересно рассказывал Сергей Павлович Королев.

Тем временем друзья настолько приблизились к Юрию, что до него стали долетать обрывки их возбужденного разговора. Судя по всему, Быковский опять погорячился, а Андриян в очередной раз призывал его к спокойствию.

Доводы Андрияна не убедили Валерия, и Николаев обратился к Юрию с вопросом:

— Знаешь, что выкинул этот мальчишка?!

— Садитесь, — пригласил их вместо ответа Юрий к себе на скамеечку.

— Время еще есть. Обсудим, пока ребят нет.

Но друзья продолжали стоять. Чувствовалось, что Николаев очень взволнован и, несмотря на свое самообладание, горит желанием дать хорошую взбучку другу.

— Не знаешь?.. Просидел в нашей парилке три часа.

Юрий удивленно посмотрел на Быковского. Его не удивила цифра. По программе каждый должен был тренироваться в термокамере до двух часов. Но он считал, что в принципе можно просидеть и больше. Удивило его то, что Валерий, судя по всему, нарушил режим.

А Андриян уже кратко рассказывал о том, что произошло в термокамере. Григорий, который во всех проverkaх старался показать, что он может сделать не-

сколько больше, чем другие, а следовательно, является лучшим даже в шестерке, решил просидеть в термокамере больше положенного времени. Он выдержал два с половиной часа и покинул камеру, считая, что это предел, своеобразный рекорд, который никто не сумеет побить. Никто не обращал особого внимания на его выходки, считая их показухой. Серьезно к этому не относились. Хотя некоторых и задевало его поведение, но чувство дисциплины никому не позволяло встать на путь соревнования с Григорием.

До сегодняшнего дня это всем удавалось. Но только до сегодняшнего дня. Когда Григорий, торжествующий и усталый, вышел из камеры, он встретил Валерия, который ждал своей очереди.

— Зачем нарушаешь правила? — не удержался тот от замечания, но Григорий торжествующе заметил:

— Тебе же меньше останется.

— Рекорды решил ставить?

Валерий нахмурился, лицо его стало сердитым. Но Григорий не заметил этого.

— А почему бы и нет? Попробуй с мое отсидеть, если хватит духу.

— Козыряешь, красуешься? — разозлился Валерий. — Смотри, мол, какой я чудо-богатырь. Тоже мне...

Валерий о чем-то пошептался с врачом, проводившим эксперимент, и прошел в камеру... А вышел он оттуда только через три часа.

Пока Андриян рассказывал Юрию, Валерий стоял молча, не перебивая друга. Но как только Андриян закончил, Валерий решил оправдаться:

— Понимаешь, Юра, не мог я снести слишком уж явное бахвальство. Так врачи и вправду подумают, что он самый крепкий из нас. А это ведь совсем не так.

— Выходит, ты считаешь, что врачи глупее нас. Ничего не видят, — спокойно возразил Андриян.

— Все они видят. А такие соревнования им абсолютно ни к чему. Они и без этого определят, кто на что способен, — поддержал Андрияна Юрий. — Ты что, Валера, решил доказать Григорию, что здоровее его, или хочешь перевоспитать? Как раз наоборот. Если бы ты не поддался на его провокацию, это было бы действеннее. А теперь он может воспрянуть духом. Как же, у него появились последователи. Получилось, что ты стал его последователем.

Валерий опустил голову, молчаливо признавая, что

не прав. Его раскаяние было настолько очевидным, что Андриян даже подбодрил друга:

— Ладно, не переживай. Главное понял. Остальное приложится. А вообще я считаю, что с Григорием пора разобраться. Слишком уж он иногда создает вокруг себя нервную обстановку. Как считаешь, Юра?

— Правильно. Пора с ним поговорить. Давайте даже вот сейчас, в автобусе, и поговорим. Зачем нам откладывать и темнить?

Друзья увидели приближающийся автобус и направились к обочине, где он должен был остановиться. Из окон автобуса выглядывали веселые лица товарищей.

Прошло несколько дней, и Карпов собрал всю группу. Разговор предстоял серьезный, и он хотел, чтобы каждый высказался, может быть, даже что-то предложил, хотя для Карпова в этом вопросе уже не было неясностей.

Дело в том, что один из лучших летчиков группы так и не смог до сих пор пройти испытание вращением на центрифуге. Для Анатолия, которым все любовались во время полетов, каждое вращение заканчивалось тем, что на теле появлялись мельчайшие точки кровоизлияний, или, как их называли, питехии. Такова уж была его конституция. И если на малых перегрузках близкое расположение кровеносных сосудов к поверхности кожи никак не проявлялось, то при больших перегрузках сказывалось сразу. И медицина ничем не могла ему помочь.

Долгим был разговор. В конце концов решили попробовать еще раз. Вдруг это явление временное. Вдруг!

Но и на этот раз ни его воля, ни огромное желание остаться в отряде не помогли Анатолию. Вскоре товарищи с большим сожалением простились с ним.

Это было первое расставание, и все очень переживали за судьбу товарища. Но строгая комиссия определила, что данный недостаток не может помешать Анатолию летать на всех типах самолетов, и это несколько облегчило всем горечь расставания. Анатолий оставался летчиком.

Вскоре состоялся и переезд космонавтов из Москвы в Подмоскowie. Место всем понравилось. Валя Гагарина устроилась работать лаборанткой в поликлинике город-

ка, в котором жили космонавты. Каждая семья здесь получила квартиру, дети были устроены в детский сад, а те, кто постарше, ходили в школу. Домашний быт потихоньку налаживался и уже гораздо меньше беспокоил как самих космонавтов, так и членов их семей.

*

Валю же больше всего радовала возможность работы по своей специальности. Она чувствовала, что необходима людям, и это прибавляло сил.

В то утро Валя едва успела приготовить инструменты для взятия крови, как в коридоре раздался шум. Видимо, пришли друзья Юрия, у которых по плану было очередное обследование. Валя вышла к ним и предупредила шутя, что самому шумному достанется самая большая игла.

— Валя, а ведь придется самой большой колоть родственника. Смотри, как он испугался, — показал Леонов на Юрия.

Валя хотела уже было начать прием анализов у космонавтов, когда в кабинет заглянул Юрий.

— Можно к тебе? — смущенно улыбнулся он.

— До вечера не потерпишь?

— Ты же обещала узнать с утра. Ребята волнуются. — Ах ты об этом.

Валя встала, попросила подругу заменить ее и коротко сказала:

— Пойдем.

Сделав несколько шагов, она остановилась.

— А можешь незаметно пригласить с собой вашего секретаря?

Юрий молча кивнул головой.

— Тогда вот что. Заходите минут через пять в пятнадцатый кабинет. Там сегодня никого не будет.

Когда Юрий вместе с Беляевым и секретарем партийной организации вошли в кабинет, Валя была уже там. Все трое нерешительно остановились у двери.

— Садитесь, — пригласила Валя и после паузы продолжила: — К сожалению, Юра, ответ я знала уже тогда, когда ты меня спрашивал.

Юрий в недоумении посмотрел на жену, на неподвижно застывшие лица товарищей.

— Да, Юра, знала. Но не хотела верить и потому решила сегодня утром еще раз убедиться. К сожалению, аса правда. Диагноз врачей не изменился. Сыну Германа осталось жить всего несколько дней.

В комнате надолго воцарилось тягостное молчание. Никто не произнес ни слова. Они знали, что уже в течение нескольких недель врачи боролись за жизнь первенца Германа Титова. Герман стал непохож на себя. Он почернел, исхудал, и друзья удивлялись, как он только мог вынести такую нагрузку-и не отстать от программы подготовки. Ведь он иногда не спал ночами, просиживая у постели больного сына. Но ни разу ни словом, ни жестом Герман не показал на службе, как ему тяжело. Разве только что стремился уединиться.

Каждый, чем мог, пытался помочь молодой семье. Женщины установили в больнице круглосуточное дежурство, бегали по аптекам, взяли на себя все домашние заботы, давая возможность Тамаре, жене Германа, все время быть рядом с сыном.

В отряде никто не расспрашивал Германа о состоянии сына, стараясь лишней раз не напоминать о его несчастье, но всегда рядом с Германом находился кто-нибудь из товарищей. Старались не оставлять его наедине с тяжелыми думами.

Все знали, что вчера в больнице, где лежала Тамара с сыном, был консилиум, вызывали Германа. Но, приехав оттуда, Герман никому ничего не сказал. И вот сейчас Валя рассказала.

— Может быть, ты что-нибудь напутала? — наконец произнес Беляев. — Не могу я в это поверить.

— Я сама не могла поверить. Только все правда, Павел Иванович. Тамара еще ничего не знает. Да ей и не скажут.

— Что будем делать, Романыч?

Беляев повернулся к секретарю партийной организации. Тот неопределенно пожал плечами.

— Если бы я знал. Во всяком случае, на все нужно смотреть трезво. Мне кажется, главное для нас сейчас — это не потерять Германа. Надо, чтобы он не сорвался.

Секретарь помолчал. Потом медленно встал.

— Долго нам отсутствовать нельзя. Будем делать то, что делали до сих пор. Я думаю, Юрий, ты сможешь быть все время рядом с Германом. Надо предупредить ребят, чтобы прекратили всякое зубоскальство. Во всяком случае, в присутствии Германа.

— Правильно, — поддержал секретаря Беляев, — только не надо все делать слишком демонстративно. Пусть все будет, как обычно. Тогда Герману легче будет переносить свое горе.

Они еще некоторое время обсуждали, как помочь Титову. В очередной раз суровая жизнь устраивала им экзамен на дружку, экзамен на человечность.

И только через два месяца после смерти сына, когда Герман начал входить в нормальную, если можно было так ее назвать, колею тренировок, учебы и экспериментов, он отвел в сторону Беляева, секретаря парторганизации и Юрия.

— Я давно хотел сказать, — начал Герман, — что очень вам благодарен за все.

— Ты о чем? — не сразу понял Беляев. Но Герман поморщился.

— Не надо, Павел Иванович. В те трудные дни я действительно мог раскиснуть. Мне нужно было чуть-чуть. Но вы мне не дали этого чуть-чуть. Я видел, как вы стремились мне помочь. Благодаря вам я держал себя в руках, не раскис.

Он помолчал некоторое время, а потом как-то тепло и радостно, даже с каким-то восхищением, сказал:

— А ведь здорово это — жить и работать среди таких ребят! Что бы ни было впереди, что бы ни случилось, я знаю, что я счастливый человек, потому что испытал на себе всю силу и внимание коллектива людей, коллектива друзей!

Все стояли вокруг Германа и радовались. Радовались тому, что на пути к своему первому космическому старту они одержали еще одну победу. Сперва это был Володя Комаров, который снова вошел в строй и всего несколько дней назад совершил свой парашютный прыжок. Теперь окончательно поправился и встал в строй Герман.

Парторг положил руку на плечо Титову.

— Пойдем к ребятам. Они давно соскучились по твоему уверенному слову. Жизнь продолжается, Герман.

Евгений Анатольевич Карпов решил с утра обойти нее объекты Звездного городка, чтобы еще раз наглядно представить себе, что и как нужно строить, где располагать новые корпуса для подготовки космонавтов. Необходимо было подписать и отправить руководству план расширения Звездного городка.

Через час он уже сидел в своем кабинете, просматри-

вая документы, как вдруг зазвонил телефон. Карпов поднял трубку.

— Слушаю.

Сообщение взволновало его, заставило изменить планы. Из конструкторского бюро Королева сообщили, что Сергей Павлович" уже полчаса назад выехал в Звездный городок.

Карпов знал, что Сергею Павловичу нравятся такие неожиданные визиты, без всякой специальной подготовки. Он всегда любит наблюдать реальное состояние дел.

«Что ж, пусть будет так», — решил Карпов. Вызвал дежурного и отдал распоряжение, чтобы все были на своих местах.

На контрольно-пропускном пункте знали о приезде Королева и сразу пропустили его машину, указав, где находится Карпов, который ждал Королева у подъезда административного здания.

Поздоровавшись, Сергей Павлович сразу предложил пройти по городку, познакомиться с людьми.

Королев внимательно осмотрел термокамеру, строительство новых зданий. Осматривая «Ротор», он решил сам посидеть в быстро вращающемся кресле. Когда вышли из здания, Королев остановился, с удовольствием вдыхая чистый сосновый воздух.

— Хорошо у вас здесь, Евгений Анатольевич. Смотрите, какая красота кругом! Воздух чудесный! Тишина, покой. Эх, сбросить бы мне годков этак двадцать, непременно бы в космонавты пошел.

Некоторое время шли молча, потом Королев спросил:

— Как вы говорите имя конструктора вашего «Ротора»?

— Николай Яковлевич, — ответил Карпов.

— Грамотный инженер. Серьезную штуку придумал. Вы знаете, Евгений Анатольевич, ваш «Ротор» может пригодиться не только для подготовки космонавтов. Он и нам, конструкторам, хорошую службу сослужит. Я, разумеется, имею в виду испытания техники, а не конструкторов.

Вскоре Сергей Павлович вместе с Карповым вошел в спортивный зал.

Увидев входивших, преподаватель хотел прервать занятия, но Королев распорядился не делать этого.

— Я для того и приехал, чтобы увидеть, как вы тут работаете, а не стоите.

Он сел вместе с Карповым на одну из спортивных скамеек и стал с интересом осматриваться.

— Больше вы мне ничего не хотите показать, Евгений Анатольевич?

— Все, Сергей Павлович. Остальное только будет.

— На первых порах неплохо, — задумчиво произнес Королев, — но только на первых порах. Строительство у вас, я вижу, не очень большое. Пора подумать о закладке новых лабораторий, оснащенных современным оборудованием. Без этого вы не сможете шагать вперед. А ведь нам с вами предстоит еще многое сделать.

Сергей Павлович подошел к батуту, любуясь, как четко и красиво выполнял прыжки Титов.

Преподаватель объявил перерыв, и космонавты окружили Королева.

— Я вижу, товарищ Титов, вы получаете огромное удовольствие от прыжков на батуте. Наверное, вам очень нравится этот вид спорта?

— Сейчас да.

— А был период, когда не нравился? — удивился Королев и посмотрел на преподавателя. — Не наговаривает ли на себя товарищ Титов? Уж очень мне понравилась его работа.

— Все правильно, Сергей Павлович, — ответил преподаватель, — Титов очень хороший гимнаст и думал, что на батуте ему будет легко. Но оказалось, что это не совсем так. Вот он и осерчал. Помогло. Быстро освоился. Сейчас выполняет даже очень сложные элементы.

Королев снова повернулся к Титову.

— А скажите, товарищ Титов, вам еще что-нибудь не нравилось в подготовке?

— Мне и сейчас не нравится, — так же спокойно ответил Герман.

— Что же?

— Не нравится бегать. Лучше поиграть в волейбол, баскетбол, футбол или на велосипеде покататься.

— Но вы все же бегае наравне со всеми?

— Конечно. Программа есть программа. Вы ведь спросили о том, что мне не нравится.

— Очень хорошо. Но бегать все же надо. Не всегда нужно делать то, что нравится. Бывает, что требуется совсем обратное. Вот это обратное как раз и воспитывает волю. Качество, которое вам очень необходимо.

Королев повернулся к Гагарину.

— Вам тоже что-то не нравится?

л

Юрий, не ожидавший вопроса, замешкался с ответом, и Королев снова спросил:

— Значит, согласны с Титовым?¹

— Да нет, — поспешил ответить Юрий. — Я как раз люблю бегать. Но у каждого из нас есть свои любимые виды спорта, свои привязанности. Поэтому и занимаемся ими иногда больше программы.

— Выручаете товарища? — засмеялся Королев. — Это тоже хорошо. Евгений Анатольевич, — обратился он к Карпову, — я хотел бы поговорить со всеми вашими сотрудниками. Много времени понадобится, чтобы их собрать?

— Минут пятнадцать. Нас ведь пока не так много.

— Хорошо. Отдавайте распоряжение.

Космонавты ушли переодеваться, а Королев с Карповым направились к главному зданию. Королев остался доволен осмотром городка, шутил, смеялся и также шуткой встретил Каманина, который только что прибыл, извещенный о приезде Королева.

— Как, Николай Петрович, обошел я вас? Не смогли подготовиться? Все ваши грехи заметил.

— Согласен, — улыбнулся Каманин, — нам же лучше, Сергей Павлович. Большую помощь сможете оказать.

— Угадал, — согласился Королев, — недоволен я. Мало на меня наседаете. Вот я и не в курсе всех ваших потребностей. А они у вас большие. Строить много надо. Кстати, вас интересуют наши новые модели перспективных кораблей?

— Конечно. Хотелось бы лучше знать все ваши новинки.

— Вот и не забывайте к нам дорогу, дорогие товарищи. Давайте договоримся, чтобы ваши представители приходили к нам почаще. И не как гости, а как соратники. Ведь вы на самой близкой дистанции от космоса. Я правильно понимаю? — лукаво улыбнулся Королев

— Конечно, — серьезно подтвердил Каманин, — собственно авиация и породила космос. Ведь они все наши орлы, — показал Каманин на подходивших космонавтов, — все пришли сюда из авиационных полков.

— Ну вы не очень-то хвалитесь, — снова улыбнулся Королев, — я ведь тоже из авиационного гнезда вылетел. Считайте, сколько лет авиации отдал?.. Да и сейчас, как видите, с ней не расстаюсь.

Беседа с сотрудниками Карпова продолжалась срав-

нительно недолго. Была деловой и обстоятельной. Королев рассказал о состоянии работ по созданию корабля, выслушал пожелания, высказал свое мнение о том, что увидел.

Уже садясь в машину, Королев чуть задержал руку Карпова в своей.

— Вот что. Часть необходимого оборудования я пришлю вам на днях. Макет корабля будет у вас к концу нынешнего года. Это реально. А через две недели прошу ко мне с перспективным планом развития городка. Вопрос серьезный. Договорились?

— Договорились, — радостно согласился Карпов.

На следующий день в городок пришло несколько машин с оборудованием, которое обещал прислать Сергей Павлович. А еще через две недели Королев самым внимательным образом рассмотрел представленный ему план развития городка. Единственным его замечанием было:

— Мало просите, товарищи. Надо добавить вот что...

И Королев тут же принялся вносить необходимые дополнения в проект.

Звездный городок рос. Увеличивалось количество новых зданий, усложнялись техническое оборудование и эксперименты.

Космонавты прошли уже почти все виды подготовки и теперь только совершенствовали свои навыки, увеличивая физические и психологические нагрузки.

Неизведанными оставались только невесомость и работа на комплексном космическом тренажере.

Как-то Валя спросила Юрия:

— Скажи, ты не устал? Мне иногда даже жалко тебя.

Юрий рассмеялся, но ответил серьезно:

— Уставал я в самом начале подготовки. А сейчас привык. И к нагрузке, и к новым испытаниям. Если бывают легкие дни, когда программа занятий получается не очень насыщенной и не приходится делать некоторое усилие над собой при выполнении заданий, то остаешь-|»| даже недоволен собой. Как будто где-то словчил, ослабил к себе требования.

Они говорили долго, но Юрий так и не сказал Вале, что ему на завтра предстоял очередной шаг — первый Полот в самолете, при котором будут созданы, хоть и кратковременно, условия невесомости.

Об этом и размышлял Юрий, сидя в небольшом классе I' на аэродроме. Он привык перед новым заданием на-

страивать себя на его выполнение. Становился более спокойным, вдумчивым, более сосредоточенным. Это помогало лучше освоить, особенно на первых трудных этапах, даже очень сложные элементы. Сейчас он ждал первой встречи с невесомостью. Той самой, которой так опасались медики. К каким последствиям приведет длительное свидание с ней? На этот вопрос пока никто не может ответить. Но сегодня Юрий прикоснется к ней и почувствует ее практически, а не теоретически, из книг.

Все космонавты уже сидели на своих местах. Кто-то рассказывал веселые истории, кто-то так же, как и Юрий, настраивался на предстоящий эксперимент.

Время начала занятий наступило, но преподавателя почему-то не было. Через два часа начнутся полеты. На обыкновенном учебно-тренировочном самолете летчики создадут такие условия, что можно будет несколько секунд побывать в состоянии невесомости, испытать ее на себе. Юрий почувствовал зависть к тем летчикам, которые будут сегодня вывозить их. Ведь они-то, хоть и кратковременно, уже знакомы с невесомостью.

Преподаватель задерживался. И тогда со своего места неторопливо поднялся Беляев.

— Прошу потише. Преподавателя нет. Какие будут предложения?

— Какие еще могут быть предложения. Пошли на свежий воздух. Вывезти нас и без этой лекции вывезут. Зато погода какая на улице!

Григорий начал было уже подниматься со своего места, но Беляев остановил его:

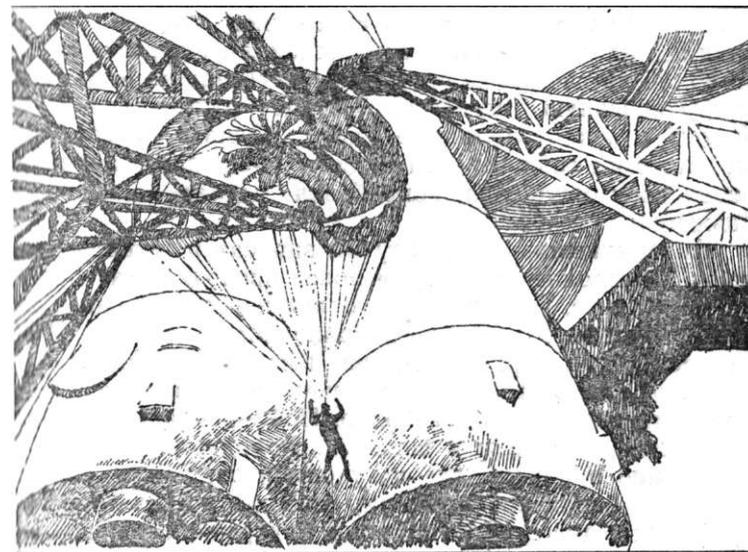
— Погоди. Может быть, все же есть предложения?

Юрий прикинул мысленно все, что знал о теме занятий. Невесомость — состояние, при котором возникает эффект потери веса. Наступает в космическом корабле сразу после выключения ракетных двигателей, при переходе к орбитальному полету. Влияние на человека полностью не изучено, так как трудно воспроизвести ее длительно в земных условиях. В атмосфере невесомость длительностью 1—2 секунды можно испытать в свободном падении, когда сопротивление воздуха не сказывается из-за первоначально малой скорости падающего тела. Ее они ощущали во время парашютных прыжков. Невесомость длительностью 30—40 секунд возникает во время полетов на самолетах по параболическим траектори-

ям. И именно ее им придется сегодня испытать во время пробных полетов с опытными летчиками. Это было главное, для чего они прибыли сегодня на аэродром.

Продумав все, Юрий решил, что сможет рассказать то, о чем, вероятно, рассказал бы и преподаватель. Может быть, при посторонних он бы и не решился на это, но ведь тут были только свои. Даже если и ошибется — поправят. А лекция тоже хорошая тренировка. И Юрий нетал.

— У меня предложение. Давайте я прочту вводную

лекцию перед полетами на невесомость вместо преподавателя. Программу ведь все равно надо выполнять.

— Лектор?! — удивленно протянул Григорий, но Беляев воспринял предложение серьезно:

— Давай сюда. Всем приготовить конспекты.

Лекция удалась. Речь лилась легко и плавно. Вероятно, потому, что он рассказывал то, что прекрасно знал сам, о чем не раз рассказывал своим близким друзьям.

Преподаватель появился в классе через несколько минут после начала лекции, но останавливать Юрия не стал. Успокаивающим жестом он попросил продолжать

лекцию, а сам, присев на свободное место, стал внимательно слушать, не вмешиваясь. Это обстоятельство никак не повлияло на Юрия. Он так же спокойно, как и начал, закончил свое выступление.

Преподаватель поднялся со своего места.

— С удовольствием выслушал вас. Оказывается, иногда опаздывать даже полезно. — Он повернулся к внимательно смотревшим на него космонавтам. — Считаю, что вы все получили право на первый ознакомительный полет на невесомость. Прошу к самолетам.

А через час Юрий уже сидел в кабине знакомого ему УТИ-МиГ-15. Самолет взлетел, вышел в зону. Опытный летчик-испытатель, сидящий в передней кабине, разогнал его на пикирование, потом сделал горку, и вот тут-то Юрий на несколько секунд почувствовал во всем теле необыкновенную легкость. Сердце наполнилось радостью, даже захотелось петь. Однако сразу же он заставил себя перейти к делу: наблюдал, анализировал свои ощущения, попробовал сделать несколько движений.

Приземлившись, он сразу же записал в тетрадь врача: «До выполнения «горки» полет проходил, как обычно, нормально. При вводе в «горку» прижало к сиденью. Затем сиденье отошло, ноги приподнялись с пола. Посмотрел на прибор: показывает невесомость. Ощущение приятной легкости. Пробовал двигать руками, головой. Все получается легко, свободно. Поймал плавающий перед лицом карандаш и шланг кислородного прибора... Ощущение приятное, где ногу оставишь, там и висит... в общем, ощущение легкости, свободы. Каких-либо неприятных ощущений со стороны внутренних органов не было. В пространстве ориентировался нормально. Все время видел небо, землю, красивые кучевые облака. Показания приборов читались хорошо. После полета ощущение обычное».

Столько наблюдений! А ведь это была первая проба невесомости.

Совсем скоро создавать невесомость стали на больших самолетах, пассажирский салон которых стал своеобразным бассейном невесомости. Возможностей здесь было больше. Космонавты находились в свободном, непривязанном положении. Могли плавать в невесомости, кувыряться, выполнять отдельные виды работ, чтобы сравнить их с такими же, но проводимыми в условиях земной силы тяжести. Мало. Очень мало длилась

невесомость. Но за 30—40 секунд надо было выполнить многое.

За время полетов Юрий убедился, что на каждого человека невесомость действует абсолютно по-разному. Некоторые, например, вели себя как пьяные и потом на земле не могли этому поверить. И только их действия, зафиксированные киноплёнкой, убеждали, заставляли всерьез задумываться о влиянии невесомости, с большим уважением относиться к медицинским рекомендациям и даже к их осторожным предупреждениям о возможности психологического срыва там, в космосе. Все-таки дольше 40 секунд человек не мог пока ощущать невесомость. И никто не знал, что будет с ним через час, сутки... пребывания в невесомости.

* *

В соответствии с планами по изучению космического пространства 19 августа 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск второго космического корабля на орбиту спутника Земли. Основной задачей запуска является дальнейшая отработка систем, обеспечивающих жизнедеятельность человека, а также безопасность его полета и возвращения на Землю...

Из сообщения ТАСС

Несколько дней после успешного приземления второго корабля-спутника в отряде шли бесконечные разговоры об этом событии. Мнения были разные. Одни утверждали, что полет состоится буквально через месяц, в крайнем случае — через два. Другие были осторожнее и настаивали себя на более продолжительный срок ожидания старта. Среди последних был и Юрий Гагарин. Юрий думал так: прежде чем послать человека в космос, его надо хорошо подготовить, он должен приобрести прочные навыки по управлению кораблем. Ведь человек не Делка и не Стрелка. Он должен лететь, полностью сошавшая то, что ему предстоит выполнить. Иначе нет смысла летать. Все говорило о близости полета. Теоретические дисциплины уже изучены, сданы зачеты по конструкции корабля и работе его систем. Но это пока лишь теория. Даже автомобилем управлять непросто, а ведь предстояло овладеть управлением космического корабля. Сколько для этого понадобится времени? Да к

тому же научиться управлять кораблем в космосе, так реально и не почувствовав, что же такое космос. Все надо было представлять мысленно, даже фантазировать. А представления могли оказаться и неверными.

Споры продолжались бы долго, не объяви Карпов, что с космонавтами хочет встретиться Сергей Павлович Королев. Этот разговор мог все прояснить. Юрию было понятно всеобщее возбуждение, царившее в знакомом конференц-зале перед приходом Королева.

В ожидании Главного конструктора среди космонавтов разгорелся спор, зачинщиком которого стал нетерпеливый Григорий. Он толкнул локтем Быковского и произнес:

— А все-таки полет состоится очень скоро. Собаки вернулись? Выходит, живое существо может жить в космосе. Теперь вместо собачек садится человек. Кто против?

— Я против, — спокойно возразил Юр[^]й, — неужели тебя устроит роль подопытной собаки? Собака летала в космос уже в 1957 году. Но почему-то тогда в космос человека не послали.

— Наша главная задача — проверить, может ли человек жить в космосе? Так чего же тянуть? В 1957 году был первый опыт. Теперь уже две собаки побывали в космосе и вернулись. Пора и человеку. У медиков, между прочим, всегда так. Сначала делают операции на собаках, а потом на человеке.

— И сколько после первых операций на собаках проходило лет, прежде чем делали операцию на людях? — включился в разговор Герман, — молчишь? Я, Григорий, тоже очень хочу слетать в космос. Так же, как и все здесь сидящие. Только лететь туда подопытным кроликом, одним из вариантов балласта органического происхождения, не хочу. Я летчик. И пока не умею управлять летательным аппаратом, на котором мне предстоит выполнить полет, не вправе говорить о том, что готов к выполнению задания. Сомневаюсь, что для этого понадобится два-три месяца. К тому же не надо забывать и о том, что человек отличается от низших животных тем, что имеет очень развитую психику, сознание. И потому вполне серьезно отношусь к предостережениям о возможности потерять ориентацию в полете.

— Да ничего он не потеряет, — махнул рукой Григорий. Но Герман остановил его.

— Я тоже верю, что не потеряет. Но готовиться надо

и к такому варианту. А он, как мне кажется, один из возможных. В первом полете у космонавта будет столько впечатлений, он получит столько данных, интересующих человечество, что я не знаю, сможет ли эту информацию переварить нормальный человеческий мозг? Это вам, братцы, не первый самостоятельный и даже не первый ознакомительный полет на самолете.

Герман замолчал, и Юрий Гагарин, внимательно слушавший его, решил добавить несколько слов:

— Слушай, Григорий, — начал он, — ты забываешь еще об одном. Никто у нас в стране не согласится послать человека в космос, если будет хоть малейшее сомнение в безопасности такого полета. Герман правильно сказал о психологии. Небезопасно. Но и проверить все это можно только полетом человека. Я же, говоря о безопасности, имею в виду чисто техническое обеспечение полета. Нам уже говорили, что космический корабль рассчитан как на полностью автоматическое управление от старта до посадки, так и на ручное, осуществляемое космонавтом. Да, мы знаем, что первый полет рассчитан на автоматический вариант, и нам вроде бы остается только наблюдать, ощущать и фиксировать происходящее. Но ведь это программа штатная! А мы действительно все-таки летчики! Мы должны быть готовыми и к возможной разгерметизации, и к потере ориентации, и к отказу всей автоматической системы управления. Вот тогда мы и обязаны будем взять управление на себя. Даже если все будет прекрасно, надо кому-нибудь опробовать ручную систему управления кораблем и научной оборудование в реальных условиях. А опыта практического ни у кого нет. Отсюда вывод — программа подготовки к полету должна быть значительно расширена. И в первую очередь, здесь тоже прав Герман, за счет обучения управлением космическим кораблем вручную, по-самолетному.

— Но ведь после этого полета уже ясно, — не сдавался Григорий, — что автоматическая программа полета отработана полностью. Представляете?! Всего десять километров отклонения от расчетной точки приземления.

В спор вмешался Николаев:

— Представляю, о чем ты думал, когда первый корабль не сел на землю. Помнишь май месяц? У тебя было другое настроение. Была ошибка? Была. Был опыт? Не было. Отработано все сейчас до конца? Не знаю. И надеюсь, что сейчас Сергей Павлович во все вопросы

внесет ясность. Он ведь всегда встречается с нами, когда происходит что-либо серьезное.

Николаев хотел еще что-то добавить, но Юрий увидел входившего Королева и предупредил ребят:

— Сергей Павлович.

Все, разом прекратив споры, повернулись в сторону Главного конструктора. Королев поздоровался с космонавтами, сел за стол и стал медленно раскладывать перед собой какие-то документы.

Затем он попросил Карпова рассказать, как проходят тренировки, каковы успехи каждого.

Выслушав ответы, Сергей Павлович встал и подошел к космонавтам.

— Вас не так уж и много здесь. Вот я и перебрался поближе к вам, — начал он разговор. — Так вот, орелики, собачки наши сели в заданном районе. Вы об этом уже знаете, наверно, не хуже меня. Весь полет мы засняли телекамерой на пленку. После моего выступления вы просмотрите ее и поразмыслите. Я же хочу сказать о другом. Пора готовиться к реальному полету.

Григорий торжествующе посмотрел на Юрия, но, увидев, что никто не обращает на него внимания, снова стал слушать Королева.

— 'Сомнения медиков о возможности нормальной деятельности человека в невесомости пока остаются, — продолжал Королев, — это вы тоже знаете. Поэтому в первом полете необходимо доказать возможность нормальной жизнедеятельности и работоспособности человека в йевесомости. Это — главное, товарищи! Однако посылать человека только с такой, хотя и важной, задачей я считаю непозволительной роскошью. За первым полетом последуют другие, более сложные. Не буду скрывать от вас, что случайный отказ в работе любой системы мы исключить не можем. Поэтому вы должны тренироваться в управлении космическим кораблем и его системами так, чтобы быть готовыми к работе в любой аварийной ситуации. Опасность не так страшна, если с ней знаком, если знаешь, как с ней бороться. Верно? Как летчики думают?

— Так и думаем, Сергей Павлович, — за всех ответил Беляев. — Мы тут перед вашим приходом как раз на эту тему и разговаривали. Мнения совпадают. Только вот не знаем, когда полет. Это и смущает.

Королев засмеялся.

— Вот тебе раз! Я тут думаю, как мне их уговорить,

как мне их настроить на серьезный рабочий лад, а они все уже без меня обсудили. Ну если серьезно, — после наузы продолжил Королев, — то я рад вашим мыслям. Теперь о сроках. Вы знаете, что первый пуск был не совсем удачным, хотя мы и получили благодаря ему большой опыт по управлению кораблем. Последний пуск прошел полностью по программе. Но мы считаем, что для обеспечения полной надежности необходимо провести еще не один пуск. Вот тогда можно будет окончательно говорить о полете в космос человека. Ориентировочно могу сказать, что очередной контрольный полет мы планируем на декабрь месяц. Полагаю, что к этому времени первая шестерка успешно закончит подготовку на комплексном тренажере космического корабля, который создается в летно-испытательном институте.

Королев поднялся, тем самым давая понять, что закончил свой рассказ, но потом все же добавил:

— Если что-то непонятно, можете задавать вопросы.

Вопросов больше не было, и Сергей Павлович, попрощавшись и пожелав всем успехов, покинул конференц-зал.

Космонавты даже не успели обменяться мнениями, а на сцене уже опустили экран, и началась демонстрация обещанного Королевым фильма.

Внимательно наблюдал Юрий, как собаки в момент старта испуганно смотрели в днище корабля, прислушиваясь к незнакомому шуму. Он знал, что в этот момент начали работать двигатели, что и испугало собак. По вот перегрузки стали прижимать собак к импровизированному креслу. Они заматались, стали упираться лапами, сопротивляясь неизвестной силе. И вот, наконец, та самая неизвестная сила — невесомость. Собаки как будто повисли в воздухе в неестественных позах. Головы и лапы у них были опущены. Казалось, их уже ничто не интересует. Почему?

Прошло несколько часов полета, и собаки постепенно привыкли к невесомости. Они стали двигать головами, лапами. Вскоре, окончательно освоившись с невесомостью, собаки начали есть. А ведь совсем недавно некоторые утверждали, что это невозможно. Предсказывали космонавту в длительном полете голодную смерть. Космонавты сами опровергли это утверждение. За те считанные секунды невесомости, что воспроизводились на самолете, каждый из них уже попробовал принимать пи-

щу. И хотя поначалу было много комических ситуаций, но зато уже можно было дать некоторые рекомендации для работы в космосе, предвидеть их раньше, чем сам человек слетает в космос.

Фильм закончился, но никому не хотелось уходить из зала. Космонавты были задумчивы, каждый по-своему переживал просмотренные кадры. Но все они думали о тех перспективах, которые открывала перед человеком космонавтика, служить которой решил каждый из них. Они понимали: все, что было до сегодняшнего дня, — это предварительная подготовка к космическому полету. Настоящая подготовка начиналась сейчас, в эти мгновения. Практически она уже началась.

Осень в тот год наступила ранняя, с ее неизбежными дождями, ветрами и холодами. Но как раз в этот период в привычной подготовке космонавтов получился небольшой перерыв.

Предстоял очередной цикл парашютных прыжков. Каждый должен был прыгнуть ночью, притом на воду.

Место для прыжков было выбрано у небольшого подмосковного озера, рядом с полевым аэродромом, на котором сохранилось несколько старых деревянных построек. Они-то и стали на время пристанищем космонавтов и той небольшой группы, которая обеспечивала прыжки.

В первый же день погода, которая до этого была сносной, испортилась. Вертолеты не могли подняться в воздух, и с вечера все собрались в стартовом домике, ожидая погоды и слушая бесконечные рассказы друг друга о необыкновенных случаях из своей личной практики, а также из опыта товарищей по профессии. Причем никто не стеснялся рассказывать о случаях, когда именно рассказчиком была проявлена оплошность. Разве что повествование в таких случаях принимало оттенок легкой иронии над собой. Главная цель таких рассказов заключалась в том, чтобы никто из присутствующих не повторил ошибок рассказчика. А в какой форме проходил этот обмен опытом, было не так уж важно.

В тот вечер беседу, как обычно, завязал Никитин, но тема, предложенная им, вскоре была забыта, и разговор, как ни странно, пошел о страхе.

Вначале вопросы, короткие ответы, разные мнения.

И вот слова попросил молчаливый Николаев. Рассказывал он неторопливо, спокойно.

...В один из жарких июньских дней лейтенанту Лидрияну Николаеву, или, как просто называли его друзья, Андрею, было поручено выполнить в зоне фигуры высшего пилотажа. Его легкокрылый МиГ стремительно мчался в голубом небе, подчиняясь воле летчика, который в прекрасном настроении заканчивал выполнение полетного задания. Все фигуры выполнены. Осталось только развернуться и уйти на свой аэродром. Но именно в этот момент обстановка изменилась: гром работающего двигателя внезапно прервался тишиной — отказал двигатель.

Быстрый взгляд на приборную доску — высота недостаточная для повторного запуска. Сразу доложил на землю:

— Двигатель остановился. Пытаюсь запустить.

Движения у Николаева четкие, не раз повторенные на авиационном тренажере в часы предполетной подготовки, отработанные до автоматизма. Раз, второй, но двигатель молчит, высота стремительно падает. Лейтенант инстинктивно выровнял самолет, осторожно развернул его в сторону родного аэродрома, стал планировать. Обстановка становилась угрожающей. Николаев коротко доложил на командный пункт:

— Двигатель не запускается.

И сразу же получил команду:

— Прекратите попытку запуска. Катапультируйтесь!

— Есть прекратить попытку запуска, — ответил Николаев.

Его мозг напряженно работал. Все ли он сделал для того, чтобы спасти машину — творение многих тысяч людей? В кабине непривычно тихо, только ветер свистит в плоскостях. Доли секунды отпущены лейтенанту на обдумывание возможных вариантов. Нужно взвесить все «за» и «против» и принять окончательное решение. Невзирая на молодость, Андриян знал: самое важное — принять решение и точно действовать при его выполнении. Это легко сказать, но трудно выполнить, даже если знаешь, что надо делать. Легкий холодок страха тронул сердце. «Спокойствие и еще раз спокойствие, — мысленно приказал себе Андриян, — нельзя волноваться и тем более сомневаться в своем решении, иначе сразу поражение».

Мысль работала четко. Покинуть машину он успеет: запас высоты еще есть. Но это был самый последний вариант. Ведь если он катапультируется, самолет превратится в грудку металла, и вряд ли специалисты смогут определить причину отказа. А эта причина может привести к гибели других летчиков. Надо сажать машину. Андриян снова пробежал глазами по приборам и сделал еще одну попытку запуска — напрасно, двигатель молчал. Лейтенант продолжал удерживать самолет в пологом планировании, стараясь выиграть лишние метры высоты, пытаясь дотянуть до аэродрома. Но земля неумолимо приближалась. Снова пришла мысль о катапультировании, и по разгоряченному телу летчика прошел легкий озноб. Он знал не один случай неудачного катапультирования, и делать это в гкфвий раз было немного страшновато. А нужно ли катапультироваться? Почему бы не попробовать посадить машину? От этой, внезапно мелькнувшей мысли Андриян вдруг приобрел дополнительный заряд спокойствия, которое так необходимо было ему сейчас.

Далеко впереди показался аэродром, и стало ясно, что до него не дотянуть. Но зато чуть справа по курсу Андриян приметил поле. Деревьев нет, место вроде ровное. «Спокойствие, спокойствие», — шепчет он себе и делает все необходимое для посадки на это единственное подходящее место. Пора делать разворот. Немного, еще немного — есть курс! Напряжение предельное. Земля приближается, она стремительно несется под самолет куда-то назад.

Почти у земли Андриян увидел, что поле оказалось не таким уж и ровным, как представлялось с высоты. Оно было бугристым, кое-где топорщились кусты. Но поздно! Отступить уже нельзя — принятое решение надо выполнять. Да к тому же кусты можно смять. Неожиданно прямо по курсу он увидел коварную ложбинку. Это было серьезное препятствие. А самолет уже коснулся земли. Легкий удар — и МиГ заскользил по мягкой земле. Летчик слился с машиной, стараясь быстрее остановить это опасное скольжение. Еще секунда, другая, и наконец самолет замер. Андриян откинул фонарь и, оглушенный наступившей тишиной, несколько минут всей грудью вдыхал чистый степной воздух. Впереди, в метрах десяти, начинался овраг...

— Я знаю, что такое страх. Но я был готов к его приходу и смог противопоставить ему свои знания. По-

садку с остановившимся двигателем я отрабатывал на тренажере не один раз, а потому в реальной обстановке мое сердце не остановилось вслед за двигателем, — закончил рассказ Николаев.

После Николаева похожие случаи стали рассказывать и другие космонавты. Рассказал о своем первом самостоятельном полете на Севере и Юрий. Он не стал скрывать, что в первый момент, когда встретился с неожиданной ситуацией, несколько растерялся и только хорошая подготовка и помощь товарищей помогли ему выйти из трудного положения.

До самого утра ждали космонавты погоды. Всю ночь под шум дождя продолжался их откровенный разговор, который еще раз показал, что небольшая группа разных по характерам и склонностям летчиков превратилась в дружный, сплоченный коллектив.

Никто из космонавтов, увлеченных разговором, так и не заметил того внимания, с которым слушал их, изредка улыбаясь, Никитин.

В течение недели прыжки все же состоялись, и космонавты вновь вернулись к специальной программе подготовки — полеты, теория, центрифуга, барокамера, физкультура, сурдокамера и очередной набор медицинских экспериментов. Снова росли нагрузки. В душе каждого все чаще возникали вопросы: «Когда же? Кто?» И вот однажды...

Королев появился в классе за несколько минут до окончания лекции. Дав знак Севастьянову продолжать, он вместе с Карповым уселся за свободный задний столик, принялся внимательно присматриваться к сосредоточенно слушающим космонавтам.

Севастьянов закончил лекцию, и Королев занял его место.

— Насколько я могу видеть, дела у вас идут блестяще. Четыре месяца не пропали даром, — сказал он. — Вот мне и хочется кое-что выяснить у вас. Вернее, посоветоваться с вами. Вы были на заводе, видели космический корабль. Полет не за горами. Перед нами рано или поздно встанет вопрос: кого послать первым на космическом корабле?

Космонавты замерли, внимательно слушая Главного конструктора. Они никак не ожидали, что разговор пойдет в таком направлении.

Королев заметил, как напряглись лица у некоторых парней. На секунду мелькнула мысль: «А правильно ли

я делаю, что решил поговорить с ними об этом?» Но он тут же отогнал ее от себя. Такой разговор необходим. Пусть к этому привыкнут сейчас, чтобы потом не могло появиться даже намек на какие-то нездоровые настроения и нехорошее соперничество. Все должно быть открыто.

— Так вот, орелики. По каким признакам, по-вашему, следует выбирать первого? Мне этот вопрос представлялся довольно сложным.

Королев внимательно посмотрел на космонавтов. Он ждал, кто лее из космонавтов выскажется первым. Вот сидит спокойный, уверенный Беляев, чуть побледнел Гагарин. Где-то в глубине души Сергей Павлович надеялся, что именно Гагарин скажет решающее слово, выскажет самые сокровенные мысли о роли человека в освоении космоса. Но Гагарин молчал, сосредоточенно думая о чем-то своем, и Королев перевел свой взгляд дальше. Вон добродушно улыбается крепыш. Может, он?

Все молчали. Наконец со своего места неторопливо поднялся Беляев.

— Сергей Павлович, слишком все внезапно. Надо бы подумать.

— На это и был расчет, — не согласился Королев, — ваши мысли потом будут не так свежи. Некоторые товарищи предлагают в конце вашей подготовки устроить строгие экзамены. Что ж, они будут, хотя вас и проверяли не один раз. Например, парашютная подготовка была очень хорошим экзаменом. Многие узнали вы, но многое поняли и мы — ваши руководители. Есть такая наука — психология. Она требует серьезного подхода к вопросам отбора. Особенно при полетах экипажей. Но сейчас нам бы хотелось, чтобы каждый из вас поднялся выше привычного для себя уровня. Попробуйте за начальников решить вопрос, который мы вам предлагаем. Не буду лукавить. Это один из способов изучения ваших характеров.

— Неужели мы до такой степени подопытные кролики? — поднялся Титов. — Уж куда только эти медики к нам не заглядывают. И физкультурники насаждают, и эргономисты интересуются, и еще целый ряд специалистов. Сергей Павлович, будет где-нибудь предел? Они же мешают подготовке.

Королев вздохнул и как-то сочувственно спросил:

— Трудно?

— Неудобно.

— Это другое дело. Но поймите, друзья. На такое дело идем! Многое неизвестно! Естественно, все, что возможно, хочется узнать на земле, до полета. Вы уж потерпите, орелики!

Сергей Павлович посмотрел на часы.

— Вот что. У меня и у вас время дорого. Сделаем так. У каждого есть бумага и чернила. Представьте, что каждый из вас руководитель. Кого бы вы послали в первый космический полет? Какими бы принципами руководствовались? Попробуйте сами себе ответить на этот вопрос. С результатами записей мы вас знакомить не будем, но при отборе первого кандидата учтем ваши пожелания и ваше мнение по принципам отбора. Итак, вам тридцать минут. Евгений Анатольевич потом ознакомит меня с вашими сочинениями. Хранить их для истории мы тоже не будем. Нам просто важно знать ваше искреннее мнение. И еще. В размышлениях своих, естественно, не следует ограничиваться только кругом шестерых представителей. Разговор общий.

Королев вышел из-за стола и вместе с Севастьяновым покинул класс. Еще через час Карпов переступил порог кабинета Королева, который нетерпеливо мерял его широкими шагами.

— Как сочинения? — встретил он Карпова вопросом.

— Все написали. Одни много. Иные несколько слов.

— Ну-ка давайте разберемся. Понимаете, Евгений Анатольевич, мне ведь важно, почему они написали именно так, а не иначе. Почему предложили первым именно этого, а не другого товарища.

— Меня это тоже волнует, Сергей Павлович. Знаете, пользуясь классическими приемами анкет, я после вашего ухода предложил всем не подписываться под своим сочинением. Просто высказаться честно по предложенному вопросу, и все.

— Ну и как? — заинтересовался Королев.

— Смотрите сами. Без подписи нет ни одного ответа. Предпочитают открытый разговор.

— Это же прекрасно. Как вы находите?

— Полностью согласен.

— Тогда прошу вас. Читайте по порядку.

Карпов стал читать сочинения одно за другим. Почти все предлагали первым послать Гагарина, объясняя это его личными качествами: честностью, желани-

ем всегда прийти на помощь товарищу, решительно-стью, широтой знаний, человеколюбием, как выразился один из космонавтов. Королев несколько раз порывался перевернуть сочинения, чтобы найти мнение самого Гагарина, но всякий раз сдерживал себя, решив выслушать все до конца. Некоторые называли несколько кандидатов, будучи не в силах из нескольких выбрать одного. Но и среди них был Гагарин.

Вот Карпов прочел очередное мнение, заставившее Королева невольно улыбнуться. Автор писал: «Мое имя Марс. Так что мне сам бог велел лететь первым. Но если быть честным перед своей совестью, то я бы послал Гагарина, хотя и негоже на опасное дело первым посылать другого. Я уверен, что лучше его с этим заданием не справится никто».

— Да, а что пишет Григорий? — вспомнил Королев сухощавого моряка.

— Он считает, что на «отлично» может выполнить любую задачу. Верит себе. На первое место при отборе, считает, надо ставить отличное знание техники, натренированность, летное мастерство.

— Любопытно. Ну-ка дайте еще раз прочесть.

Королев взял в руки листок и внимательно прочел его.

— Любопытно, — произнес он снова. — По-моему, он незаурядный человек. Как вы считаете?

— Согласен. В вопросах специальной подготовки он в числе лучших. Иногда его можно назвать и просто лучшим. Но меня смущает его нежелание учитывать моральные факторы при выборе первого кандидата. Считает это чисто техническим вопросом, и все.

— Но смел. Смел. Ничего не скажешь, — проговорил Королев и вдруг заметил, что листки кончились. Он удивленно посмотрел на Карпова.

— Разве Гагарин ничего не написал?

— Написал. Я специально отложил, чтобы показать в конце. По-моему, он в некоторой степени обобщил все мнения, хотя и видно, что писал сумбурно, не особенно задумываясь над слогом и порядком изложения своих мыслей.

Королев взял в руки листок, стал медленно читать: «Вопрос очень серьезный, и над ним надо еще много думать. При выборе, вероятно, нужно учитывать множество факторов. Здоровье? Но ведь все мы проходили

медицинскую комиссию, и довольно серьезную. Техническая грамотность? Но все ребята по всем дисциплинам успевают просто прекрасно. Уверен, что любые экзамены сдадут только на «отлично». Будут другие тренировки, но всегда лучшими будут несколько человек. Трудно выбирать. Однако, по-моему, первый полет — это прежде всего высокое доверие, и на первый план при равенстве других качеств должны выйти моральные качества человека. Вероятно, уже сейчас нужно посмотреть, каким будет человек, первым полетевший в космос. На него будет смотреть вся планета. Как-то не думал об этом раньше, а вот задали вопрос, и приходится его решать. Ведь практически решается вопрос создания новой профессии. Какой она будет? Многие решит первый. Поэтому мне кажется, что первым должен быть Человек с большой буквы, настоящий представитель Страны Советов. А с другой стороны, ведь действительно ничего сейчас не известно. Кроме того, любой отказ может произойти чисто случайно, и никто не знает, что последует за ним. Тогда получается, что послали человека на гибель. Брать на себя такое решение... Как-то не задумывался, что конструкторы это делают постоянно. Очень опасно. Но мы же летчики, и каждый мысленно продумал и такую возможную ситуацию, когда решал идти в космонавты. Мы должны быть готовы к любым неожиданностям, для чего и необходима наша столь всесторонняя подготовка. И все же, отбросив в сторону всякие сомнения, я бы доверил, именно доверил, право полета Павлу Ивановичу Беляеву. Он настоящий Человек. С него можно брать пример. Нам, молодым, еще многому надо учиться у него. Он успел даже повоевать на фронте. Я думаю, что и мы успеем слетать в космос. Недаром же нас отобрали с большим запасом. Я очень хочу слетать в космос! Страстно! Хочу п надеюсь, что нас не будут долго задерживать на земле!»

Королев аккуратно сложил листок, выпрямился.

— Верно. Обобщил мысли всех. И кандидата назвал хорошего. Понимает, что Беляев вообще-то олицетворение лучших черт будущего советского космонавта. Жаль, что к нему имеет некоторые претензии медицина.

Королев встал.

— Спасибо, Евгений Анатольевич, за помощь!

И Карпов, понимая, что время Главного конструктора

тора расписано по минутам, не стал задерживаться и, попросившись, быстро покинул гостеприимный кабинет.

А в это время в классе продолжалась стихийная дискуссия, возникшая после ухода Карпова. Некоторое время все сидели молча, не решаясь ни начать разговор, ни покинуть класс. Все понимали, что, если вот сейчас они уйдут и не расскажут друг другу о том, что написали, останется неприятный осадок, хотя такое социологическое обследование было популярно в те дни. По мнению многих специалистов, так можно лучше оценить обстановку в коллективе. Но только не в таком, какой сложился у них. Ведь все космонавты уже давно приняли решение и свято его соблюдали — в любых случаях говорить друг другу только правду.

Юрий, которого одолевали те же мысли, поднял голову. Пора было отправляться домой. Шофер, наверное, нервничает. Он говорил, что куда-то собирается сегодня пойти с женой. Но никто не поднимался со своего места. Одни читали лекции, другие тихо о чем-то спорили. Юрий понял, что все ждут того, кто первым выскажет мучивший всех вопрос. Он встал.

— Вот что, ребята. Нам нечего скрывать друг от друга. Кто полетит, мы не знаем. До этого еще далеко. Много может измениться. Но мы должны оставаться честными друг перед другом. Соперничество нам ни к чему. Я, например, назвал первым кандидатом Павла Ивановича Беляева. Считаю, что среди нас он самый достойный.

Юрий сел. После небольшой паузы поднялся Беляев.

— С одной стороны, мне вроде и неудобно сейчас выступать, так как Юрий меня назвал первым, а я, в свою очередь, отдал пальму первенства ему. Но должен сказать, что на такую рекомендацию я имею полное право.

Он выжидательно посмотрел на ребят и продолжал:

— Я, ребята, хочу слетать в космос. Но вы должны были понять и при первом отборе, и при отборе шестерки, что, кроме прочих качеств, первый кандидат должен обладать исключительным здоровьем. По этим показателям я не стою в числе первых. Юрий тоже не

лучший среди шестерки по здоровью. Все они стоят рядышком.

Я так думаю, ребята, — после паузы снова обратился ко всем Беляев, — после полета космонавт будет знать весь мир. Он будет представлять Советский Союз. И первый космонавт будет проходить огромное испытание славой. А это, скажу я вам, испытание потрудней всех тех, что мы прошли.

Внимательно слушали космонавты рассуждения Беляева, вспоминая, что и сами иной раз задумывались над этими вопросами. Но вот так открыто говорить об этом никто раньше не решался.

После Беляева высказали свое мнение все космонавты. Прошел целый час, а они все говорили, спорили. Может быть, дискуссия продолжалась бы и дольше, но Карпов уже закончил разговор с Королевым. Увидев, что автобус космонавтов все еще стоит на месте, он поспешил в класс.

Беляев при виде Карпова подал команду и доложил, что закончилось обсуждение принятых каждым решений.

Обсуждение, однако, продолжалось и в автобусе. Говорили об этом и в последующие дни. Но конкретного кандидата больше никто не называл. Это был негласный уговор, и никто не пытался его нарушить. Ведь подготовка к первому полету не была завершена, и каждый должен работать так, чтобы попасть в число претендентов на первый космический полет.

* * *

ТАСС сообщил:

«В соответствии с планом научно-исследовательских работ 1 декабря 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск третьего космического корабля на орбиту спутника Земли...»

Полученные сведения дали новые данные для осуществления в недалеком будущем полета в космос человека...»

Далее в сообщении ТАСС говорилось, что при снижении по траектории, отличной от расчетной, корабль-спутник прекратил свое существование.

Несколько дней после неудачного завершения полета очередного корабля-спутника в отряде космонавтов разгорались страстные споры.

Сошлись на том, что к исходу беспилотного эксперимента надо относиться как к рабочему событию. Вывод был ясен: продолжать учиться, тренироваться — настойчиво, спокойно, целеустремленно, со всей ответственностью.

Кто-то принес весть, что Сергей Павлович переживает неудачу с посадкой третьего корабля. Космонавты решили на этот раз сами прийти к нему на встречу и через Карпова передали просьбу принять их.

Сергей Павлович принял делегацию в кабинете и, не дожидаясь вопросов, сам подробно изложил причины изменения траектории корабля. Заканчивая объяснение, он сказал:

— Как видите, все ясно. Но для увеличения надежности предстоит сделать некоторые изменения.

— Сергей Павлович, — поднялся со своего места Титов, — мне поручили от имени ребят сказать, что мы понимаем, что все происшедшее — досадная случайность.

И, несколько смущаясь, Герман закончил:

Только вы не переживайте, хорошо?!

Королев, который до этого момента был сосредоточен и даже казался сердитым, улыбнулся.

— Ну молодцы, орелики. В который раз не я, а вы меня успокаиваете. Спасибо, друзья, обрадовали. Честно говоря, мне действительно было трудно. И все же — вы твердо уверены в своем желании лететь?

Взгляд Королева остановился на Юрии, и он сразу ответил:

— Твердо, Сергей Павлович. Мы ведь правильно поняли все, что вы нам говорили на прошлой встрече.

— У кого еще какие аргументы будут?

— У меня, — поднял руку Григорий. — Я так понимаю, Сергей Павлович, что вы стреляете как артиллерист. Перелет — это первый корабль. Недолет — это третий корабль. Ну а теперь вилка, или, как говорят в артиллерии, огонь на поражение. Все пуски теперь пойдут без сучка и задоринки. Уверен.

— Ну дай-то бог, — пошутил Королев. — Хочу сообщить вам новость. На третьем корабле была установлена специальная аппаратура. Она зарегистрировала мощную вспышку на Солнце. В такой момент полет опасен. Мы получили очень много и другой ценной

информации в этом полете. Так что полностью считать эксперимент неудачным мы не можем.

Разговор незаметно перешел на научные исследования, потом на бытовые темы, и, уже прощаясь, Королев в шутку пожелал холостякам Быковскому и Николаеву жениться, чтобы их на Земле ждали не только родители.

— Это ко многому обязывает, — закончил Сергей Павлович, пожмая на прощание руки космонавтам.

Однако чувство неудовлетворенности не покидало Королева и после посещения космонавтов. Ему нужно было самому проанализировать создавшуюся ситуацию, еще и еще раз взвесить все «за» и «против», чтобы исключить возможность срыва.

Это тем более важно, что неудача была довольно неожиданной. Вполне возможно, что неудача — это досадная случайность. Ну а если это ошибка? Нет, надо еще и еще раз тщательно все продумать.

Сейчас самый главный вопрос — обеспечение безопасности людей, с которыми он только что простился.

Незаметно для себя Сергей Павлович стал думать о космонавтах. Какие они все же молодцы! Истинное мужество необходимо человеку, чтобы после неудачи прийти и сказать: «Мы вам верим и готовы лететь на пойн-технике!»

До сих пор Сергей Павлович считал, что на такое способны только летчики-испытатели. Он мечтал о том, чтобы космический корабль испытывал опытный летчик-испытатель. Но уже в самом начале пришлось отказаться от такого варианта. Первое слово в вопросах выбора кандидатов для первых космических полетов было за медиками. А они были беспощадны. Некоторые летчики-испытатели проходили всю процедуру отбора, по заключения «годен» не получали. Другие отказались даже проходить медкомиссию. Боялись, что найдут скрытые дефекты и отстранят от испытаний новой авиационной техники.

Сергей Павлович вновь подумал о последнем пуске. Он правильно сделал, что решил осуществить дополнительный пуск сверх утвержденной программы. Но достаточно ли одного дополнительного пуска? Второй срыв усложнил задачу.

Да, расходы большие. Но ведь лететь предстоит человеку! Риск должен быть сведен к минимуму. Здесь

экономить нельзя. Значит, надо перед полетом человека осуществить не менее двух успешных космических пусков по полной программе полета человека в космос.

Сергей Павлович вновь подумал о космонавте, которому вскоре предстояло стартовать. Кто он будет? Вся шестерка как живая стояла перед глазами. Он знал о них все. И жизнь каждого в подробностях, и неудачи, и мужественные решения, сильные и слабые стороны характера.

Все были хороши. Все! И все же с большей теплотой Сергей Павлович думал о Юрии Гагарине. Что-то в нем было такое, что располагало к нему, успокаивало и даже прибавляло сил.

Королев понимал, что равнодушен к этому неунывающему парню. Все в Юрии было слито в цельный монолит, было подчинено одному — быть достойным той задачи, которая стояла перед космонавтами.

— Хорошо бы, — подумал Сергей Павлович, — Юрий не подвел и на финише был действительно лучшим из ребят.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МОСКВА — ЗВЕЗДНЫЙ — БАЙКОНУР — КОСМОС — ЗЕМЛЯ. ГОД 1961-Й

Для космонавтов январь 1961 года памятен важным событием. Они завершали подготовку на тренажере космического корабля-спутника.

Придя впервые на тренажер, они не узнали космический корабль. Все иллюминаторы были заставлены специальной аппаратурой, которая воспроизводила перед космонавтом в корабле реальную картину космоса. Движущиеся изображения в иллюминаторе создавали иллюзию космического полета.

Вскоре после первого знакомства шесть космонавтов приступили к тренировкам по ручному управлению космическим кораблем. Работали в скафандрах и без скафандров. Отрабатывали порядок действий при отказе автоматической системы управления, при нарушении работы системы жизнеобеспечения и при других неожиданных ситуациях, которые могли бы возникнуть в реальном полете.

В процессе тренировок космонавты, особенно Герман Титов, внесли много предложений по усовершенствованию как систем корабля, так и отдельных приборов и устройств.

Незаметно пролетели полтора месяца тренировок, и вот теперь пришла пора отчитываться перед очередной жзаменационной комиссией.

В этот день Юрий проснулся с радостным ощущением. Ему не надо было гадать о причине хорошего настроения. Он знал, что сегодня их небольшой группе первых кандидатов предстоит держать главный экзамен — экзамен на право управлять космическим кораблем. В таких случаях у него всегда поднималось настроение. Ведь этот экзамен означал, что пройден практически последний подготовительный период перед полетом в космос. Экзамен его не пугал. Он был уверен в своих знаниях. Не раз проверял себя и товарищей, готовясь вместе с ними преодолеть этот рубеж.

В институт приехали значительно раньше, чем требовалось. Членов комиссии еще не было, и космонав-

ты разбрелись по залу, каждый по-своему стараюсь заняться чем-нибудь, повторить отдельные вопросы, в которых когда-то были сомнения. Но что повторять, если все уже тысячу раз повторено? На что обратить внимание?

Юрий подошел к кораблю, позвал ребят.

— Давайте сделаем так. Я сейчас коротко расскажу о корабле и его системах. Ошибусь, поправляйте.

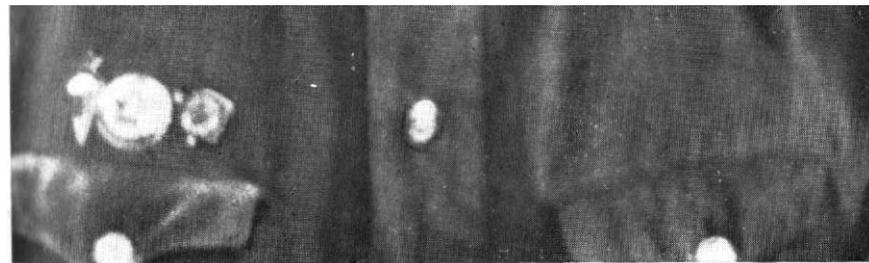
— Начинай, — ответил за всех Андриян, и Юрий приступил к лекции:

...Космический корабль конструктивно состоит из двух отсеков: спускаемого аппарата и приборного отсека. Отсеки соединяются при помощи четырех стальных лент, запертых пиротехническим замком. Спускаемый аппарат с кабиной космонавта выполнен в форме шара диаметром 2,3 метра и покрыт теплозащитным материалом. Его вес 2,4 тонны. В кабине космонавта три иллюминатора, защищенных жаропрочным стеклом. Вес корабля составляет 4,73 тонны.

Космонавт в скафандре располагается в катапультируемом кресле в положении, удобном для перенесения перегрузок. В кресле находится система вентиляции скафандра, парашютные системы и наземный аварийный запас, в состав которого входят вода, пища, радио и сигнальные средства. Кресло служит одновременно и для катапультирования на старте в случае возникновения аварийной ситуации. Специальные ракетные двигатели, установленные на нем, удаляют космонавта из опасной зоны и поднимают на высоту, достаточную для надежного срабатывания парашютной системы.

Для ориентирования корабля в полете служит система одноосной ориентации. Она включает гироскопические и оптические датчики, логические устройства и микрореактивные двигатели, работающие на сжатом газе. Ориентация осуществляется автоматически и вручную. В последнем случае используется оптическое устройство «Взор». По земному глобусу на приборной доске можно определить местоположение корабля относительно Земли.

Система кондиционирования поддерживает в кабине корабля давление в пределах 750 миллиметров ртутного столба, нормальную влажность воздуха и концентрацию кислорода, а также температуру в пределах 15—22 градусов. Запасы пищи, воды, химических

Курсант Юрий Гагарин.

Дом Гагариных. Деревня Клушино Смоленской области.

Юрий и Валентина.

Семья Гагариных.

Заполье. Перед полетом.

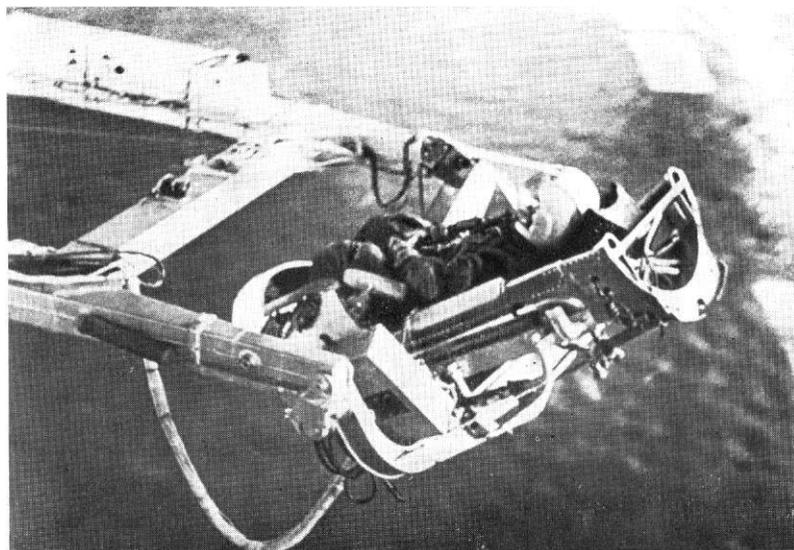
Юрий, Валентина и Леночка.

Перед парашютным прыжком.

Двое и музыка.

На центрифуге.

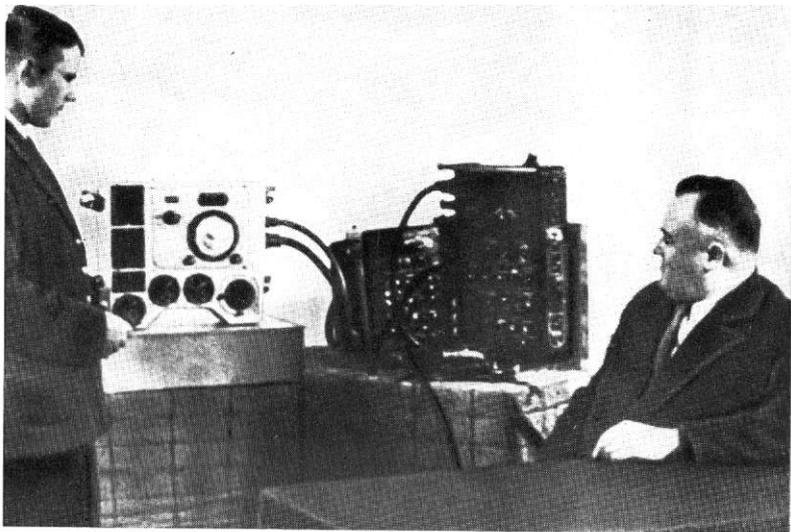
Капитан Павел Попович.
Незадолго до полета.

Хоккей игра космо-1
навтов.

Вот она, космическая техника.

Беседа с Главным конструктором.

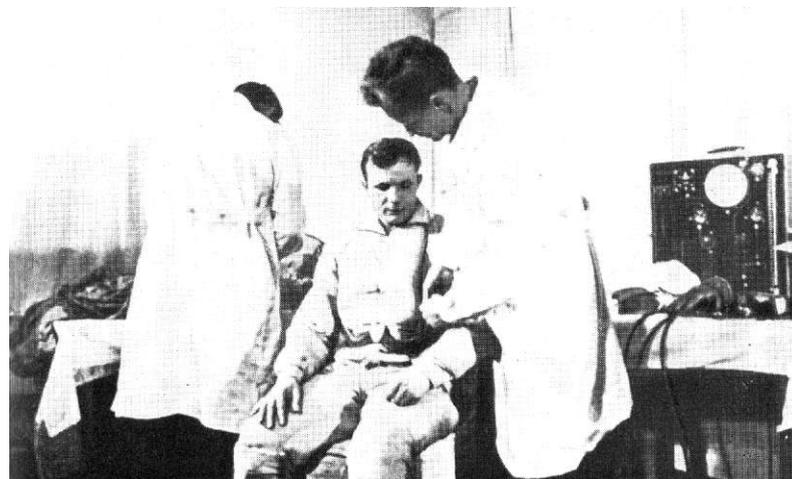

Экзамен принимает С. П. Королев.

В ученье трудно.

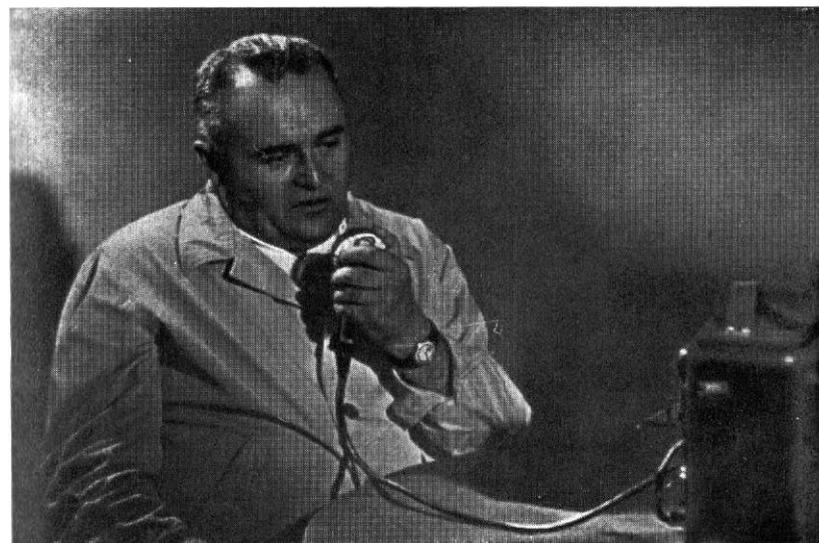
ч II

Важна каждая мелочь...

Главный конструктор и Первый космонавт. Перед стартом.

У микрофона С. П. Королев.

Есть полет!

Год 1961-й. Весна.

Юрий, Валентина
и Галочка.

Весть о сыне.

Интересная книга.

К полету готов!

Чрезвычайные братья. Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов.

Космонавт-1 и Космонавт-2.
на ВТ-2.

Военно-воздушная академия. У памятника «Покорителям космоса».

веществ для регенерации воздуха рассчитаны на десятисуточный полет.

Корабль снабжен радиоаппаратурой для связи космонавта с землей, телеметрической системой, позволяющей с помощью датчиков постоянно контролировать состояние и самочувствие космонавтов, работу бортовых систем и параметры среды в кабине космонавта...

При сходе корабля с орбиты включается тормозная двигательная установка. Команда на ее включение выдается вручную или автоматически с земли. После окончания работы тормозной двигательной установки происходит разделение отсеков. Приборный отсек сгорит в плотных слоях атмосферы, а спускаемый аппарат, покрытый слоем теплозащиты, тормозится в атмосфере. Температура пограничного слоя при этом возрастает до 3—5 тысяч градусов, а аэродинамическое сопротивление достигает 20 тонн. Спуск проходит по баллистической траектории.

Баллистический спуск продолжается до высоты 7000 метров, после чего происходит отстрел крышки люка и раскрытие парашюта. Возможен вариант, когда космонавт катапультируется. На высоте 4000 метров кресло отделяется от космонавта и приземляется отдельно, а космонавт спускается на парашюте. Наземный аварийный запас спускается с космонавтом на фале длиной 15 метров. Скорость приземления 6 метров в секунду.

Приземление спускаемого аппарата в этом варианте также осуществляется на своей парашютной системе.

Закончив свой доклад, Юрий вопросительно посмотрел на ребят. Валерий Быковский поднял вверх большой палец.

— Нечего добавлять. Если, конечно, экзаменатору не захочется узнать некоторые подробности. Давайте пройдем конкретно по системам.

Космонавты по очереди стали рассказывать о системах корабля, точно перечислять их особенности и порядок работы с ними.

Время пролетело незаметно. К приходу членов комиссии добровольный мини-экзамен был практически закончен.

Первым держал экзамен Юрий Гагарин. Он четко доложил членам комиссии о своей готовности, ответил

на вопросы о конструкции корабля, и в заключение была зачетная тренировка по полной программе космического полета.

Юрий не волновался, когда слышал слова инструктора, ставшего задачей:

— Старший лейтенант Гагарин, вам предстоит на космическом корабле «Восток» совершить полет по орбите спутника Земли. Посадка в корабль и ваши действия по программе.

Все было привычно, отработано до автоматизма. Юрий быстро занял свое место в корабле и доложил:

— Я — «Кедр», начинаю проверку оборудования.

Он продолжал привычную работу, слушал голос инструктора, отсчитывающего секунды, оставшиеся до старта. И вот наконец — 5... 4... 3... 2... 1... старт.

Сквозь закрытый люк Юрий услышал рев двигателей. Он знал, что эти звуки записаны на магнитофонную пленку, и все же его охватило торжество. Ведь точно так же он может услышать и рев реальных двигателей ракеты, которая помчит его в космос. Вот уже по звуку Юрий определил, что отработала вторая ступень, затем третья. Корабль вышел на орбиту. Юрий увидел во «Взоре» знакомую картину проплывающей Земли. Кто знает, такой ли она будет видна с орбиты?

Юрий четко работал по программе полета, докладывал о малейших изменениях в показаниях приборов. Ведь эти изменения здесь, на земле, могли происходить и по воле инструктора или членов комиссии. Он постоянно пробегал глазами по приборам, все время ожидая какой-либо вводной. И она не заставила себя долго ждать. С земли поступило сообщение:

— На корабле вышла из строя система автоматической ориентации. Ваши действия?

Юрий улыбнулся и доложил:

— «Заря»! Я — «Кедр». Вас понял. Отказала система автоматической ориентации. Разрешите посадку с помощью ручной системы.

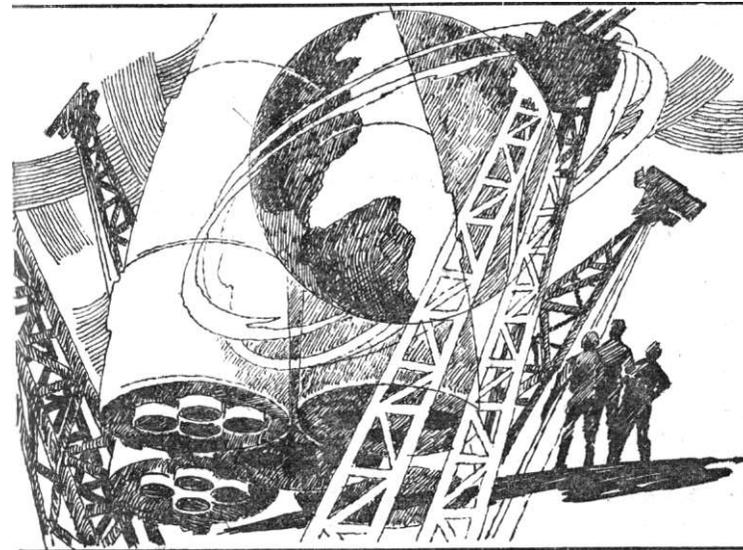
Разрешение последовало, и Юрий открыл пластмассовую защелку на боковой стенке. Там было записано четыре цифры, набор которых на специальном устройстве позволял космонавту взять управление кораблем на себя.

Цифры набраны, включен тумблер «Ручная ориентация», и Юрий с помощью ручки управления стал

ориентировать корабль по «Взору». Удалось это быстро, и он сразу же доложил:

— Корабль сориентирован. Разрешите спуск по программе номер два.

Получив разрешение, он сразу по «Глобусу» определил, что место посадки приходится на один из районов Сибири. Но «приземлиться» в этот район ему не пришлось. Комиссия удовлетворилась проверкой и приступила к экзамену второго кандидата, Германа Титова.

* * *

9 марта 1961 года в Советском Союзе был выведен на орбиту спутника Земли четвертый корабль-спутник... Основной целью запуска являлась дальнейшая отработка конструкции корабля-спутника и установленных на нем систем, обеспечивающих необходимые условия для полета человека...

Из сообщения ТАСС

Старт корабля прошел успешно. С нетерпением ожидали известий о посадке. И вот пришло сообщение: «Посадка космического корабля прошла успешно!»

Для Юрия этот день был вдвойне радостным: он отмечал свой день рождения, и друзья шутили, что старт четвертого космического корабля — это подарок ему, Юрию Гагарину.

Еще об одном радостном событии он узнал два дня назад: у него родилась вторая дочь.

Такие события отметить только чаем трудно, и Юрий, посоветовавшись с врачом, выставил на стол кагор. Чисто символически все выпили за дочь Юрия, за Валу, за него. Произносятся тосты, гости вспоминали события напряженного года совместной работы.

Вечер воспоминаний прекратил Карпов. Он строго следил за соблюдением распорядка дня, особенно в преддверии будущих событий.

Вскоре в квартире осталось всего несколько человек. Борис Волинов, молчавший в течение всего разговора, вдруг неожиданно поднялся.

— Юра, хочу спросить тебя. Что ты думаешь о славе?

— С чего это вдруг такой вопрос? — не понял Юрий.

— Да вот мы решили поговорить с тобой об этом.

Борис посмотрел на сидевших рядом Николаева, Поповича, Леонова, Беляева, Комарова. Николаев подержал Бориса:

— Понимаешь, Юра, мы убеждены, что первым полетишь ты. А потому вот тебе наше напутствие: самое трудное быть первым, но мы все крепко в тебя верим. И еще одно: какая бы слава на тебя ни обрушилась, мы надеемся, что ты останешься самим собой, таким, каким мы знаем тебя сейчас.

Юрий взволнованно заходил по комнате, стал убеждать, что и другие кандидаты не хуже подготовлены. Но его остановил Беляев, авторитет которого был непререкаем в любых спорах:

— Ты помнишь, Юра, наш разговор, каким должен быть первый космонавт? С тех пор мы никогда не произносили конкретных имен. Но и сегодня наше мнение не изменилось. Не знаю, каким будет окончательное решение членов Государственной комиссии, но мы свой выбор уже сделали и доложили наше мнение соответствующим лицам. Ты наиболее подготовлен из нас. Почему мы тебе об этом говорим? Нам кажется, что тебе будет легче лететь, если ты чуть раньше нач-

нешь привыкать к этому. Да и у других кандидатов будет определенность.

— Спасибо, ребята, за доверие. Если все будет так, как вы думаете, я не подведу. А насчет славы... Вот вам мое сердце. Оно всегда останется таким же, — сказал взволнованно Юрий.

Борис уходил последним.

— Что ж ты меня не предупредил о разговоре?

— Извини, Юра, не имел права. Ребята просили не говорить. А знаешь, я уверен, что решение комиссии будет таким же, как наше.

— Почему?

— Интуиция. Да и наблюдение.

— Выкладывай.

— А нечего выкладывать. Я заметил, что Королев пытается тебя при проверках больше других. Так всегда поступают с любимыми учениками, чтобы не ошибиться. Чем-то ты ему пришелся по душе. И потом, каждый из шестерки чем-то выделяется. Герман знаток техники, Григорий виртуоз на тренажере. Николаева же прошибет никакая центрифуга. А ты ничем не выделяешься. У тебя все ровно, все хорошо. В этом твое большое преимущество перед другими.

Юрий внимательно слушал Бориса. Он всегда старался дать оценку своим действиям. Но вот на такие детали он не обращал внимания.

— А вообще, тебя просто очень любят все ребята. Так что ты это учти. И, честное слово, мы недаром спросили тебя о славе, — сказал перед уходом Борис.

* * *

Пятый советский корабль-спутник был выведен на орбиту вокруг Земли 25 марта 1961 года.

Из сообщения ТАСС

О подготовке к старту пятого космического корабля с целью окончательной проверки всех систем космонавтам сообщили заранее. Их обрадовало приглашение Сергея Павловича присутствовать при старте.

Не успел еще Ил-14 взять курс на Байконур, как космонавты стали посматривать в сторону Карпова. Сообщение о поездке было неожиданным, сборы недолги-

ми, и Харпш ооещал ооо всем подрооно рассказать во время перелета.

Никто не решался первым задать вопрос: не хотелось прослыть слишком любопытным. А Карпов не спешил сообщать новости, будто испытывая терпение каждого. Все постепенно успокоились, следуя золотому армейскому правилу — все необходимое сообщат вовремя.

Наконец Быковский не выдержал. Он насмешливо посмотрел на товарищей и, глядя куда-то в сторону, тихо произнес:

— Чует мое сердце, скажут кому-то из нас: «Собирайся в космос».

Даже спокойный Андриян не утерпел и заговорил!

— Думаете, зачем нас везут на космодром? Для знакомства с обстановкой. Чтобы мы имели представление о старте. Вот он и состоится в нашем присутствии. Во всяком случае, я думаю, что просто для экскурсии нас бы не повезли.

Карпов решил, что хватит томить ребят.

— Андриян прав, — начал он, — завтра на космодроме состоится последний старт космического корабля с собакой на борту. Полет, как и предыдущий, пойдет по полной программе. Вместо космонавта будет манекен.

— Иван Иванович? — спросил Герман.

— Верно, Иван Иванович, — подтвердил Карпов. — Так уж прозвали его специалисты. Ну и недели через две полетит кто-нибудь из вас. — И Карпов внимательно посмотрел на Гагарина. Юрий почувствовал, что краснеет, и отвернулся к иллюминатору. Но сидящий рядом Валерий подтолкнул его локтем и шепнул на ухо:

— Не отворачивайся. Ты же знаешь, что мы тоже так думаем.

Юрий посмотрел на товарищей и понял, что никто не обратил внимания на его замешательство, а может, сделали вид, что не поняли его причины. Слова Беляева начинали сбываться. К этому еще нужно было привыкать. И хорошо, что никто не шутил по этому поводу.

Их встретили, разместили в просторных номерах современной гостиницы, провели по всему городку. На добровольного экскурсовода вопросы сыпались рекой. Он только успевал отвечать на них.

Юрий не ожидал увидеть здесь такой благоустроенный городок. Ведь первый спутник запустили всего три

с половиной года назад. «Да, это трудовой подвиг», — подумал он.

Кто-то из космонавтов задал вопрос:

— А вы тут давно живете?

— С первых колышков.

Ответ прозвучал гордо, даже с некоторым вызовом, по никто не обиделся.

— Я тут действительно старожил, — продолжал свой рассказ экскурсовод. — Каждый столбик здесь нашими руками поставлен. А во что вложил частицу труда, то и любишь. Твое на всю жизнь. А как начинали! Дорог никаких — ездили по целине. Машины завязали в песке. Все бы ничего, да не сразу привыкли к жаре. Между прочим, я северянин. Тяжело было очень. Мечтой жили..

Юрий представил себе голую пустыню и самоотверженно идущих навстречу ветру людей. Они шли, а позади них оставались здания, мачты электропередачи, построенный город. Теперь он зримо ощутил, какой огромный труд ему предстоит завершить.

На следующее утро автобус вез их по бесконечно длинной дороге к стартовой площадке. Кругом была степь. Изредка попадались строения. Все с нетерпением смотрели вперед. Наконец показалось величественное сооружение, издали похожее на огромную домну. Это была подготовленная к старту ракета.

Сергей Павлович разрешил осмотреть ракету вблизи. В шутку попросил только ничего не отворачивать. Космонавты долго ходили по площадке, не скрывая своего восхищения могучей машиной. Как ни хотелось космонавтам уезжать со стартовой площадки, но программа посещения космодрома была расписана по минутам, и их пригласили в лабораторию. Сопровождавший группу специалист показал на симпатичную дворняжку дымчатой масти.

— Прошу познакомиться. Наша очередная путешественница.

— Как ее зовут? — спросил кто-то из ребят.

— Дымка.

— Ну что за кличка, — возразил Юрий, — героическая собачка и вдруг Дымка.

— Придумайте имя получше.

— Давайте назовем ее Звездочкой, — предложил Юрий.

Вскоре из бункера управления космонавты с заманием сердца следили за стартом своей крестницы.

Старт космической ракеты — захватывающая, незабываемая картина. Небывалое чувство восхищения и гордости охватило космонавтов:

— Теперь скоро и наша очередь!

Полет Звездочки завершился успешно, и все были твердо уверены: скоро старт и первым будет Гагарин.

Юрий возвратился домой полный впечатлений. Ему очень хотелось обо всем рассказать Вале. Но он боялся ее волновать.

— Юра, а правда, что ты первым полетишь в космос?

— Что? — в изумлении поднял брови Юрий.

— Все жены об этом знают. Одна я ничего не знаю, — с обидой сказала Валя.

— Хочешь серьезно? — Юрий подошел к Вале.

— Ты же знаешь, что кандидатов шесть человек и назвать сейчас первого просто невозможно. Мы все готовы к полету. Но только там, на космодроме, будет названо имя первого. А пока мы предполагаем, что кто-то из нас будет первым.

— Выходит, это ребята предполагают, что ты будешь первым?

— Вероятно. И я рад этому.

— Юра, а ты не думаешь, что может что-нибудь случиться?

— Не надо, Валя. Летчик ведь тоже рискует постоянно.

Валя заплакала, уткнувшись в Юрино плечо.

— Привыкнуть. Попробуй привыкнуть. Все время в ожидании. Там риск привычный. Там есть парашют, а тут...

Юрий не останавливал ее. Он знал, что через некоторое время она успокоится и даже начнет его подбадривать. Он дождался, пока она успокоилась.

— Хорошо, что ты узнала о моем предположительном полете. Тебе потом будет легче переживать. Скажу по секрету. У нас уже назначили из шестерки троих. В эту тройку вхожу и я. Но знай твердо, Валя, я полечу для того, чтобы вернуться! Слышишь, Валя, я вернусь! — повторил Юрий и внимательно посмотрел Вале в глаза.

Юрий хотел сказать еще что-то, но Валя мягко закрыла ему рот ладонью.

— Не надо, Юра. Так будет лучше. Не будем об этом говорить.

— Не будем, — засмеялся Юрий и удивился — до чего же спокойно себя чувствует. Космонавты не раз обсуждали между собой возможный риск. И вот результат. Он привык не придавать ему большого значения. Это помогало в работе, не отвлекало. Он понимал, что чем ближе к полету, тем будет больше волнения. Но это уже будет волнение перед боем, которое не имеет ничего общего со страхом. Теперь понял он по-настоящему цену парашютным прыжкам, цену тем моментам, когда пришлось преодолеть себя и идти на новый неизвестный эксперимент. И все это их наставники называли просто: «Воспитание воли».

Партийное собрание перед отлетом на космодром состоялось на открытом воздухе. Быстро вынесли под раскидистые сосны столы, стулья. Вскоре весь небольшой коллектив, участвовавший в подготовке космонавтов к первому полету, собрался, чтобы сказать им свое напутственное слово.

Первым выступил Карпов. Он зачитал официально документы о допуске к полету троих космонавтов и пожелал им успеха. Затем дал слово Гагарину.

— Товарищи, я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов. Заверяю коммунистов в том, что не пожалею ни сил, ни труда, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства, — Юрий подумал секунду и добавил: — Я присоединяюсь к многочисленным коллективам ученых и рабочих, создавших космический корабль, и посвящаю полет XXII съезду КПСС.

Вслед за Юрием выступили и другие кандидаты. Заверив присутствующих, что, если им выпадет честь отправляться в космос, они выполнят задание, как положено коммунисту.

Домой Юрий пришел в прекрасном настроении. Валя, зная о его скором отъезде, старалась в эти дни никуда не отлучаться. Взглянув на мужа, она тут же поняла, что пришла пора расставаться. Она чуть было снова не расплакалась, хотя и готовилась к этому дню.

— Валюша, есть предложение прокатиться в Москву. Валя растерялась.

века И где каждый мечтает! шишпаю лит удин рью и ЖИЗНИ.

Доступ в Мавзолей В. И. Ленина уже был закрыт. Пестрая толпа москвичей и гостей столицы заполнила площадь.

Юрий с Валею медленно прошли вдоль ГУМа, остановились под деревом напротив Мавзолея. Юрий крепко прижал к себе руку Вали и прошептал:

— Пожелай мне удачи!

— Желая, Юра!

И Валя, склонив голову на плечо мужа, закрыла глаза, чтобы нечаянно не выдать своего беспокойства.

— Я мечтаю слетать в космос. Ребята считают, что должен лететь я. Но это еще не решение Государственной комиссии. Я уверен в том, что и каждый из них лично выполнит задание.

Юрий повернулся к Вале и увидел ее закрытые глаза:

— Ты что, Валюша?

— Все в порядке, Юра. Просто пытаюсь представить все, о чем ты рассказываешь. — И Валя легко коснулась рукой шинели мужа. — Говори, Юра. Я очень внимательно слушаю.

— Ты знаешь, что для меня сейчас самое страшное? — Валя улыбнулась и отрицательно покачала головой. — Самое страшное для меня сейчас — заболеть. Говорят, спортсмены в очень хорошей спортивной форме тоже очень боятся этого. Организм не может долго находиться в высшей степени готовности. Он легко подвержен различным болезням, особенно простудным, гриппу. Это парадоксально на первый взгляд, но это именно так.

— Теперь понятно, — засмеялась Валя, — почему с некоторых из вас пылинки сдувают и чихнуть рядом боятся. Тонкая натура требует и тонкого обращения. Так?

— Ты медик. Тебе виднее.

Они постояли еще некоторое время и медленно пошли к Москве-реке.

Долго, бродили они по Москве, совсем забыв о времени. Когда вернулись домой, дочки, не дождавшись их, уже спали в своих кроватках.

Еще через сутки специальным рейсом самолет увез Юрия вместе с товарищами на космодром, с которого одному из них предстояло стартовать в космос.

— А как же Галочка? — неуверенно спросила она Юрия.

— Галочка будет спать. А Тамара присмотрит. Я договорился.

От его веселой улыбки Вале стало легче на душе, и она тоже засмеялась.

Через двадцать минут они уже сидели в электричке. Валя молчала, не решаясь задать мужу вопросы, которые не давали ей покоя. Молчал и Юрий, сосредоточенно рассматривавший что-то за окном вагона. Но вот он повернул голову и тихо спросил:

— А ты знаешь, почему мне захотелось поехать в Москву?

Валя неловко улыбнулась в ответ, неуверенно пожала плечами. Юрий осторожно взял ее за руку.

— Понимаешь. Хочу еще раз побывать на Красной площади. Побывать именно с тобой. Слишком много событий было в последние дни, и мне хочется все-все рассказать тебе. Помнишь, как мы ехали из Гжатска и я привез тебя на Красную площадь?

— Помню. Мы с тобой почти на сутки из-за этого задержались. Зато Москву посмотрели. Я ведь, кроме Оренбурга, нигде не бывала.

— А я поездил. Только вот на главную площадь страны никак не мог попасть. У меня с ней многое связано.

Мне было всего семь лет, когда я впервые услышал слова «Красная площадь». Услышал так, что запомнил на всю жизнь. Наша деревня была тогда оккупирована. Я уже понимал, что надо прятаться от фашистов. Понимал, почему радостные и веселые лица односельчан стали хмурыми и злыми. А в тот день все изменилось. Люди шептались, передавали друг другу какие-то новости, и сразу лица их становились радостными. Что-то происходило в жизни значительное, чего я не мог понять. По словам односельчан на всю жизнь запомнил, что на Красной площади в Москве в тот день был парад. Потом фашистов отбросили от Москвы...

Увлеченные разговором, они и не заметили, как быстро приехали в Москву. Народу в метро было немного, и уже через пятнадцать минут, выйдя на станции «Проспект Маркса», они оказались на Красной площади.

Юрий остановился. Вот она, главная площадь страны. Место, дорожке которого нет для советского чело-

Прошло уже четыре дня после прибытия космонавтов на космодром. Тренировки продолжались и здесь. Занимались волейболом, теннисом, гимнастикой, бегом, снова и снова повторяли все, что знали о корабле и своих действиях на борту корабля. Здесь же, в монтажно-испытательном корпусе, обживали корабль, который должен был увезти одного из них в космос, отрабатывали действия по ручному спуску с орбиты, по работе с системой вентиляции и регенерации в кабине.

Все эти дни Сергей Павлович внимательно присматривался к ним, с каждым днем убеждаясь в справедливости слов Каманина, что космонавты готовы к выполнению задания. Такой вывод радовал: это был еще один аргумент в пользу того, что ориентировочное число старта — 12 апреля — можно было с полной уверенностью назвать окончательным.

Намеченное на 11 часов совещание технических специалистов по подготовке к пуску ракеты-носителя космического корабля «Восток» с космонавтом на борту началось точно в назначенное время. Всего за несколько минут до его открытия из Москвы прибыл председатель Государственной комиссии.

Совещание, или, как его называли на космодроме, «Совет богов», начало серьезный и деловой разговор о готовности к старту.

Все прекрасно представляли себе всю грандиозность предстоящего 12 апреля события. Но никто не захотел ограничиться только этим днем. Все смотрели в будущее, строили планы, мечтали. Доклады о готовности чередовались замечаниями, которые, по мнению специалистов, следовало бы учесть в будущем. Именно эта забота о будущем больше всего радовала Сергея Павловича, вселяла огромную веру в исполнение всех задуманных им планов.

В конце совещания было окончательно разработано задание космонавту на одновитковый полет, которое должна была утвердить Государственная комиссия, а подписать — Королев, Келдыш, Каманин и другие товарищи, ответственные за полет.

В тот же день Каманин сообщил своим питомцам о принятом решении. Он предупредил космонавтов, что на следующий день каждый потренируется в корабле по

разработанному заданию. Придется отвечать и на многочисленные вопросы специалистов.

Все послеобеденное время Гагарин и Титов занимались проверкой и подгонкой своих скафандров и парашютной системы. Работу вели не торопясь, с шутками и прибаутками, чему в большой степени способствовало присутствие и острое слово всегда заряженного на шутку Никитина. Он не оставлял своих питомцев со времени парашютных прыжков и теперь давал последние советы, собственноручно еще и еще раз проверял надежность спасательных средств.

Секунды, минуты и часы уходили в прошлое, приближая заветное время старта. Намеченная дата уже стала известной космонавтам, но неизвестным оставался главный вопрос: кто же полетит? Никто на космодроме ответить на него окончательно не мог. Даже Каманин и Королев.

8 апреля 1961 года

С утра Гагарин и Титов обживали свое космическое жилище. Кому-то из них предстояло совершить первое в истории человечества путешествие в неведомые просторы. И хотя мнение большинства сходилось на том, что полетит Гагарин, оба космонавта сами в этом еще не были уверены. У каждого из них было огромное желание узнать, что же такое космос, ощутить его, увидеть. Страх перед неизвестным не было.

Космонавты знали, что сегодня с утра началось заседание Государственной комиссии, которая должна была утвердить программу полета. Что касается кандидатуры первого космонавта, ее должны были утвердить позднее, но складывалось общее мнение — полетит Юрий Гагарин.

Прошла неделя после отъезда Юрия. Тревога первых дней постепенно уходила от Вали, вытесняемая заботой о маленьких дочурках и повседневными хлопотами. Она стала привыкать к этому состоянию ожидания, и оно уже не казалось таким пугающим.

Влияло и то обстоятельство, что главные события происходили не здесь, под Москвой, а где-то там, в неведомой степи. А это не придавало такой остроты ее чувствам, как если бы она видела Юрия ежедневно в

состоянии ожидания предстоящего полета. Постепенно она внушила себе мысль, что, возможно, Юрий не полетит. И это помогало ей меньше переживать перед неизвестностью.

Но так было до сегодняшнего вечера, когда Павел Иванович Беляев после долгих окольных разговоров сообщил, что Юрий, очевидно, будет назначен основным пилотом для первого полета в космос.

Валя ничем не выдала своих чувств и только после его ухода, уложив дочек спать, расплакалась. Слезы сами, помимо ее воли, лились из глаз, то радостные, то горькие.

9 апреля 1961 года

Воскресный день, но на пусковой площадке и пункте управления кипит работа. Занимались по намеченной программе и космонавты.

В конце дня Каманин решил: «Хватит томить ребят, пора объявить решение комиссии».

Николай Петрович пригласил к себе Юрия и Германа, побеседовал о ходе подготовки, а потом спокойно произнес:

— Комиссия решила: летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Гагарин не смог сдержать своей радости. На лице Германа на мгновение мелькнула тень досады. Но ее тут же сменила дружеская улыбка. Он крепко обнял Юрия и пожелал успеха.

Каманин добавил, что свое окончательное решение Государственная комиссия утвердит 10 апреля в торжественной обстановке. Будут кинооператоры, фотокорреспонденты, так что обоим надо подготовиться. Это будет исторический день, запечатленный в документах и воспоминаниях живых свидетелей. Вплоть до посадки в корабль оба космонавта должны быть в полной готовности к полету. Все может случиться. Вдруг основной пилот заболит или даже просто не справится со своим волнением.

10 апреля 1961 года

Ровно в 11 часов состоялась встреча членов Государственной комиссии, ученых, конструкторов и ракетчиков с космонавтами. Это было официальное представление капитанов первых космических кораблей.

Первым выступил Главный конструктор. Именно он настоял на сегодняшней встрече. Он хотел, чтобы подобные встречи стали традицией перед будущими космическими стартами. Так острее чувствуется взаимная ответственность участников этого грандиозного дела.

В своих кратких взволнованных выступлениях Юрий и Герман горячо поблагодарили за оказанное доверие.

Торжественное заседание Государственной комиссии состоялось в тот же вечер в небольшом конференц-зале, на втором этаже монтажно-испытательного корпуса. Зал празднично убрали, расстелили ковры, расставили столы и кресла.

Сергей Павлович Королев доложил о ходе подготовки космического корабля «Восток» и попросил Государственную комиссию разрешить вывоз ракеты-носителя и космического корабля на стартовую позицию для подготовки к пуску 12 апреля в 9 часов 7 минут по московскому времени. Разрешение было дано единогласно.

По второму вопросу докладывал генерал Каманин:

— Все космонавты к полету готовы. Нам было трудно из шести кандидатов выделить одного. Но такое решение нужно было принять, и мы предлагаем утвердить первым для выполнения космического полета старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича, запасным пилотом — Титова Германа Степановича.

Как ни готов был Юрий к этим словам, но он вновь не смог сдержать своей радости, и широкая открытая улыбка засияла на его добром, простом русском лице. Его не смущал ни свет юпитеров, ни щелканье фотоаппаратов. Теперь он был твердо уверен, что не позволит никакой случайности помешать ему увидеть своими глазами все, что делается там, на космической вышоте.

11 апреля 1961 года
5 часов 00 минут

Сергей Павлович спал всего несколько часов. Ровно в пять часов утра он был уже на месте, чтобы по старой космодромовской традиции проводить тяжелый состав с ракетой-носителем и космическим кораблем до поворота к стартовой позиции.

Однако оказалось, что при очередной проверке системы телеметрического контроля произошел сбой и теперь специалисты копошились на самом верху ракет-

ного комплекса, устраняя неисправность. Руководитель работ ничего не доложил Королеву, и он понял: надеются быстро устранить дефект и войти в график подготовки без отставания.

Королев посмотрел на часы, но вмешиваться не стал. Специалисты знают свое дело. Лучше им не мешать. И они действительно успели. Вскоре Сергей Павлович уже шел за медленнодвигающимся тепловозом. «Будет величайшей несправедливостью, — думал он, — если самоотверженный труд такого огромного количества людей вдруг сорвется из-за какой-то случайности. Нельзя этого допустить. Просто нельзя».

У поворота он несколько минут постоял молча, а затем решительно направился к ожидавшей его машине.

Ракета и корабль вскоре были тщательно установлены на стартовую позицию, и специалисты приступили к выполнению работ по суточной готовности к пуску.

Отсчет времени пошел на минуты...

13 часов 00 минут

По плану суточной готовности в это время предстояла встреча командира космического корабля и его дублера со стартовой бригадой.

Это тоже было одно из пожеланий Королева. И космонавты, и участники подготовки старта космического корабля должны лично знать друг друга. Это, по мнению Сергея Павловича, сделает их ближе, роднее, повысит ответственность каждого перед самим собой и друг перед другом, как это давно существует в авиации между летчиком и техническим составом на аэродроме.

Космонавты пришли на стартовую площадку значительно раньше намеченного срока. Они побродили вокруг ракеты, послушали, что говорят специалисты о ходе подготовки к пуску. Вид ракеты на старте вновь вызвал у них чувство восхищения и гордости.

Сергей Павлович не торопился — пусть походят, посмотрят, а пока он отозвал в сторону Каманина и попросил:

— Николай Петрович, вы информируйте меня почаще о состоянии космонавтов, их самочувствии, настроении.

160

— Волнуетесь за них? — не удержался от вопроса Каманин.

— А как вы думаете? — ответил Королев. — Ведь в космос летит человек! Наш, советский человек, Юрий! Ведь я его знаю давно. Привык. Он мне как сын!

Возле ракеты, ближе к лифту, стал собираться народ, зашумел нестройный гул голосов. Среди них были и космонавты.

Сергей Павлович закончил разговор и поспешил к ним. Там, кажется, начиналось самое интересное и важное. Нужно было сделать все, чтобы космонавт не почувствовал себя пассажиром, которого впопыхах впили в вагон отходящего поезда. Хотелось, чтобы эта встреча надолго запомнилась и космонавтам, и стартовой бригаде, стала традиционной.

Митинг получился сам собой. Кто-то первым взобрался по трапу вверх к лифтовой площадке, попросил у всех внимания и доложил, что гарантирует качество работ, выполненных членами его группы специалистов.

Затем о готовности аппаратуры к старту доложили другие. Все понимали волнение космонавтов и, как могли, пытались их подбодрить.

Но вот наконец выступил последний представитель стартовиков. Пауза. Юрий Гагарин переглянулся с Германом Титовым и сделал несколько шагов вверх.

Он сердечно поблагодарил всех за труд и, в свою очередь, заверил, что сделает все, зависящее от него, чтобы с честью завершить их усилия и труд тысяч людей, участвовавших в создании ракеты и космического корабля, чтобы полет этот явился триумфом для страны, строящей коммунизм.

Много и часто выступал до этого Юрий на партийных, комсомольских, строевых и иных собраниях, но никогда волнение не было таким ощутимым, таким радостным, таким счастливым.

Очень не хотели стартовики отпускать Юрия с Германом, но их распорядок был расписан по минутам. И сейчас им предстояло отправиться на несколько необычный обед, где не было привычного запаха наваристого борща, не было ложек и вилок. Обоим предстояло попробовать космическую пищу.

Первый космический обед состоял из привычных блюд — щавелевого пюре с мясом, мясного паштета и шоколадного соуса. Разница состояла лишь в том, что блюда эти находились в специальных тубах, похожих на

тубики зубной пасты. Каждая была весом 160 граммов. Нельзя сказать, чтобы было очень вкусно, но, как говорится, есть можно. Пищу выдавливали из туб так, чтобы ни одна крошка или капля не попали мимо рта. Иначе в невесомости их не поймать.

17 часов 00 минут

Юрий и Герман только что сдали последний экзамен. Вернее, даже экзаменом это последнее собеседование со специалистами нельзя было назвать. На каждый вопрос тут же следовал десяток советов, пожеланий, рекомендаций. Да и вели себя экзаменаторы как-то странно. Спрашивали, будто стесняясь спрашивать. Временами вообще замолкали. И тогда казалось, что они там, на орбите, вместо космонавтов выполняют задание, стараясь понять, тому ли они учили своих подопечных.

Все это было настолько буднично и привычно, что Юрий поймал себя на мысли о том, что отвечает на вопросы автоматически. Один из советов особенно понравился Юрию: записать заранее все свои вопросы, а в космосе только отвечать на них.

Сразу после экзамена Юрий взял в руки карандаш и принялся аккуратно записывать вопросы: «Как выглядят Солнце, Луна, звезды? Ощущается ли шарообразность Земли? Как невесомость влияет на подвижность вообще и на координацию движений в частности?..»

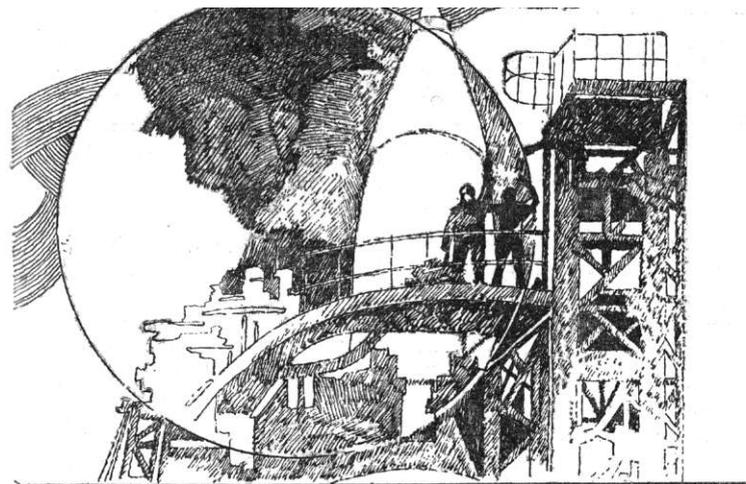
Ответы на вопросы уже через сутки казались простыми. Но это только через сутки, а пока... пока все было неизвестно, и Юрий, обдумав очередной вопрос, аккуратно записывал его в бортжурнал.

Вместе с тем беседы с экзаменаторами заронили в душе у Юрия и какое-то щемящее чувство тревоги: а вдруг действительно что-то не сделал, что-то забыл.

И это забытое в спешке что-то скажется в полете. Запись контрольных вопросов заглушила эту тревогу, но окончательно она не прошла. Юрий снова и снова перебирал в уме все то, что так или иначе могло подвести, и вдруг его неудержимо потянуло к ракете, которая должна унести его завтра в космос. Да, он был там сегодня в окружении друзей. Он встречался со стартовой бригадой, но не находился вдоволь вокруг ракеты, не посмотрелся на это чудо человеческой мысли, не поговорил с ней, хотя бы мысленно, как с живым существом,

которое завтра будет выполнять задание наравне с ним.

Каманин не стал ни о чем спрашивать Юрия, и уже через двадцать минут он был возле ракеты, любуясь ее совершенными формами, несколько раз молча обошел площадку, размышляя о завтрашнем полете и всей своей прошлой жизни. Он спрашивал, и ракета молчаливым уверенным тоном отвечала ему, что завтра все будет в порядке, что она не подведет и они вместе успешно выполнят задание Родины.

Сила и уверенность вернулись к Юрию, и он уже собрался было уходить с площадки, когда к нему подошел Королев.

— Пришел полюбоваться еще раз своей красавицей? — с легкой улыбкой спросил он.

— Да, Сергей Павлович. Завтра ведь я старта не увижу. Вот и пытаюсь представить себе, как это будет.

Юрий вопросительно посмотрел на Королева.

— Тогда, может, поднимемся? — вдруг предложил Сергей Павлович и тут же добавил: — Чувство простора оттуда прямо невероятное.

Через несколько минут они были наверху. Сергей Павлович не торопил Юрия. Он дал ему возможность пройтись по всей площадке, вдоволь насмотреться на открывавшиеся необъятные дали.

У Юрия было такое чувство, что вот именно сейчас ему предстоит стартовать и он прощается с родным домом — космодромом, с которым предстоит расстаться уже через несколько часов, чтобы проделать путь более чем в 35 тысяч километров. И хотя полет будет длиться всего 108 минут, цифра эта все-таки впечатляла.

Внезапно нахлынувшее чувство грусти заставило Юрия посмотреть на молчаливо стоящего у перил Королева, и он понял, что Сергей Павлович неспроста привел его сюда. Вероятно, ему хотелось сказать Юрию что-то свое, сокровенное, дать какой-то свой самый последний совет. Разговор шел короткими фразами, с большими перерывами, они говорили о подготовке, о родных, о Вале, о детях. Однако Юрия все же не покидало ощущение, что все это не то, не главное, ради чего пригласил его Королев сюда.

Небо на горизонте стало темнеть, и Сергей Павлович, будто ожидая этих минут, почти вплотную подошел к Юрию.

— Вот что, Юрий Алексеевич, — начал он, четко произнося каждое слово. — Вы должны знать — и старт и полет будут нелегкими. Предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, может быть, что-нибудь еще нам неизвестное и опасное для человека. Об этом мы много говорили, и тем не менее я хочу вам напомнить. Мы сделали все возможное, но все-таки в вашем полете есть риск, и риск немалый. Все может быть, Юра, все может быть. Ты должен это знать и принять окончательное решение, — неожиданно перейдя на «ты», продолжал Королев, — время еще есть.

Юрий понимал, как трудно было Сергею Павловичу произнести эти суровые слова. Осторожно дотронувшись до локтя Королева, он спокойно и твердо сказал:

— Я все понял, Сергей Павлович, и твердо верю, что все будет хорошо. Понимаете? Верю!

— Все будет хорошо, — будто подтверждая его слова, произнес Королев и крепко обнял Юрия.

Настроение у обоих сразу улучшилось, как всегда бывает, когда откровенно поговоришь с человеком, ко-

торому безгранично веришь и который с легким сердцем взял на себя часть твоей тяжелой ноши.

Сергей Павлович проводил Юрия, пообещал еще сегодня зайти к нему и Герману в домик.

Вечером Сергей Павлович зашел в домик космонавтов. Он знал их распорядок, их занятость различными медицинскими процедурами и потому пробыл всего несколько минут. Юрий видел волнение Королева. Ему очень хотелось помочь Главному конструктору, но он понимал, что это не в его силах.

Врачи долго колдовали над Юрием и Германом. Через 1,5 часа они были уже в постелях, обклеенные датчиками для измерения физиологических параметров.

Несколько минут из комнаты космонавтов слышался тихий разговор. Дверь отворилась, и в комнату заглянул Карпов:

— Может, вам помочь уснуть?

Врач засунул руку в карман, будто собираясь предложить снотворное, но и Юрий и Герман в один голос отказались от таблеток.

Еще через несколько минут оба уже крепко спали. Часы показывали 22 часа 00 минут.

После разговора с Беляевым прошло более двух суток. Валя не знала даты старта, и потому все эти дни были для нее очень тревожными. Чем бы она ни занималась, мысли ее были там, на космодроме.

Днем ей было значительно легче. Две дочки и гости не давали особенно много раздумывать. Нужно было что-то делать, куда-то спешить, о ком-то заботиться. Но вечером...

Уложив дочурок спать, проводив гостей, она осталась наедине с собой, и снова мысли одна тревожнее другой приходили к ней. В конце концов глаза смыкались, и она забывалась в беспокойном сне.

Приближение решающих событий Валя уловила по учатившимся визитам работников Центра подготовки космонавтов. Все, абсолютно все, было не так, как раньше. Какое-то время даже показалось, что полет состоится, но ей почему-то не говорят об этом. Тревожно сжалось сердце. Но она снова успокоила себя. По выражению лиц гостей Валя видела, что пока все идет хорошо. Все улыбались. Они бы не смогли так себя вести, если бы произошло что-то тревожное.

В ночь на двенадцатое юши не увидели исиенно долго, и в их поведении чуткое женское сердце сразу уловило напряженное ожидание. И Валя поняла, что решающие события приближаются, что они произойдут совсем скоро. Павел Иванович Беляев и тот выглядел озабоченным, несколько раз порывался что-то сказать Вале, но так и не решился.

Было за полночь, когда гости стали расходиться. Последним ушел Беляев. У порога он тихо сказал:

— Знаешь, ты плохо выглядишь. Надо поспать. Хоть немного. Впереди у тебя тяжелые сутки.

«Значит, точно. Остались часы», — мелькнула у Вали мысль.

А Павел Иванович, подумав немного, добавил:

— Ты не беспокойся. Наши женщины утром к тебе придут. Помогут. Все будет утром.

Беляев ушел, а Валя подошла к кроваткам дочерей. Тревожно вскрикнула Галочка, и даже Леночка, обычно спокойная, на этот раз постоянно шевелилась, выбирая удобное положение.

Спать не хотелось, но Валя решила, что надо хотя бы полежать. О многом хотелось подумать, многое вспомнить, а главное — представить, как же там ее Юрий. Валя бросила на край дивана подушку, придвинула кроватки дочек и прилегла на диван. Через несколько минут, так и не выключив свет, она уснула. Сказалось напряжение последних дней. Слова Беляева оказались целительным снотворным, на время ослабившим нервное напряжение.

12 апреля 1961 года
2 часа 30 минут

Королев долго и внимательно смотрел через раскрытое окно в степь. Рассвет еще не наступил, но темнота ослабла. Уже можно было угадать признаки наступления рассвета.

Погасив свет, Сергей Павлович снова подошел к окну и невольно усмехнулся своим мыслям. Действительно. Вот именно таким, как этот рассвет, должен быть и будет предстоящий полет — неизбежным, твердым и не подлежащим сомнению.

От этой неожиданной мысли как-то спокойнее стало на душе Королева. Полет стал неизбежностью. Он готовился годы, и сам Королев шел к нему всю свою

жизнь. Остался еще один, последний шаг. Надо отбросить всякие сомнения. На него будут смотреть.

«Все, — приказал себе Королев, — пора начинать рабочий день». Он сбросил рубашку и с удовольствием стал плескаться в прохладной чистой воде. С каждой каплей в него вливались новые силы. Королев чувствовал себя посвежевшим, сильным. Только больше и реже обычного проступили морщинки на лице, чуть больше обычного покраснели белки глаз, да и сами глаза, не успевшие отдохнуть, выдавали тайну бессонной ночи. По для этого надо было внимательно присмотреться к Королеву.

Было около трех часов, когда Сергей Павлович тихо вошел в домик космонавтов. Дежуривший здесь врач поднялся навстречу, собираясь доложить, но Королев предостерегающе поднял руку и тихо прошел в спальню. Осторожно открыв дверь, он несколько секунд смотрел на мирно спящих ребят.

— Ну как они?

— Прекрасно. Спят как младенцы. Даже удивительно. Я бы так не смог.

Королев усмехнулся. Вот и доктор удивляется, хотя и знает, что выбирали самых крепких парней. А вообще-то он прав. Волнение слишком велико для спокойно-го сна. Он сам это ощутил.

Сергей Павлович вышел из домика и остановился, засмотревшись на начинающие бледнеть звезды. Небо было чистым и обещало хорошую погоду. Кажется, все складывалось как нельзя лучше.

Подошедший инженер с красной повязкой узнал Королева и молча остановился. Из домика специалистов неподалеку слышалась громкая музыка. Люди не могли спать, и музыка помогала им справиться с волнением, охватившим их в преддверии ожидаемого старта. Однако домик космонавтов был совсем рядом, и громкая музыка могла мешать им. Сергей Павлович переговорил с дежурным, и они оба направились к специалистам.

Уговаривать никого не пришлось. Громкость убавили, и Сергей Павлович некоторое время разговаривал с этими замечательными, самоотверженными людьми. Но его снова потянуло на стартовую площадку. Он хотел быть там, в гуще событий. Тепло попрощавшись с собеседниками, Королев не торопясь отправился к сияющей вдали большими огнями ракете.

На площадке Сергей Павлович с первого взгляда по-

_____ — а пиуидле. п хотя сам был свидетелем «генеральских эффектов», уйти с площадки не мог. Он просто попытался сделать незаметнее, стараясь издала, по одному ему понятным признакам, определять ход работ. И уж если вмешиваться, то только в крайнем случае. Но, к счастью, никто такого повода ему не дал. Все шло по графику.

5 часов 30 минут

Юрий проснулся сразу, как только Карпов дотронулся до его плеча. Он чувствовал себя бодро, свежо, как будто в него влили новые, огромные силы. От этих чувств он невольно улыбнулся и на вопрос Карпова «Как спали?» бодро ответил: «Как учили».

Герман, который уже успел надеть свой спортивный костюм, многозначительно посмотрел на часы, и Юрий быстро оделся.

После физзарядки и душа космонавты привели себя в порядок, прошли очередной медицинский осмотр. В записной книжке врача появилась запись:

«Предполетный вес Ю. Гагарина — 68,5 кг, температура тела — 36,6 (по Цельсию), частота пульса в минуту — 88, частота дыхания в минуту — 14, артериальное давление — 120/70 (миллиметров ртутного столба), жизненная емкость легких — 4600 (кубических сантиметров)

Завтракать сели точно по графику. Космическая пища в тубах уже не казалась непривычной, безвкусной. Медики оказались правы, рекомендуя космонавтам уже на земле входить в космический режим питания. Организм приспособился к космической пище.

Последнее перед пуском заседание Государственной комиссии началось на стартовой позиции точно в шесть часов. Четкие, лаконичные доклады и наконец окончательный вывод — можно производить пуск.

После заседания Королев подозвал Каманина:

— Вы к ребятам?

— Да, к ним.

— Присмотрите, чтобы там, у ребят, все было в порядке. Я зайду к ним попозже. Пока надо кое-что здесь проконтролировать.

— Хорошо. Я все сделаю, — успокоил Каманин Королева и направился в МИК, где в одном из помещений космонавты надевали свои скафандры.

В космическом ателье специалисты высшего класса помогли Гагарину и Титову надеть на себя тонкое белое шелковое белье, теплый лазоревого цвета гермокостюм, а поверх него натянули ярко-оранжевый капроновый маскчехол. Такая окраска, по мнению специалистов, в любом месте посадки должна была помочь быстрее найти космонавта.

На ноги обоим надели кожаные черные ботинки. Примерили и специальные перчатки на металлических герметизирующих манжетах.

Минуты летели стремительно. Один из помощников положил в кармашек на груди Юрия удостоверение личности космонавта — первое в мире!

Специалисты долго проверяли каждую застежку, каждую складку скафандра. Наконец надел шлем с очень похожим на рыцарское забралом, разве только прозрачным и абсолютно сплошным, без прорезей. Защитное стекло подняли, и Юрий попробовал потрогать лоб. Шлем мешал это сделать, и он засмеялся: спрятали, как улитку в собственный домик, и не высунуться.

Вошел Каманин, спросил космонавтов о самочувствии, выяснил у специалистов результаты проверок и, убедившись, что все в порядке, похлопал Юрия по плечу.

Юрий приступил к окончательной проверке скафандра. Он встал с кресла, весело посмотрел на уже закончившего все проверки Германа и мягко погладил швы скафандра. Затем сделал несколько шагов, наклонов и снова сел в кресло. Замечаний не было. Оставалось ждать команды на старт.

Через несколько минут команда поступила. Юрий поднялся с кресла и направился было к выходу, как вдруг к нему подошел один из специалистов с маленькой баночкой золотистой краски и кисточкой. Он посмотрел на присутствующих и попросил разрешения нарисовать на шлеме четыре буквы: СССР.

Никто раньше не обращал внимания на отсутствие такой надписи, но теперь сразу же поняли ее важность. Ведь не исключался вариант, при котором приземление космонавта могло бы произойти и вне пределов Советского Союза.

— А что, предложение дельное. Надо выполнять, — раздался громкий голос вошедшего Королева.

Буквы были быстро нарисованы. Королев подошел к Гагарину:

— Как настроение?

— Отличное!

Юрий, улыбаясь, смотрел прямо в лицо Королеву и вдруг, погасив улыбку, как мог мягче произнес:

— Сергей Павлович, вы не беспокойтесь, все будет хорошо.

И затем еще тише повторил:

— Все будет хорошо.

Теперь уже улыбнулся Королев.

8 часов 30 минут

Из монтажно-испытательного корпуса Юрий вышел первым. Неторопливо, чуть переваливаясь с ноги на ногу, он направился к зеленому автобусу, который должен был доставить его с Германом к месту старта.

Все, кто был в этот момент в районе корпуса, собрались вокруг, чтобы проводить космонавта. Юрий поднял в приветствии обе руки да так и шел некоторое время, не опуская их. Ему очень хотелось поблагодарить каждого за внимание к нему, но времени уже не оставалось. Даже с друзьями-космонавтами Юрий перед посадкой в автобус не успел перемолвиться хотя бы несколькими словами.

Понимая, что на стартовой площадке уже некогда будет прощаться с Юрием, многие подходили к нему уже здесь, в автобусе. Каждый старался пошутить, чем-то развеселить космонавта. Юрий шутил, смеялся, но иногда выражение его лица становилось задумчивым. В эти минуты он вел дружеский разговор с тем, кто долгие годы был рядом, с кем вместе мечтали и строили планы будущих космических полетов. Сейчас он, Юрий Гагарин, мог доложить Юрию Дергунову, что путь в космос открыт и что сегодня вместе с Гагариным в полет уйдет и он, Юрий Дергунов.

6 часов 50 минут

В этих цифрах никакой ошибки нет, если вести отсчет по московскому времени.

Время. Оно как бы отодвинулось назад и приблизило всех к столице нашей Родины — Москве. Вся программа подготовки к старту была расписана по московско-

му времени, и если мы раньше использовали в повествовании местное время космодрома, то только потому, что совпадали по времени привычные нам часы отбоя и подъема, закат солнца и его рассвет.

И сейчас, когда в Москве начинался трудовой день, на Байконуре уже было 8 часов 50 минут.

Выскочивший первым из автобуса врач помог Юрию выйти. За ним вышли Титов и остальные. Впереди, метрах в двадцати, Юрия ждали члены Государственной комиссии. Но Юрий медлил. Не мог он вот так просто уйти, не попрощавшись с друзьями. Он неловко обнял Германа и стукнулся своим шлемом о его шлем, обменявшись с ним только им двоим понятным взглядом.

Юрий раскинул руки, и друзья-космонавты окружили его.

— Дорогие мои! — взволнованно заговорил Юрий. — Мы всегда были большими друзьями! Наша дружба должна стать еще крепче! Вот такой, как этот крепко сжатый кулак!

Голос Юрия прервался, и он замолчал, справляясь со своим волнением. Потом уже более спокойным голосом он закончил:

— До встречи на земле, родные мои!

Этими словами Гагарин попрощался не только с космонавтами. Он прощался с теми, кто готовил его к полету, с родными и близкими, с теми, кто хотел осуществить мечту о полете в космос, но кому не довелось дожить до этого дня. Это он шел сейчас на штурм космоса вместо них — вместо Юрия Дергунова, вместо Циолковского и многих, многих других известных и неизвестных — мечтавших о далеких просторах вселенной. Каждый из них сделал свой вклад в приближение возможности космического старта. И вот теперь Юрий накануне осуществления их мечты. Он прощался со всеми, обещал вернуться на родную землю, твердо уверенный в своей победе над космической стихией.

К председателю Государственной комиссии Юрий подошел твердым шагом, собрав всю свою волю в кулак, и спокойно доложил:

— Товарищ председатель Государственной комиссии, летчик-космонавт старший лейтенант Гагарин к полету на первом в мире космическом корабле-спутнике «Восток» готов.

— Счастливого пути! Желаем успеха! — услышал он в ответ теплое пожелание.

прощание было коротким и строгим. На произнесение речей времени не оставалось. Каждый говорил жаждал о главном. Все ждали, что скажет Юра. Его голос хотели услышать и запомнить все присутствующие на старте. Это понимал и Юрий и потому, прежде чем подняться на лифте в корабль, сказал:

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? — Юрий на мгновение задумался.

«В такие минуты надо сказать о сокровенном, какое бы ни было оно великое и торжественное. Говорить то, о чем думаешь в эту минуту. Сейчас!» — решил Юрий и продолжил свою речь:

— Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

С каждым словом голос Юрия креп, становился увереннее. То внимание, с которым его слушали, та напряженная тишина, воцарившаяся на стартовой площадке, придали ему сил и уверенности. Юрий остро чувствовал всю торжественность происшедшего и ту ответственность, которую взял на себя перед людьми. И он сказал:

— Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос! Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятком людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я

решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Юрий сделал паузу, обвел взглядом внимательную аудиторию слушателей и взволнованно продолжал:

— Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

До скорой встречи! — закончил Юрий, и его голос, многократно усиленный электронной аппаратурой, разнесся далеко в степные просторы.

Аплодировали ему долго, а он уже поднимался по металлической лестнице вверх, к лифту. А через несколько минут уже на верхней площадке он поднял над головой руки, еще раз приветствуя своих товарищей, остающихся на Земле, а затем скрылся в люке космического корабля «Восток».

7 часов 10 минут

С помощью стартовой бригады Юрий занял свое место в космическом корабле, деловито осмотрелся. Все привычно, давно обжито на специальных тренировках, и, может быть, поэтому ему показалось, что он вновь проходит очередную тренировку, но в отличие от прежних к ней почему-то приковано слишком пристальное внимание окружающих.

Юрий усмехнулся своим мыслям, чуть приподнял голову, чтобы посмотреть на лица людей, руки которых легко скользили по парашютному снаряжению, по скафандру, по органам управления, проверяя их исходное состояние.

— Приступайте к проверке скафандра, — услышал Юрий по связи голос Каманина сразу после обмена контрольными фразами и посмотрел на часы.

— Вас понял — приступить к проверке скафандра. Через три минуты. Сейчас занят, — доложил он обстановку на землю. Вскоре последовал его доклад об окончании проверки скафандра. Затем Юрий проверил работу магнитофона, связь по всем каналам. Попросил убрать передаваемую по одному из каналов музыку: она мешала работать...

7 часов 28 минут

Юрий закончил проверку оборудования и только после этого услышал чуть приглушенный и несколько измененный микрофоном, но такой знакомый голос Сергея Павловича Королева:

— Как чувствуете себя, Юрий Алексеевич? — спросил Королев и, услышав бодрый ответ, добавил: — Дела у нас идут нормально. Машина готовится нормально. Все хорошо.

Юрий ожидал, что Королев выйдет с ним на связь несколько раньше. Но Сергей Павлович не стал вмешиваться в основной цикл предстартовой проверки.

По тону Королева Юрий понял, как волнуется Сергей Павлович, и ему захотелось сейчас же успокоить его.

— Проверку связи закончил, — начал он свой доклад, — исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения, широта северная — 63 градуса, долгота восточная — 97 градусов, коррекция — цифра 710, время разделения — 9 часов 18 минут 07 секунд. Подвижный индекс ПКРС находится в исходном положении — первые сутки, день. Давление в кабине — единица, влажность — 65 процентов, температура — 19 градусов, давление в отсеке — 1,2, давление в системе ручной ориентации — 155, первой автоматической ориентации — 155, второй автоматической ориентации — 157, давление в баллоне ТДУ — 320 атмосфер. Самочувствие хорошее.

Юрий подумал и твердо добавил:

— К старту готов.

Королев принял доклад, но тут же снова забеспокоился:

— Юрий Алексеевич, я хочу вам просто напомнить, что после минутной готовности пройдет еще минуток

шесть, прежде чем начнется полет. Так что вы не волнуйтесь.

— Вас понял. Совершенно спокоен, — ответил Юрий. Он знал о такой особенности старта, но понимал настроение и волнение Главного конструктора.

После Королева на связь вышел парторг отряда космонавтов Попович, который начал свой разговор с традиционного:

— Юра, как дела?

На что получил такой же традиционный в отряде ответ:

— Как учили.

— Ну добро, добро, давай, — поддержал Гагарина Павел. — Ты понял, кто с тобой говорит?

— Понял — «Ландыш», — снова засмеялся Юрий.

— Ты сейчас занят?

— Я работой не занят, — сообщил Юрий, закончивший все проверки.

— Юра, нашел продолжение «Ландышей». Понял? Споем сегодня вечером.

Популярная в то время песня «Ландыши», переделанная местными поэтами на космическую тему, получилась озорной и веселой. Она не раз поднимала настроение космонавтов, и они постоянно добавляли новые куплеты. Об очередном новом куплете, посвященном старту, и сообщил Юрию Попович. Он знал, что это сообщение обрадует Юрия и немного снизит стартовое волнение.

7 часов 44 минуты

И снова Королев вышел на связь с Юрием, воспользовавшись минутной паузой при переходе к новому этапу работы по проверкам систем корабля:

— У нас все идет отлично. Как чувствуете?

Королев говорил спокойно, но Юрий чувствовал, какого труда это стоит Сергею Павловичу.

— Вас понял, — поспешил с ответом Юрий. — У меня тоже все хорошо, самочувствие хорошее. Сейчас будут закрывать люк номер один.

Ему хотелось сказать Сергею Павловичу еще что-то хорошее, успокаивающее, что обычно говорят сыновья отцам перед трудной дорогой, но в разговор неожиданно вмешался один из операторов:

— Как слышите? Проверяю связь из бункера.

Голос оператора прозвучал настолько внезапно и резко, что показался Юрию даже оглушающим.

— Вас слышу хорошо, — сразу же ответил Юрий, — немного потише говорите. Как поняли?

Оператора интересовало, работал ли Юрий одной или двумя кнопками при проверке связи.

— Работал кнопкой на пульте. Сейчас работаю кнопкой на ручке управления. Работал и обеими кнопками. Вы слышите хорошо? Как поняли?

Юрий снова и снова проверял связь, а сам невольно ловил себя на том, что ждет продолжения разговора с Королевым. Ведь он чувствовал, что Сергей Павлович хотел ему еще что-то сказать.

Юрий знал, что сейчас Сергей Павлович слушает его радиопереговоры и ждет новой паузы. А оператор снова спрашивал:

— Проверьте удобство пользования памяткой. Как поняли?

— Понял вас правильно. Проверяю, — ответил Юрий и протянул руку к боковой стенке, открыл кармашек и потрогал рукой памятку и конверт с магическим числом, набор которого на специальном пульте позволял взять управление кораблем на себя.

Сколько разговоров было об этом конверте, сколько шуток в среде космонавтов! Правда, перед посадкой в космический корабль один специалист по-дружески шепнул Юрию этот код, чтобы он в случае необходимости быстрее реагировал на неожиданную ситуацию. Мало ли что. Где-то заест защелка, порвется конверт или упадет в какую-то щель.

— Пользование памяткой и возможность считывания сигналов проверил. Все нормально.

7 часов 56 минут

Сергей Павлович Королев был доволен хорошим настроением Юрия Гагарина, который действовал четко, докладывал о своем состоянии спокойно. Если и волновался (в чем, собственно, Сергей Павлович и не сомневался), то тщательно скрывал это волнение. Во всяком случае, медики не заметили каких-либо отклонений от нормы.

Руководитель полета закончил переговоры с Гагариным, и Сергей Павлович снова взял в руки микрофон,

но в это время к ним подошел Попович. Королев знал, что он ходил к своим товарищам-космонавтам. Сергей Павлович решил, что слово друзей перед стартом ободрит Юрия. Он молча протянул микрофон Поповичу.

— Юра, — радостно зарокотал в микрофон Попович, — тебе привет коллективный от всех ребят. Сейчас был у них. Как понял?

— Понял вас. Большое спасибо. Передайте и им от меня самый горячий.

— Добро.

Сергей Павлович еще некоторое время послушал их переговоры, затем посмотрел на часы и взял в руки микрофон:

— Юрий Алексеевич, как слышите меня?

— Слышу вас хорошо. Знаю, с кем разговариваю, — бодро ответил Юрий.

— Юрий Алексеевич, — продолжал Королев, — я хочу вам напомнить, что я не буду давать слово «секунды», а просто давать цифры. Например: 50, 100, 150 и дальше. Понятно?

— Понятно. Так и думал.

В этот момент в динамике раздался доклад оператора о том, что нет контакта от одного из концевиков входного люка космического корабля, через который осуществлялась посадка Гагарина в корабль.

Прежняя тревога охватила Сергея Павловича. Появилась предательская мысль: «Отставить полет. Снова и снова проверить все системы». Но усилием воли Сергей Павлович подавил это желание. Ведь все проверялось не один и даже не сто раз. Все должно сработать. А люк... с ним работали только что. Вполне возможно, что в волнении при закрытии допустили небольшой перекос. Ведь это вполне устранимо.

Королев взял в руки микрофон, вызвал стартовую бригаду и потребовал доклада.

Радостный голос ответил ему тотчас же:

— Сергей Павлович, тридцать секунд назад закончили установку крышки люка. Приступаем к проверке герметичности.

Сергею Павловичу очень хотелось накричать на говорившего, но он сумел укротить себя и спокойно спросил:

— Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?

— Нет, Сергей Павлович. Все нормально.

— Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3! — чуть повысил голос Королев и тут же громко приказал: — Немедленно снять крышку и проверить контакт!

Для Гагарина снятие крышки должно было быть тревожным сигналом, и поэтому Сергей Павлович поспешил сам успокоить его.

— Юрий Алексеевич, — как можно мягче и спокойнее начал Королев, — у нас так получилось — после закрытия люка вроде один контактик не показал, что он прижался, поэтому мы сейчас будем снимать люк и потом его поставим снова. Как поняли меня?

Сообщение поступило вовремя, и Юрий спокойно смотрел снизу вверх на открывшийся клочок голубого неба, пока еще такого далекого, но обещающего приблизиться со сказочной быстротой.

Очень захотелось Юрию туда, не откладывая, сейчас же, чтобы не томиться многочасовым ожиданием старта. Он уже трижды докладывал, что готов к старту, хотя и понимал, что раньше назначенного времени старт космического корабля не произойдет. Ведь все работы рассчитаны по минутам, по этапам. Повторное открытие люка могло только затянуть ожидание, но Юрий надеялся, что ребята постараются и не нарушат общий график подготовки.

Юрий оторвал взгляд от неба и нажал кнопку связи. Сергей Павлович ждал его ответа.

— Понял вас правильно. Люк открыт. Проверяют сигнализаторы.

— Ну и отлично! Хорошо! — обрадовался Королев, почувствовав по голосу Юрия, что он спокойно воспринял создавшуюся ситуацию.

Еще через несколько минут Каманин сообщил Юрию, что объявлена часовая готовность.

8 часов 10 минут

Как только люк закрыли во второй, и теперь уже в последний, раз, Юрий услышал от Каманина сообщение о 50-минутной готовности, и сразу же на связь вышел Сергей Павлович Королев.

— Как слышите меня? Крышку уже начали ставить, наверное? — поинтересовался он.

— Вас слышу хорошо. Крышку уже, очевидно, кончают заворачивать.

— Понял вас. У нас все хорошо.

— У меня тоже. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое.

— Ну очень хорошо, — подвел итог Королев и сразу же сообщил главное: — Только что справились из Москвы о вашем самочувствии. Мы передали, что все нормально.

— Понял вас. Передали правильно.

Самочувствие у Юрия действительно было нормальным, даже прекрасным, если бы не некоторые неудобства скафандра. Он сковывал движения, не давал размяться, почувствовать себя вольным и свободным. Чуть стали затекать пальцы ног, чувствовалось неудобство положения.

В институте Юрию первым пришлось испытать скафандр. Но там все было как-то проще. Шестичасовое Сидение воспринималось относительно легко. Сейчас же прошел всего час, а он уже почувствовал некоторое неудобство, как будто он надел костюм с чужого плеча и он где-то жал, а где-то был слишком свободным.

Юрий пошевелился всем телом, подвигал пальцами ног, несколько раз напряг все свои мышцы, чтобы заставить интенсивнее двигаться кровь и избежать неприятных ощущений. Он почувствовал себя лучше. Все, что требовалось от него перед стартом по инструкции, было выполнено, а впереди оставалось целых пятьдесят минут.

Юрий подумал о том, что неплохо бы было сейчас услышать по динамику музыку, а еще лучше узнать, что творится там, за крепкими стенами космического корабля. Он пытался представить себе, что сейчас делают наземные службы, хотел услышать хоть какой-то звук извне, исходивший не из наушников. Но слышал только характерное шипение в микротелефонах. Юрий попросил:

— Если есть музыка, можно немножко пустить?

И сразу же Сергей Павлович дал команду:

— Станция «Заря», выполните просьбу «Кедра». Дайте ему музыку.

Прошло две-три минуты. Юрий продолжал прислушиваться, стараясь уловить шумы выполняемых снаружи работ. Перед этим генерал Каманин сообщил ему, что на рабочих площадках все закончено и сейчас членов-стартовой бригады отпускают. Шума не было слышно. Юрий ощущал лишь легкие вздрагивания корпуса ко-

рабля. Не было и музыки, о чем он и сообщил Королеву после очередного запроса. Сергей Павлович засмеялся:

— Понятно. Это же музыканты — пока туда, пока сюда. Не так-то быстро дело делается, как сказка скывается, Юрий Алексеевич.

В этот момент из динамика в кабине космического корабля послышалась нежная лирическая мелодия, и Юрий поспешил сообщить Королеву:

—* Дали. Про любовь.

— Дали музыку про любовь? — уточнил Сергей Павлович. — Это толково, Юрий Алексеевич, я считаю.

Юрий разговаривал по связи, слушал музыку и в то же время продолжал напряженно прислушиваться ко всем звукам. Колебания корпуса корабля прекратились, но вместо них стало прослушиваться какое-то постукивание. Юрий попытался, но так и не смог определить, какая же это была операция.

Настроение продолжало оставаться прекрасным, но чем ближе подходило время старта, тем острее Юрий начал чувствовать, как внутри его все туже и туже закручивается комок нервов, как будто стартовать должен был он сам, своей мускульной силой, а не силой ракетных двигателей. И только шутки товарищей, постоянные запросы отвлекали его, снижали напряжение.

После проверки телевидения Сергей Павлович похвалил Юрия:

— Смотрели сейчас вас по телевидению — все нормально. Вид ваш порадовал нас — бодрый. Как слышите меня?

— Вас слышу хорошо. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. К старту готов, — как заклинание повторил Юрий и снова стал внимательно проверять показания приборов, положение ручек и переключателей. Это была работа. Это успокаивало. Это помогло ждать.

8 часов 32 минуты

Снова Москва поинтересовалась здоровьем и самочувствием Гагарина. Там волновались, ждали, надеялись.

Когда Юрию сообщили о втором запросе из Москвы, он вдруг ощутил какую-то неловкость. Ведь еще ничего не сделано, а о нем так беспокоятся, волнуются. Не при-

вык он к такому вниманию. И Юрий понял, что наступают самые ответственные минуты. Он должен быть готов к различным вариантам. Снова пробежал глазами по приборам.

— Займите исходное положение для регистрации физиологических параметров, — послышался голос Каманина.

«Вот оно! Началось! •— пронеслось в голове Юрия.— Теперь счет пойдет действительно на минуты, а то и на секунды».

Юрий выполнил команду и сразу доложил:

— Исходное положение для регистрации физиологических функций занял.

Программа выполнялась точно по графику.

8 часов 40 минут

Сергей Павлович выслушал доклады специалистов. Все было в порядке. До старта оставалось минут двадцать пять, и пора было перебираться со стартовой площадки в бункер управления.

— Юрий Алексеевич, — сообщил он Гагарину, — мы сейчас переговорную точку переносим со старта в бункер. Так что у вас будет пятиминутная пауза, а в бункер переходят Николай Петрович и Павел Романович. Я остаюсь пока здесь до пятиминутной готовности. Но они будут транслировать, что я им буду говорить. Поняли меня?

— Понял вас, — подтвердил Гагарин слова Королева. — Сейчас со старта переходят в бункер. Пятиминутный перерыв, затем передачу будете осуществлять через них.

— Ну вот, все нормально. Сейчас отводят фермы. Все янет по графику. На машине все идет хорошо.

На успокаивающие слова Королева Юрий ответил, что у него все идет превосходно, и вдруг неожиданно спросил:

— Как по данным медицины — сердце бьется?

Королев с улыбкой посмотрел на Каманина, и тот сразу же сам вышел на связь с Юрием:

— Пульс у вас 64, дыхание — 24. Все идет нормально.

— Понял, — засмеялся Юрий, — значит, сердце бьется.

Сергей Павлович остался на старте, чтобы проверить выполнение последних операций. Его контроль на этот раз был незаметен. Для него главное — увидеть все своими глазами, убедиться, что все в порядке.

Спустившись в бункер, Каманин огляделся. Он был уже здесь при других пусках. И казалось, ничто с тех пор не изменилось. Все то же продолговатое бетонированное помещение, вдоль стен которого расположились многочисленные пульта операторов. В центре и чуть справа разместились два перископа для наблюдения за всем происходящим на поверхности земли. Недалеко от них расположился и новый пункт связи с космонавтом.

Каманин только собирался проверить новый канал связи, как услышал встречный вопрос Гагарина:

— Какая сейчас готовность?

— 15-минутная готовность, — ответил Каманин и сразу добавил: — Напоминаю — наденьте перчатки. Как поняли?

У Юрия были часы. Он знал время старта и мог определить готовность. Но то была готовность теоретическая, а он не знал, что могло произойти за стенами космического корабля за время пятиминутного перерыва связи. Поэтому, услышав ожидаемый ответ, Гагарин радостно доложил:

— Вас понял — 15-минутная готовность. Надеть перчатки. Выполняю.

Юрий надел перчатки, ловко защелкнул манжеты.

— Перчатки надел. Все нормально.

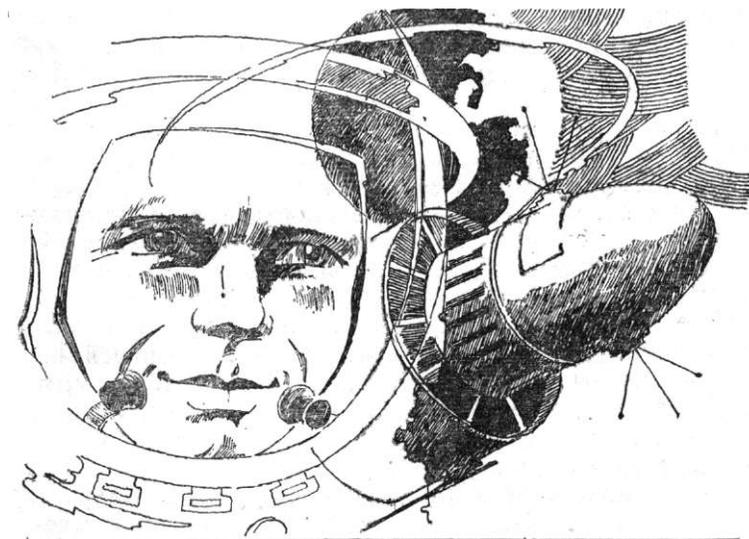
Юрий в который раз окинул взглядом приборы. Их не так уж и много было на приборной доске космического корабля по сравнению с приборной доской самолета. Как и в самолете, здесь были и указатель высоты полета, и указатель скорости полета, и указатель давления в различных системах.

Особое внимание привлекал к себе навигационный индикатор, в корне отличающийся от самолетных. По изображению земной поверхности на его глобусе он мог в любой момент определить местность, над которой пролетает корабль, а также место предполагаемой посадки, если включить тормозную двигательную установку.

Среди различного оборудования корабля Юрий с осо-

бым вниманием посматривал на магнитофон. На его пленку записывалось каждое слово космонавта. «Наверное, будет очень удобно, — размышлял Юрий, — в полете фиксировать с его помощью различные наблюдения, комментарии, выводы, которые невозможно будет успеть записать на бумаге. К тому же было неизвестно, сможет ли человек так же четко и уверенно писать в невесомости, как и на земле».

Вдруг Юрий увидел, что лампочка сигнализации работы магнитофона погасла. Он быстро переключил

управление с автомата на ручное. Лампочка не загорелась. Магнитофон не работал. «Вот и первая вводная для меня», — подумал Юрий. Он не торопился, хотя сама мысль о том, что с первых минут он может лишиться такого союзника, как магнитофон, была не особенно приятной.

«Вероятно, в магнитофоне кончилась пленка, на которую записываются стартовые переговоры. Нужно ее перемотать. Вручную это сделать нельзя: работа в ручном варианте предусматривалась только в аварийном режиме на орбите. Сейчас управление полностью взяла

на себя земля, и, может быть, оператор еще не выдал команду на перемотку», — предположил Юрий.

Через несколько минут стало ясно, что его предположение подтвердилось. Пленку перемотали по команде с земли, и лампочка вновь успокаивающе загорелась.

Все переговоры Юрия транслировались и по громкоговорящей связи в различные помещения стартовой позиции. Их могли слышать не только специалисты, но и многочисленные корреспонденты, гости, и, наверное, все они после ответа Юрия об исправности магнитофона в который раз перевели дух и еще внимательнее стали прислушиваться к малейшему звуку из маленьких динамиков.

8 часов 55 минут

Напряжение росло. Вернее, даже не напряжение. На растало нетерпение. Быстрее! Быстрее! Быстрее на старт! Чего все вокруг медлят?

Юрий понимал, что раньше определенного программой времени старт просто невозможен. Техника должна пройти все этапы подготовки, и только тогда ракета уйдет в неведомые дали.

Но все это он понимал умом. Сердце же заставляло волноваться и все время шептало ему: «Скорей бы, скорей бы! Быстрей бы узнать, что скрывается там, на неизведанной доселе высоте, куда не проникал пока ни один человек».

Каманин сообщил Юрию:

— Объявлена десятиминутная готовность... Закройте гермошлем. Доложите.

Глухо шелкнул замок, и защитный щиток гермошлема четко встал на свое привычное место.

— Гермошлем закрыл, — доложил Юрий. — Все нормально. Самочувствие хорошее. К старту готов!

Он невольно посмотрел на часы. Прошло десять минут после объявления 15-минутной готовности, а 5-минутной готовности не объявляли. Значит, кто-то опаздывает, не укладывается в график.

— Готовность пять минут. Поставьте громкость на полную. Громкость на полную! — повторил Каманин последнюю фразу. Юрий улыбнулся — невозмутимый и всегда сдержанный генерал Каманин тоже проявлял признаки волнения. Юрий добавил громкость, занял положение для регистрации физиологических функций,

снова спокойно доложил обо всем на землю. Вопреки собственным ожиданиям эта задержка не изменила хорошего настроения Юрия. Отставание было слишком незначительным, чтобы переживать из-за него.

Сергей Павлович, который как раз перед этим спустился в бункер, внимательно выслушал доклад Юрия и взял в руки микрофон:

— У нас все нормально, — сообщил он Юрию. — До начала наших операций — до минутной готовности еще пара минут.. Как слышите меня?

— Слышу вас хорошо, — обрадовался Юрий голосу Королева. — Вас понял — до начала операций осталась еще парочка минут. Самочувствие хорошее, настроение бодрое. К старту готов. Все нормально.

И почти сразу же, выслушав очередные доклады, Королев объявил:

— Минутная готовность. Как вы слышите?

Юрий не сразу ответил на запрос Королева, и тот нетерпеливо переложил микрофон из одной руки в другую, будто он был виноват в том, что Юрий молчал.

Пауза затягивалась, и Королев направился было к одному из специалистов, чтобы дать задание на проверку связи, но в этот момент Юрий все же ответил:

— Вас понял — минутная готовность. Занимал исходное положение. Занял. Поэтому несколько задержался с ответом.

— Понял вас, — облегченно вздохнул Королев. — Во время запуска можете мне не отвечать. Ответите, как у вас появится возможность, потому что я буду транслировать подробности.

Юрий обрадовался такой перспективе. Ведь он будет знать весь ход событий из первых уст. Да и секунды не будут в этом случае тянуться слишком долго. Они приобретут реальный отсчет по отрезкам времени от одной команды к другой.

А Сергей Павлович, уже приступив к своей несколько необычной для него роли комментатора, сообщил первую команду:

— Ключ на старт! Дается продувка.

— Вас понял.

— Ключ поставлен на дренаж.

— Понял вас, — снова подтвердил сообщение Гагарин.

И снова Королев информировал:

— У нас все нормально. Дренажные клапаны закрылись.

— Понял вас. Настроение бодрое. Самочувствие хорошее. К старту готов.

— Отлично. Отошла кабель-мачта. Все нормально.

— Понял вас. Почувствовал, слышу работу клапанов...

9 часов 07 минут

Напряжение достигло своего апогея. Королев уже почти кричал в микрофон, крепко сжимая его своей большой рукой:

— Дается зажигание, «Кедр»!

— Понял. Дается зажигание.

— Предварительная ступень!.. Промежуточная!.. Главная!..

Уже не ожидая ответов Юрия, транслировал команды Королев и наконец громко, с растяжкой, даже неистово выдал последнюю предстартовую команду:

— Подъ-е-м!

Из динамиков раздался Юрин ответ:

— Поехали!

Это был восторг и радость человека, добившегося все-таки исполнения своей мечты, вышедшего на завершающий этап такого необыкновенного пути.

Юрий замер в кресле. Мелкая дрожь прошла по всему кораблю, и он затрясся в учащающейся лихорадке. Тряска была похожа на езду в деревенской телеге по разбитому шоссе с его бесчисленными ухабами и рытвинами.

Юрий был готов услышать оглушающий рев ракетных двигателей первой ступени. Но, к его удивлению, шум оказался ничуть не больше, чем при взлете его родного истребителя.

Уже через несколько мгновений Гагарин справился со своим волнением и начал свой космический репортаж:

— Шум в кабине слабо слышен. Все проходит нормально. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Все нормально.

Он услышал взволнованный голос Королева:

— Мы все желаем вам доброго полета! Все нормально!

— До свидания! До скорой встречи, дорогие Друзья!

Юрий вновь перешел на рабочий тон:

— Вибрация учащается. Шум несколько растет. Самочувствие хорошее. Перегрузка растет.

Шум и вибрация на какие-то секунды отвлекли Юрия от самого главного противника на этапе старта — перегрузки. Но она сама дала о себе знать, и Юрий почти мгновенно почувствовал, что перегрузка достигла единицы. Он сразу же поспешил занять поточнее исходное положение для катапультирования. Этого строго требовали правила бортовой инструкции. Ведь неисправность могла произойти ежесекундно. В этом случае должна была сработать автоматика и космонавт катапультировался бы с корабля даже в случае, если корабль и не оторвался бы от стартового стола. Система спасения предусматривала и такой вариант. Она бы спасла космонавта, но при одном условии: он должен находиться в кресле в четко зафиксированном положении. Нарушит положение, и при катапультировании набегающий поток воздуха может сломать ему руку, ногу, позвоночник, причинить много других травм, в том числе и смертельных.

Постепенно тряска стала стихать, но перегрузка непрерывно продолжала расти. Вскоре она достигла пяти единиц. Юрий хотел доложить на землю ход полета, но не смог. Не преодолел сил, стянувших мышцы лица.

Юрий заволновался. Ведь на тренировках он достаточно хорошо переносил перегрузки до десяти единиц, а здесь всего каких-то пять. Он сосредоточился, напрягся, превратившись в тугую сжатую пружину, и вдруг услышал голос Королева:

— Время семьдесят.

Значит, прошло всего семьдесят секунд полета. Действительно, время не всегда одинаково. То летит молнией, то переваливается черепахой, а то и вовсе ползет улиткой.

Юрий знал, что там, на земле, ловят каждое его слово, каждое его сообщение, а он вместо этого почти 70 секунд не дает о себе знать. Он напряг всю свою силу воли, преодолел перегрузку и ответил:

— Понял вас. Семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

— Время сто, «Кедр». Как чувствуете себя?

— Самочувствие хорошее, — только и смог доложить Юрий, прижатый страшной силой к креслу. Но земле было достаточно и этого.

— По скорости и времени все нормально, — сообщил Сергей Павлович и тут же, не выдержав, вновь спросил: — Как себя чувствуете?

В этот момент Юрий услышал резкий хлопок и ощутил небольшой толчок, как будто от ракеты что-то оторвалось. Юрий замер. Что это? Он знал по секундам все, что должно было произойти. Но ведь никто из людей не летал до него на ракете, не мог рассказать о своих ощущениях.

После хлопка Юрий сразу почувствовал облегчение. Все тело вдруг стало легким, почти невесомым. «Неужели невесомость? — мелькнула мысль, — ведь еще рано». И вдруг он все вспомнил и даже удивился, что мог забыть такое. Просто закончила свою работу первая ступень ракеты-носителя, которая и отделилась от него. Исчезло ускорение, а следовательно, упала и перегрузка. По ощущению она вновь составляла всего одну единицу. А так как организм успел приспособиться к перегрузке, то обратное действие и дало ощущение невесомости во всем теле.

Теперь можно было выходить на связь, и Юрий доложил:

— Кончила работать первая ступень. Спали перегрузка, вибрация. Полет продолжается нормально. Слышу все хорошо. Разделение почувствовал. Работает вторая ступень. Все нормально.

Перегрузка вновь стала расти. Это указывало на то, что вторая ступень ракеты-носителя работает точно по программе. Уровень шума от ее работы был несколько меньше, чем от первой ступени. Да и сами перегрузки уже не были такими большими. Юрий с интересом стал ждать. Вот-вот должен быть сброс головного обтекателя, и тогда он сможет что-то увидеть и во «Взоре», и в иллюминатор.

Но, как ни ждал Юрий момента сброса обтекателя, он произошел неожиданно. Снова резкий толчок, хлопок, заставивший Юрия вздрогнуть, и вот уже Юрий видит, как плавно, словно в замедленном кино, уплывает вниз под ракету обтекатель. Еще чуть-чуть, и он совсем пропал из виду.

— Произшел сброс головного обтекателя, — снова доложил Юрий, — во «Взоре» вижу Землю.

Во «Взоре» была очень хорошо видна Земля. Юрий думал, что чем выше, тем все более расплывчато и смутно сможет он видеть родную Землю. А она вот рядом. Почти рукой можно достать. Это так обрадовало Юрия, что он уже совсем забыл о перегрузке и радостным, даже несколько неистовым, голосом снова сообщил:

— Во «Взоре» вижу Землю! Хорошо различима Земля!

Этот возглас был похож на крик моряка, первым увидевшего землю.

Разница была лишь в том, что Земля сейчас не приближалась, а, наоборот, с каждой секундой удалялась от космического корабля.

Сергей Павлович вновь подбодрил Юрия:

— Молодец, отлично! Все идет хорошо.

— Понял вас, — обрадовался Юрий словам Королева. Он понимал, что земле необходимо как можно больше подробностей. Потом, после возвращения, даже его краткий рапорт поможет и ему самому вспомнить многие детали и впечатления. Если же с ним что-нибудь случится, это будет единственный документ для ученых и специалистов при подготовке следующего космического полета. А что такой будет даже в случае его неудачи, Юрий ни секунды не сомневался. Другое дело, что его неудача может надолго отодвинуть осуществление следующего полета.

Но сейчас Юрий твердо верил в успех и кратко рассказывал обо всем увиденном.

— Вижу реки. Складки местности различимы хорошо. Видимость хорошая. Отлично все во «Взоре» видно. Видимость отличная. Продолжаю полет. Несколько растут перегрузка, вибрация. Все переношу нормально. Самочувствие отличное, настроение бодрое. В иллюминатор во «Взоре» наблюдаю Землю. Различаю складки местности, снег, лес. Самочувствие отличное. Как у вас дела? Наблюдаю облака над Землей — мелкие кучевые и тени от них. Красиво. Красота! Как слышите?

— Слышим вас отлично, — прозвучал в ответ спокойный голос Каманина. Юрий хотел уже было снова продолжить наблюдение Земли, но услышал хлопок, и перегрузка стала падать. Вновь появилось ощущение невесомости во всем теле.

«Отработала вторая ступень», — понял Юрий. Все в порядке. Осталось совсем немного. Он доложил на Землю и прислушался, пытаясь уловить момент вклю-

чения третьей ступени. Но так и не смог этого сделать и только по плавному росту перегрузки понял, что включилась и третья ступень.

Юрий вспомнил, что ему послышался какой-то щелчок по корпусу корабля. Он был так незаметен, что не привлек к себе внимания, а это и был, наверно, момент включения третьей ступени.

Проплывающая во «Взоре» панорама Земли впечатляла, открывая все новые и новые красоты. Юрий различал реки и даже островки на них. Еще он заметил, что изображение Земли на экране все время перемещается не плавно по курсу полета, а будто колеблясь вокруг курсовой оси.

«Да ведь это не Земля колеблется, — понял Юрий, — это сама ракета колеблется, а ощущается все через изображение Земли». Он еще присмотрелся и понял, что ракета колеблется не только вокруг своей оси, но и по курсу. Значит, с помощью «Взора» действительно можно не только рассматривать Землю, но и с определенной степенью точности определять колебания корабля и направления разворотов. Да, их учителя были правы, говоря о таком способе ориентации космического корабля. Это он уже понял наглядно. А ведь сколько было сомнений, когда об этом читались лекции, приводились теоретические выкладки.

Юрий все дальше и дальше удалялся от места старта. Своих корреспондентов по связи он слышал все слабее и слабее. Земля закуталась облаками. И только изредка сквозь разрывы облаков мелькали то складки гор, то леса.

9 часов 21 минута

Юрий напрягся, сжал руками подлокотники кресла и вдруг почувствовал во всем теле необыкновенную легкость. Его бросило вверх. Показалось, что ремни не выдержали и он вылетел из кресла. Но это показалось. В следующее мгновение он уже увидел, что по-прежнему находится в кресле, крепко пристегнутый привязанными ремнями.

Юрий рассмеялся:

— Ну здравствуй, знакомая незнакомка. Хорошо же ты встречаешь гостей.

Он обращался к невесомости как к живому существу. Юрий давно привык разговаривать с животными, де-

ревьями, цветами, когда бродил в лесу. Ходить молча было неинтересно, а беседовать хорошо. Интересно было отвечать за них, наделять их различными свойствами.

Невесомость встретила его несколько неожиданно. Не так, как это было в самолетах.

Юрий вышел на связь и доложил:

— Произошло разделение. Наступило состояние невесомости.

Некоторое время он смотрел в иллюминатор, потом стал быстро комментировать:

— Продолжаю полет. Чувствую, — и тут же поправился: — Не чувствую, наблюдаю некоторое вращение корабля вокруг осей. Сейчас Земля ушла из иллюминатора «Взора». Самочувствие отличное. Чувство невесомости благотворно влияет. Никаких плохих явлений не вызывает. Вот сейчас через иллюминатор «Взора» проходит солнце. Немножко резковат его свет. Вот солнце уходит из поля зрения.

Юрий оторвал взгляд от экрана «Взора», посмотрел в иллюминатор и сразу с восторгом сообщил на Землю:

— Небо! Небо черное! Черное небо, но звезд не видно! Может, мешает освещение? Переключаю освещение на рабочее. #

Это помогло, и он снова доложил:

— Мешает свет телевидения. Из-за него ничего не видно.

9 часов 25 минут

Юрий снова вышел на связь. На Земле могли волноваться — он уже некоторое время молчит. Да и сам он целых 4 минуты ее не слышал.

«Восток» уходил из зоны связи с «Зарей» (Байконуром). Пора было налаживать связь с новым пунктом связи — с «Весной».

— «Весна» — на связь! — запросил Юрий. — Как меня слышите?

«Весна» молчала, хотя и сама тоже должна была вызывать Юрия. Выждав некоторое время, Юрий решил снова вызвать «Зарю». Возможно, услышат. А не услышат — он все равно обязан посылать в эфир свои сообщения. Может быть, это он их не слышит, а они его слышат прекрасно.

«Заря» ответила на запрос быстро, и, хотя сообщила,

что слышит Юрия удовлетворительно, а не хорошо, все равно это радовало. Значит, он сейчас находится где-то на границе слышимости «Зари» и «Весны». В зависимости от атмосферной обстановки его могут слышать и те и другие. Юрий решил обращаться сразу к обеим станциям.

— «Заря»! Я — «Кедр»! «Заря»! Я — «Кедр»! «Весна»! Я — «Кедр»! «Весна»! Я — «Кедр», — несколько раз повторил он запрос. — Произошло разделение с носителем в 9 часов 18 минут 07 секунд согласно заданию. Самочувствие хорошее. Включился «Спуск-1». Подвижный индекс ПКРС движется ко второму положению. Все окошки ПКРС горят. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Параметры кабины: давление — единица, влажность — 65, температура — 20 градусов. Давление в отсеке — единица. В ручной системе — 155, в первой автоматической — 157, в баллоне ТДУ — 320 атмосфер. Чувство невесомости переносится хорошо, приятно. Продолжаю полет по орбите. Как поняли?

Но ответа на столь подробный доклад не последовало. Молчала уже и «Заря». Юрий снова выждал некоторое время. Пауза затягивалась. Молчание начинало беспокоить. Значит, снова надо заняться делом. Продолжу репортаж. Это поможет ему. Да и на земле не будут так волноваться, если услышат его.

— Полет проходит успешно, — четко выговаривал слова Юрий. — Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, все системы работают хорошо. Объект продолжает вращаться. Вращение объекта можно определить по земной поверхности. Земная поверхность все уходит влево. Объект несколько вращается вправо. Хорошо! Красота! Самочувствие хорошее. Продолжаю полет. Все отлично проходит. Все проходит отлично.

Юрий подумал, что земля, может быть, недоумеает от того, что он не отвечает на ее призывы, и решил сообщить, что связи не имеет. Стараясь не выдать волнения, Юрий шутливо спросил землю:

— Что-то по «Заре» связи нет?

И сразу же понял, что ошибся. Ведь он не мог установить связь с «Весной». А «Заря» и так говорила с ним больше расчетного времени. Поэтому он тут же исправился:

— По «Весне», по «Весне», с «Весной» связи нет. Что можете мне сообщить?

На этот раз ответ земли дошел до него. Но это опять была «Заря»:

— Слышу вас хорошо. Приборы работают нормально. Самочувствие нормальное.

Юрий засмеялся. У кого это нормальное самочувствие! У тех, кто остался на земле? Он вдруг представил, каким нормальным было бы это самочувствие, если бы вдруг связь действительно прервалась и надолго. Нет, надо постоянно вести свой репортаж.

— Вас слышу хорошо, — первым делом успокоил Юрий землю и только потом продолжил: — Чувство невесомости интересно. Все плавает. Плавает все. Красота! Интересно.

Снова не сдержал своего восторга Юрий и тут же перешел на рабочий доклад:

— «Весну» не слышу. Не слышу «Весну». Самочувствие хорошее. Настроение бодрое. Полет продолжаю. Невесомость проходит хорошо. В общем, весь полет идет хорошо. Полет проходит чудесно! Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, все системы работают хорошо. Что можете сообщить мне? Все слышу отлично. Что можете сообщить о полете?

— Полет проходит нормально, — успокоила земля. Юрий вдруг вспомнил о своих товарищах-космонавтах, которые сейчас разбросаны по всей территории Советского Союза, работают на наземных наблюдательных пунктах. Они внимательно следят и за связью, и за маленькой светлой точкой в небе, стараясь помочь Юрию. Ему вдруг захотелось самому каким-то образом показать ребятам, что помнит о каждом из них, что в его полете есть частица и их труда, их пот и соль тренировок, их муки и надежды. Юрий вспомнил, что где-то под ним должен находиться один из НИПов*. Там работает на связи их веселый редактор Леша Леонов. И, передав в эфир запрос о своих координатах, Юрий сразу же добавил:

— Привет Блондину.

Он не имел права называть фамилию, но надеялся, что все ребята, сидящие на связи, поймут его обращение. Поймут, что, обращаясь к Леше, он приветствует весь отряд космонавтов.

А «Заря» снова спрашивала:

* НИП — наземный измерительный пункт.

— Как слышите меня?
И снова Юрий успокаивал землю:
— Вас слышу хорошо...

9 часов 30 минут

Юрий в очередной раз послал вопрос о своих координатах, но услышал в ответ короткий запрос «Зари»:

— Как слышите меня?

И связь с «Зарей» прекратилась теперь уже окончательно. В работу вступала система дальней радиосвязи «Весна». Юрий приступил к выполнению дальнейшей программы, изредка повторяя свои сообщения.

Как ни интересны были наблюдения в космосе, но нужно было выполнять и другую работу. Положив на колени планшет, он стал набрасывать ответы на заранее заготовленные вопросы. Изредка отпускал карандаш и планшет из своих рук, и они смешно плавали, натягивая фалы, которыми были прикреплены к креслу.

Записав очередной ответ, Юрий разжал руки и полюбовался, как плавно разошлись в разные стороны планшет и карандаш. Они как живые существа трепетали на фале, стараясь вырваться на свободу, спрятаться в недоступный для космонавта закоулок космического корабля.

По программе Юрий должен был поесть в невесомости. На земле космонавты принимали пищу при кратковременной невесомости, и все вроде получалось. Но то были секунды, в которые космонавты успевали проглотить крохи. Сейчас же надо было съесть полностью завтрак. Юрий достал тубы, снял колпачок с одной из них, проколол отверстие и, захватив губами, стал высасывать содержимое.

Быстро и незаметно он расправился со своим завтраком. Все было прекрасно. Даже появилось озорное желание пустить одну из туб в путешествие по кораблю. Но передумал. Туба ведь могла улететь далеко, и он не сможет ее достать. А при посадке она вдруг возьмет и вывалится откуда-нибудь, и кто знает, какие причинит ему неприятности. Уж лучше не рисковать.

Правда, в удовольствии поэкспериментировать Юрий себе не отказал. Он вытянул руку с тубой прямо перед своим лицом и чуть-чуть ослабил усилие пальцев. Туба не вырывалась. Тогда он вообще разжал пальцы, но не убирал их от тубы, чтобы успеть вовремя подхватить

ее. Туба зависла. Потом будто нехотя стала отклоняться от своего положения. Юрий рукой сопровождал ее и затем возвратил на прежнее место. Все же интересно было посмотреть на предмет, который как в сказке висел в воздухе.

Закончив опыт, Юрий закрепил тубу на свое место и хотел было внести в боржурнал свои впечатления, как вдруг обнаружил, что карандаш исчез.

Планшет с боржурналом плавал как ни в чем не бывало, а карандашный фал одним концом все так же был прикреплен к креслу, а на другом конце карандаша не было. Юрий подтянул к себе фал и понял, что произошло. Карандаш крепился к фалу специальным хомутиком на винтике. И вот этот винтик отвернулся.

Юрий поискал карандаш, но не нашел. Одна возможность документировать результаты исследований и свои ощущения пропала. Он зафиксировал планшет и повернулся к магнитофону. Теперь он заменит ему карандаш. Главное — он записал карандашом образцы почерка. Ясно, что в космосе писать можно. А новую информацию он, как и прежде, будет наговаривать на магнитофон и передавать по связи в эфир.

Юрий вспомнил о том, что в автоматическом режиме магнитофон работает постоянно и может слишком рано израсходовать пленку. Он перевел управление магнитофоном на ручное. Теперь можно будет включать его только тогда, когда необходимо записать информацию. Пленки хватит наверняка. Удачно решив эту маленькую проблему, Юрий тихо запел свою любимую песню «Родина слышит, Родина знает». Он пел ее, не подозревая, что это ведь тоже своего рода эксперимент в космосе.

9 часов 40 минут

Космос щедро одаривал Юрия новыми впечатлениями. Прекрасный вид горизонта, неведомый ему доселе яркий свет далеких звезд, панорама Земли и облака...

И вдруг все пропало. Внезапно наступила темнота. Только что Юрий отвернулся от иллюминатора, стараясь избежать ярких солнечных лучей, и вдруг — сплошная темнота.

«Что же это такое? — тревожно пронеслась мысль. — Неужто что-то произошло?» Юрий бросил взгляд на стрелку часов и сразу вспомнил: в это время корабль

должен войти в тень Земли. «Так вот оно что», — обрадовался Юрий и с еще большим интересом стал всматриваться в иллюминатор и во «Взор».

Как, однако, ни напрягал он свое зрение, ни Земли, ни звезд увидеть не смог. «Как же так? — недоумевал Юрий. — Ведь должно же быть хоть что-то видно?»

Он подождал немного и вдруг увидел в иллюминатор звезду. Затем вторую. Они медленно проплывали от одного края иллюминатора к другому. Получалось, что корабль продолжает вращение. Мысленно представив себе положение иллюминатора «Взора», Юрий понял и вторую причину! почему не видно изображения Земли? Все оказалось просто — объектив «Взора» направлен на Землю, которая находится в тени и не отражает на «Взор» никаких лучей. Отсюда и сплошная мгла. Как говорят, хоть глаз выколи, а ничего не видно.

Юрий попробовал определить, какие звезды он видел. Но это оказалось довольно трудно. В иллюминаторе проплывали одиночные звезды, и только один раз он увидел целое созвездие. Определить его он не успел. Мешало вращение корабля. Кроме того, он был крепко притянут ремнями безопасности к креслу и не имел возможности подобраться к иллюминатору вплотную, чтобы посмотреть в космос как из окна родного дома.

Юрию очень хотелось освободиться от привязных ремней, попробовать невесомость в свободном парении, но инструкция на этот счет была очень строгой. Он не имел права ее нарушать, хотя был уверен, что невесомость не преподнесла бы ему неприятных сюрпризов.

Через некоторое время Юрий заметил, что скорость перемещения звезд уменьшилась, а потом они и вовсе остановились. Это говорило о том, что включилась в работу система ориентации и стабилизации корабля, которая точно зафиксировала нужное положение корабля перед выходом из тени для предстоящего вскоре спуска.

9 часов 48 минут

Запросив «Весну», Юрий передал очередное сообщение:

— 9 часов 48 минут. Полет проходит успешно. «Спуск-1» работает нормально. Подвижный индекс ПКРС движется. Давление в кабине — единица, влаж-

ность — 65, температура — 20, давление в отсеке — 1,2. Давление в ручной — 150, первая автоматическая — 155, в баллонах ТДУ — 320 атмосфер. Самочувствие хорошее. Настроение бодрое.

Чуть выждав, Юрий снова передал:

— Нахожусь в тени. Включилась система ориентации.

Он хотел, было продолжить свое сообщение, как вдруг услышал родные русские слова:

— Вас понял. Полет проходит нормально. Орбита расчетная.

10 часов 00 минут

Сергей Павлович внимательно вслушивался в переговоры Юрия с операторами. Все шло точно по программе. Вынужденный перерыв в связи, когда станция «Заря» передавала ведение связи станции «Весна», не тревожил Королева. В зависимости от условий распространения радиоволн это могло случиться.

Правда, при связи Юрия с «Весной» на космодроме уже не могли слушать Гагарина. Но на «Весне» знали, что Королев очень ждет сообщений о полете. Поэтому по предварительной договоренности Королев каждую минуту получал сообщения в виде цифр: 5... 5... 5... Это значило, что полет проходит нормально, отклонений от программы нет. Четверка в сообщении означала, что отклонения незначительные. Тройка уже требовала бы принятия экстренных мер, так как означала, что на корабле произошло что-то серьезное, требующее срочного вмешательства земли. О двойке никто даже не хотел думать, но и она все же была в разработанном заранее коде.

Когда Гагарин уже пролетал над Южной Америкой, Королев вдруг услышал сообщение: «3». Сразу защемило сердце. Незаметно для окружающих (так, во всяком случае, ему самому казалось) Сергей Павлович положил под язык таблетку валидола и замер, ожидая очередного сообщения.

И оно наступило. Но снова это была злополучная тройка, а потом сообщения вообще прекратились...

Пять минут продолжалась для Королева неизвестность, и никто не знает, что он пережил за эти минуты.

Операторы использовали все возможные каналы

связи, чтобы как можно скорее прояснить обстановку. И вот наконец вновь пошли пятерки.

Оказалось, виной всему был сбой в одном из наземных телеметрических устройств.

10 часов 05 минут

Юрий продолжал внимательно смотреть в иллюминатор. Предстоял выход из тени, и он не хотел пропустить этот момент, как это получилось со входом в теневую зону. Но все же первые признаки выхода из тени показались внезапно.

Это был горизонт Земли.

Величественный, прямо-таки сказочный ореол вокруг кромки планеты. По самому горизонту шла радужная оранжевая полоса. Далее она немного темнела и всеми цветами радуги переходила в голубой цвет, а голубой цвет переходил, в свою очередь, в черный. И наконец корабль полностью вышел из тени.

Юрий немедленно доложил:

— Внимание, внимание! 10 часов 09 минут 15 секунд. Вышел из тени Земли. Через правый иллюминатор «Взора» видно, как появилось солнце. Объект вращается (космический корабль «Восток»), очевидно, работает система ориентации. Вот сейчас во «Взор» наблюдаю Землю. Наблюдают Землю. Пролетаю над морем.

Подтверждение своему докладу Юрий увидел и на приборах. В системе ориентации заметно падало давление двигателей ориентации. Прошло совсем немного времени, и падение давления прекратилось — ориентация корабля закончилась.

Полет продолжался. Юрий вновь видел под собой океан — Атлантический. Второй океан за последние полчаса. Многие люди совершали кругосветные путешествия, многие любовались океанскими просторами, но увидеть океанские просторы с космической высоты не доводилось никому. За полтора часа кругосветное путешествие удавалось до сих пор только героям фантастических произведений.

А океан был спокойным, серым, ровным. Изредка легкая рябь, очень похожая на движение песков в пустыне, пробегала по его поверхности. Эти легкие волны как бы напоминали Юрию: «Смотри, мы живем, мы движемся, мы приветствуем тебя!» Юрий поднял руку, привет-

ствуя и океан, и корабли, видимые отсюда крошечными лодочками. И вдруг он понял, что легкие барашки волн есть не что иное, как огромные океанские волны — там внизу сейчас бушует шторм.

10 часов 18 минут

Юрию не хотелось отрывать взгляда от иллюминатора, но необходимо было выполнять программу. Прошла уже вторая команда из цикла подготовки спуска. Зеленый огонек подсказывал: «Приготовься, Юрий. Пора».

Юрий прикрыл правый иллюминатор, пристегнулся крепче ремнями, закрыл гермошлем и, переключив освещение на рабочий режим, стал ждать третьей команды — включения ТДУ.

К этому времени корабль был сориентирован так, что ось ТДУ была направлена точно на Солнце и система стабилизации строго поддерживала это положение. Юрий чуть напрягся, ожидая срабатывания ТДУ. Срабатывает или нет? И если срабатывает, то как? Точно ли по программе? Руки его крепко вцепились в подлокотники кресла, и, если бы не перчатки, наверное, было бы видно, как они побелели.

Юрий тряхнул головой, сгоняя напряжение, чуть ослабил пальцы. Преждевременное напряжение может плохо сказаться при спуске. Все должно быть вовремя. ТДУ начнет работать, но перегрузка и не должна возрасти мгновенно. Пройдет какое-то время, и он всегда успеет к ней приспособиться. Только вот когда это будет? Медленно тянулись минуты. Теперь его снова, как и перед стартом, охватило нетерпение: «Быстрее бы!» Юрий контролировал правильность прохождения команд через автоматику и ждал. Ждал очередной команды. Ждал завершения программы.

Юрий слегка дотронулся перчаткой до переключателей и клавиш пульта управления, переключил кнопку на навигационном индикаторе, чтобы определить предположительное место посадки. По «Глобусу» получилось, что если сейчас начнет работать ТДУ, то он приземлится в районе Волги, может быть, даже вблизи родного Саратова...

Юрий улыбнулся, обрадовавшись такому предположению. Все-таки неплохо возвращаться после долгого перерыва в родные места. Но расслабляться нельзя.

Вдруг ТДУ не сработает и команду придется выдавать вручную сейчас или на втором вынужденном витке. Тогда вряд ли попадешь в родной Саратов.

Юрий снова посмотрел на часы. Да, вот сейчас должна сработать ТДУ. Длинные минуты подходили к концу. Сейчас... Юрий замер, стараясь уже не дышать. Он ждал. Секунда, другая, третья.

10 часов 25 минут

Долго ждать не пришлось. Послышался небольшой шум, и корабль легко вздрогнул. По прибору давление в ТДУ стало падать. Это значило, что заработали двигатели, изменяя траекторию полета корабля.

Ровно через 140 секунд, как и было предусмотрено программой, ТДУ закончила свою работу. Юрий почувствовал резкий толчок, будто внутри что-то оборвалось, и появившаяся небольшая перегрузка за счет ускорения резко пропала, уступив место уже привычной невесомости. Корабль закружило, завертело вокруг всех осей с большой скоростью. Юрий только и успевал, что закрывать глаза от яркого солнца, мелькавшего в иллюминаторе «Взора». Он должен был закрыть и этот иллюминатор шторкой, но очень уж не хотелось отгораживаться от окружающего мира. Он только слегка прикрыл иллюминатор ногой.

Вращение продолжалось. Юрий знал, что сейчас сделавшая свое дело ТДУ должна отделиться вместе с приборным отсеком от возвращаемого аппарата и начнется режим спуска в атмосфере.

По «Взору» сквозь разрывы облаков мелькали Африка, извилистые берега Средиземного моря. Очертания Земли стали более четкими — значит, идет снижение. Начали расти и перегрузки, которые успели достичь уже двух единиц. Он с каждой секундой приближается к Земле. Чуть прикрыв иллюминатор шторкой, Юрий ждал разделения...

10 часов 35 минут

Как ни ожидал Юрий разделения, как ни готовился к нему, а произошло оно внезапно. Резкий удар, жесткий толчок. На пультах погасла вся сигнализация. Но зато появилась одна, долгожданная и радостная для Юрия надпись «Приготовиться к посадке».

Об этом ему можно было и не напоминать. Он давно уже занял необходимое положение.

Корабль стал вращаться медленнее, четче, и различимее стали видны пейзажи в иллюминаторе, больше стали перегрузки. Появились какие-то новые колебания корабля, как будто он, как живое существо, продираясь сквозь чащу, искал более удобные и легкие пути, сворачивая то влево, то вправо.

Вдруг по краям шторки иллюминатора появился ярко-багровый свет. На мгновение Юрий даже забыл о всех колебаниях, тряске и постоянно растущей перегрузке. Вот она, встреча с родной атмосферой. Это она сжигает защитную оболочку возвращаемого отсека корабля, пытаясь добраться до космонавта, не желая его возвращения. А может быть, все обстоит как раз наоборот — она хочет помочь космонавту сбавить скорость его стремительного корабля.

Юрий прислушался и в наступившей тишине вдруг отчетливо услышал легкое потрескивание разгоревшегося огня. Он знал, что этого не могло быть, что, вероятнее всего, это самообман, но ничего не мог с собой поделать: он явно слышал это тихое потрескивание разгоревшегося огня. Всем своим телом он вдруг ощутил тысячеградусную температуру вне корабля.

К счастью, продолжалось это недолго. Через какие-нибудь две-три минуты ярко-багровый огонь у иллюминаторов стал гаснуть. Но зато значительно возросла перегрузка, достигшая уже семи единиц. У Юрия был даже момент, правда, очень кратковременный — всего две-три секунды, когда в глазах потемнело, стали «расползаться» показания приборов. Он знал по опыту вращений на центрифуге, что в этих случаях надо собрать всю свою волю, напрячься и попытаться перебороть появившуюся слабость. Он напрягся, стараясь вырваться из наступившей кромешной тьмы; помогло: все стало на свои привычные места.

Это был самый трудный момент. Перегрузка быстро пошла на убыль.

10 часов 40 минут

Теперь уже Юрий был твердо уверен в нормальном исходе полета. То, что проверил и испытал сам, не вызвало сомнений. Снова появилось огромное желание закончить все побыстрее.

Странно, он был в полете всего каких-нибудь полтора часа, а сейчас, возвращаясь на Землю, испытывал такое же чувство, как при возвращении в родные края после многолетней разлуки.

10 часов 45 минут

Перегрузка исчезла. По всей вероятности, это совпало с преодолением звукового барьера. Очень четко стал слышен свист ветра, как в обыкновенном самолете. Видно, Земля уже совсем близко.

Настроение было прекрасным. По его прикидкам, отклонений от расчетной траектории не было. Следовательно, он садится где-то в родных саратовских краях. Наклонив голову, Юрий постарался увидеть, что делается на Земле, и увидел реку. Да, это Волга. Другой такой величественной реки в этом районе не могло быть. На обоих берегах были видны города. И Юрий сразу же догадался, что садится в районе Саратова — Энгельса.

Прикинув, куда его может снести, Юрий подумал, что, может быть, придется не приземляться, а приводняться.

Чем ближе к Земле, тем четче он различал земные ориентиры, узнавал знакомые места, которыми не раз любовался во время парашютных прыжков.

Спуск замедлился. Юрий понял, что приводняться не придется.

Он приготовился к жесткому приземлению, но Земля гостеприимно встретила первого своего космонавта: корабль мягко опустился на поле.

Юрий Гагарин совершил посадку в родных местах, сделал первый шаг по родной земле... И одновременно шагнул в бессмертие.

ЭПИЛОГ

ЗЕМЛЯ — КОСМОС. ГОД 2000-Й И ДАЛЕЕ...

Полет Юрия Гагарина открыл дорогу в неведомое, он практически показал человечеству его возможности.

Человечество всегда мечтало познать загадки Земли, Галактики. Во вселенной много замечательных объектов. Взять хотя бы «черные дыры».

Еще не так давно считалось, что «черные дыры» возможны только в теории. Лишь в 1971 году астрономы открыли, что видимым «партнером» гигантской голубой звезды в созвездии Лебедя, вероятно, является подобный объект. Всего же в Галактике (Млечном Пути), по расчетам ученых, должно находиться по меньшей мере 10 миллионов «черных дыр».

Что представляют собой эти загадочные объекты?

Раньше ученые полагали, что если даже «черные дыры» существуют, то особо беспокоиться не следует: ведь они невидимы, и их нельзя обнаружить. Подобное отношение изменилось только в 1968 году, когда радиоастрономы из Кембриджа объявили об открытии пульсаров, крошечных пульсирующих объектов, которые, как вскоре выяснилось, оказались нейтронными звездами. Эти звезды, как и «черные дыры», представляют собой тела с очень высокой плотностью материи и долгое время считались не поддающимся наблюдению теоретическим курьезом. Сейчас известны уже сотни пульсаров.

Нейтронные звезды названы так потому, что электроны и протоны их атомов сдавлены силой гравитации в нейтральные атомные частицы, нейтроны. Нейтронные звезды — это важный ключ к пониманию природы «черных дыр», поскольку космические объекты обоих типов возникли в результате гибели больших звезд.

Всем знакомо созвездие Малой Медведицы. Оно объединяет 20 звезд, доступных невооруженному глазу. Основная «достопримечательность» Малой Медведицы — это Полярная звезда. Однако не все знают, что рядом с ней Солнце выглядело бы скромно: поперечник Полярной в 120 раз больше солнечного диаметра. Это типичная **цефеида**. Так называют переменные звезды-сверхгиганты, периодически изменяющие свой блеск. Такое явление объясняется пульсацией **наружных** слоев звезды, приводящей к периодическому изменению ее радиуса, температуры и блеска. Работает этот своеобразный механизм очень ритмично — период между соседними максимумами яркости Полярной звезды составляет четверо земных суток. Недавно в созвездии Малой Медведицы радиоастрономы открыли еще один любопытный объект — звезду, выбрасывающую струю вещества на расстояние в 6 световых лет, то есть 55 триллионов километров. Энергия выброса колоссальна. По расчетам, она достигает энергии, которую излучают десять миллиардов обьРйшх солнц.

Немало тайн хранят и наши соседи, планеты солнечной системы. Древние греки считали, что Марс обитаем. Для современной науки этот вопрос остается пока открытым. Космические полеты по-

могут установить истину. Счастливого будущее человечества немислимо без победы разума над непознанным и таинственным.

Извечен вопрос: одиноки ли мы во вселенной? Проблема встречи с инопланетными разумными существами весьма актуальна, философски важна, а ныне еще и злободневна. Интерес к другим цивилизациям не случаен. Сейчас этим занимаются представители многих научных направлений, и вполне естественно, что среди ученых нет единого мнения. Есть ли жизнь на других мирах, не знает пока никто. К. Э. Циолковский верил в существование других цивилизаций, верил в заселение космоса.

Нужны годы и годы упорного труда, исследований, концентрации творческих усилий всего человечества. И деньги, идущие ныне на вооружение, можно было бы использовать для этой благороднейшей задачи.

Сколько бы ни создавали самых новейших образцов оружия, они с такой же неудержимой скоростью устаревают, с какой появляются новые виды техники.

Можно верить в грядущее заселение космоса, в распространение человечества по мировому пространству. Но вряд ли будут аналогии между освоением космоса и заселением новых земель на нашей планете. Разные цели и формы, иная философская подоплека... В античные и средневековые времена колонизация новых земель велась путем покорения народов и племен, закабаления целых государств. Стремление к обогащению, наживе, роскоши являлось основным стимулом. Освоение же космического пространства связано со стремлением проникнуть в тайны вселенной, познать околоземную среду, заглянуть в далекое прошлое и будущее Земли. Освоение космоса, межпланетные полеты проводятся в интересах всего человечества, но не горстки эксплуататоров. Нет сомнений, что человечество, осознав научную и практическую пользу от освоения космоса, в недалеком будущем объединит свои усилия во имя прогресса и процветания.

Люди помнят наказ первого космонавта Земли коммуниста Юрия Алексеевича Гагарина: «Пусть космические корабли понесут научные экспедиции к далеким планетам. Но пусть не понесут они никогда смертоносный груз».

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Вместо пролога.</i> Байконур — Космос. Год 1962-й . . .	3
<i>Глава первая.</i> Байконур — Оренбург. Год 1957-й . . .	7
<i>Глава вторая.</i> Заполярье. Год 1958-й • • <	18
<i>Глава третья.</i> Москва — Заполярье. Год 1959-й . . .	33
<i>Глава четвертая.</i> Москва — Заполярье — Поволжье — Оренбург — Звездный. Год 1960-й . . . , , « . .	48
<i>Глава пятая.</i> Москва — Звездный — Байконур — Космос — Земля. Год 1961-й	143
<i>Эпilog.</i> Земля' — Космос. Год 2000-й и далее.	203

Попович П. Р., Лесников В. С.

Не могло быть иначе!: Космическая хроника. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 205 е., ил. (Люди и космос).

70 к. 100 000 экз.

Повесть-хроника дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР Павла Поповича и Василия Лесникова рассказывает о жизненном пути первого космонавта Земли Юрия Гагарина, о первом космическом полете человека о становлении советской космической техники и подготовке первых космонавтов

— 70302—295 " " ББК 39.6
078(02)—80" — — 80. 360700000 6Т6(09)

ИБ № 2180

Павел Романович Попович
Василий Сергеевич Лесников

НЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ!

Редактор В. Родиков
Художник Б. Федюшкин
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор З. Ходос
Корректоры И. Тарасова, А. Долидзе, Т. Пескова

Фопм^оят^вя2[^]6П^ря/²⁰Пу⁵ма⁸⁰га Подписано в печать 05.11.80. А13854.
тепат^нияи» типографская № 1. Гарнитура «Ли-
тературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,92+0,94 с вкл.
Учетно-изд. л. 12,2. Тираж 100 000 экз. Цена 70 коп. Заказ 562!

пТя?1\$&Я д⁷н⁶з Труд^ово⁰го Красного Знамени издательства
гиии-Гпчп^тМ^еолодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии. 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

СЕРИЯ «ЛЮДИ И КОСМОС»

Одной из интереснейших археологических находок 1979 года была находка каменной звездной карты при раскопках жилищ поселения Малая Сья в отрогах Кузнецкого Алатау. Возраст карты более тридцати тысяч лет! Люди древнекаменного века уже изучали звезды...

Но только 4 октября 1957 года начала осуществляться извечная мечта человечества о космосе — на орбиту вышел первый советский искусственный спутник Земли.

В космонавтике как в зеркале отражен современный уровень достижений науки и техники. Освоение космоса — это познание неизвестного, это мужество и героизм его исследователей.

Запечатлеть в книжной летописи становление, развитие и перспективы отечественной космонавтики, рассказать о людях, штурмующих космос в кабинах космических кораблей, в научных лабораториях, в заводских цехах, об интереснейшем процессе познания тайн природы призвана серия книг «Люди и космос», выпускаемая издательством «Молодая гвардия».

Предлагаем вниманию читателей книги серии «Люди и космос».

ШАТАЛОВ В. А. Трудные дороги космоса. 1978.

С 1971 года Владимир Александрович Шаталов руководит подготовкой космонавтов. Дважды Герой Советского Союза В. А. Шаталов рассказывает о своем пути в авиацию и космонавтику, о трех космических полетах, в которых он участвовал, о товарищах-космонавтах, о советских космических программах, об особенностях профессии космонавта.

КЛИМУК П. И. Рядом со звездами. 1979.

Петр Ильич Климук трижды побывал в космосе. Вместе с Виталием Ивановичем Севастьяновым автор книги провел на борту орбитальной станции «Салют-4» в условиях невесомости 63 дня. О своих впечатлениях и раз-